

Annotation

Преуспевающий молодой менеджер столичного автосалона оказывается в теле оболтуса, работающего электриком ЖЭКа образца 1975 года. Как вам такой обмен жизнью? Тогда представьте какво Кеше Петрову, что попал в тело Кеши Васечкина?

СССР для него пустой звук, как и понятия социалистического соревнования, комсомол, кодекс строителя коммунизма. Как человек, чье детство прошло в девяностые, сможет выжить в советское время? Иннокентий!

*

Иннокентий

Глава 1

Попал так попал!

— Кеша! Кеша, вставай, лодырь несчастный! Иннокееентий!

Да что же это такое? Откуда этот надоедливый голос? Иннокентий Петров с трудом повернулся на промятой кровати и попытался раскрыть глаза. Почему-то это простое действие у него плохо получалось.

«Оооо! Как жутко болит голова! Где он так вчера наепенился!»

Тело молодого человека никак не желало прийти в себя. Проклятое утро! Или день?! Осознание того, что он может опоздать на работу, и это именно в тот момент, когда ему светит повышение, придало Иннокентию сил.

— Кеша, ты опять нажрался в зю-зю? С кем пил эту гадость?

Послышался звук бренчащих по полу бутылок.

«Едрить твою налево! Мы палёнки вчера что ли надрались?»

От этой мысли стало дурно, Кеша на всякий случай повернулся набок, но желудок не желал опорожняться. Видимо, еще ночью все вышло. Тем и лучше. Но как чертовски болит голова! Он так не наепенивался со времен лихой молодости. Это тогда еще не испорченный излишествами организм радостно накидывался на все, что блестело яркими наклейками. Разные виды алкоголя, дурманящий разум кальян, легкодоступные блохастые девки.

«Как же так? Что вчера случилось?»

Наконец, Иннокентию удалось разлепить веки, и он тут же зажмурился. Из окна незакрытого занавесками больно ударило ярким светом, пришлось прикрыть глаза.

— Кеша, ты собираешься вставать? Тебя же с работы выгонят! Алкаш несчастный!

«Что же ты так громко орешь! Божечки ж ты мой. Работа! Атас! Это палево. Притвориться, что заболел? Точно, отравился!»

— Брры бруу...

Вместо слов изо рта почему-то вылетали странные звуки. Язык никак не желал выдавать правильные фразы. Да что же это такое! Иннокентий огромным усилием воли попытался подняться и со стоном упал обратно на продавленную койку. Такое впечатление, что тело напрочь отказывалось его слушаться.

«Точно, его отравили. Врача!»

Но опять вместо слов вылетели странные звуки.

После минутного провала в памяти Петров снова попытался открыть глаза и хотя бы присесть. Это ему удалось, но зрение особо не улучшилось и вместо четкого изображения перед ним маячило некое яркое пятно. Оно спросило участливым голосом:

— Кеша, с тобой все хорошо?

«Да быть не может!»

Теплая волна омыла Кешу изнутри, придав ему бодрости.

— Мама, мамочка!

Хотелось заплакать. Что за странный, но расчудесный сон. И голос мамы такой молодой! Единственного человека, которого он по-настоящему любил в жизни. Затем на Кешу буквально вылили ушат холодной воды.

— Какая я тебе к чертям мамочка! — женский голос стал заметно злее. — Нашел себе мамочку, алкаш несчастный. И что я в самом деле с тобой делаю? Ты катишься по наклонной и меня за собой тащишь.

Внезапно резкость в глазах наладилась, и Кеша увидел перед собой молодую женщину в легком летнем платье. Не в его вкусе дама, слишком уж лицо простовато, да еще с веснушками. Хотя длинные ноги, что выглядывали из-под короткого подола, очень даже ничего! Танцорша, что ли из клуба? Лимита, прогрызающая себе дорогу в огромном городе скачущей попой.

— Ты кто такая и что вообще делаешь у меня в квартире?

— Ах ты сволочь эдакая! Квартирой меня попрекает! Кто все эти месяцы говно отсюда выносил, чистил, убирал. Кормил оглоеда и обстирывал!

— Ты чего несешь, дура!

Визгливый голос «танцовщицы» бил по ушам, его начало резко подташнивать.

— Дура?! Тогда ищи себе другую дурочку. Я уйду, — перед глазами Кеша замелькал палец, — и больше, Васечкин, к тебе не вернусь. Мое терпение лопнуло!

— Слава те Хоспади! Катись колбаской...

Общаться дальше со странной истеричкой у Иннокентия не было сил, и он снова рухнул обратно на постель. Разве что подушку подвинул повыше, чтобы было удобней. Антрацит твою Хибины мать, как все-таки сильно бьет солнце в глаза! Черт подери, где занавески? Стерва, мало того, что напоила, так еще и обобрала. Затем внезапно пришло осознание чего-то до ужаса странного. Это он где, вообще находится? Громко хлопнула входная дверь, Иннокентий дернулся и его резко затошнило. Как он оказался в санузле, вспомнить так и не смог. Голимые инстинкты, видимо, сработали. Пожрать, посрать и спать. Это человек может делать помимо разума. Измученный желудок чуть позже отпустило, захотелось умыться.

«Что за едрический сандаль!»

Из-за работы с людьми в автосалоне Кеша выучился выражать эмоциями более приличными словами. Даже женщин с низкой социальной ответственностью называл иначе, чем остальные. По-доброму — шалашовками. Но сейчас готов был вспомнить все полузабытые глыбы русской извечной словесности. Какого рожна в его квартире появился совмещенный санузел? И куда делось любимое джакузи? И с какого перепуга перед его физиономией стоит разбитый и древний как говно игуанодона умывальник? В каком задрищенском сортире его откопали?

Но самый большой шок случился с Петровым, когда он глянул в разбитое наискось зеркало. С той стороны стекла на него взирал совершенно незнакомый ему парень. Белобрысый, с кучерявыми патлами и дурацкими усами в виде подковы. Как у американской деревенщины. Помятый, покрасневший и жутко неприятный тип. Кеша схватил рукой за усики и отчаянно дернул их.

«Как больно! Волосы, это не парик! А лицо? Пластическая операция?»

Что происходит, где он, что с ним? На негнущихся ногах Кеша вернулся в комнату. Это точно не его студия в шестьдесят квадратов. Кухня находится дальше по коридору и крошечная, как в хрущевках. Едрить-мадрить, точно! Это обычная однокомнатная квартира в панельке, что строили лет пятьдесят назад. Он в Москве поначалу также снимал подобные «бабушкины апартаменты».

Петров кинулся к двери на балкон. Она была открыта настежь, но странность заключалась в том, что оттуда совсем не несло октябрьским холодом.

«Етишкины пассатижи!»

Это была настоящая дверь в лето. Да, прямо как старой песне «Чижа», что любили слушать родители. Залитой солнцем двор, за ним виднелись пятиэтажки, далее до боли знакомая башня «Проектного института». Его родной городок, стоящий близ Волге и тупо называющийся Заволжск. Как он сюда попал и что делает в неизвестной ему квартире? В голове набатом били проклятые вопросы, на которых у него не было ответов. Ноги не выдержали стресса и непроизвольно подогнулись. Но Кеша не привык сдаваться, он по пути заметил висящий на стуле серый пиджак. Что обычно люди носят в карманах подобных? Документы или бумажник! Паспорт, права, банковские карты. Телефон! Точно, где его телефон?

Красная книжица во внутреннем кармане нашлась. Чего? Паспорт гражданина СССР? С фотографии документа на Петрова смотрел тот самый парень, лицо которого он заметил в зеркальном отражении. Как там его эта истеричка назвала?

Васечкин Иннокентий Васильевич. 1952 года рождения.

Книжица упала пол с плохо покрашенными в ужасный коричневый цвет досками, а в глазах Петрова появился неподдельный ужас.

«Аллес, приехали!»

Иннокентий ввалился в любимый клубешник, довольный как сто обожравшихся слонов. Позади тяжелая рабочая неделя, впереди сладостные выходные. Можно оторваться по полной программе! Он плотоядно проводил взглядом группу малолеток с обтянутыми аппетитными задницами. Нет, это не его вариант. Сегодня он при деньгах и может позволить себе девочку получше. Несмотря на относительно ранний час, в клубе уже вовсю гроыхала музыка, вдоль длинной стойки бара наблюдалась оживленная и так хорошо знакомая ему кутерьма. В полутьме зала были заметны первые танцующие. Вечер, пятница, самое лучшее время на Земле!

— Иннокентий, какими судьбами?

Петров живо оглянулся.

— Толян! Ты же вроде уехал?

Толян на первый взгляд выглядел все так же. Пухлый, добрый и навеселе. Они работали вместе в те годы, когда Иннокентий только осваивал столицу Великой России, встающей с колен. Золотое было времечко! Десятые, самые жирные годы, когда открывалось столько всяческих перспектив. До четырнадцатого Крымского абзаца еще далеко и при некотором вложении мозгов имелись шансы развернуться. Та шарашкина контора, в которой они тогда зашибали деньгу, закрылась через год после их ухода с огромными убытками. Одной из причин были такие дарования ножа и топора, как Кеша и Толян. Молодые дельцы, не упускающие своего. Доставшееся хозяйке от умершего мужа предприятие почило в бозе по причине банального недогляда. Бизнес требовал к себе постоянного внимания, а не общения по Скайпу с очередного курорта.

— Друг, налей нам, пожалуйста, односолодового.

— Шикуюешь?

— Неделя была удачной.

— Ты где сейчас трудишься?

— Старший менеджер в автосалоне. Жду на днях повышения.

— Маладца, — уважительно поддакнул Толян. — А я на ниве строительного бизнеса подвизаюсь. Минус в том, что менять работу периодически приходится.

Иннокентий малость завис от употребления простоватым пареньком умных слов. И где хвататься успел?

— А чего так?

— Шарашкины конторы. Деньги гоняют по кругу.

— Понятно. Очередная джигурда!

Они чокнулись стаканами и отметили встречу. Толян, конечно же, скромно умолчал про откаты и разные мутные схемы освоения бюджетных средств, присущие строительному бизнесу столицы. Но оба провинциала давно не были девственниками и поняли друг друга без лишних слов.

— У меня тоже все ровно. Лох не мамонт, не вымрет. Тачки разлетаются, как горячие пирожки. Санкции, шманкции, но народу надо на чем-то ездить.

— С Фукусимы, что ли конструкторы везете? — блеснул эрудицией Толян.

— Окстись! — Кеша щегольнул любимым бабкиным выражением. — Серый импорт, все голимая фирма. И самое главное в нашем деле — впихнуть в цену допы. Без них и праздник и не праздник.

Толян покачал головой:

— Ну ты монстр продаж! Еще по одной?

— Давай уж сразу бутылку. Дружбан, нам целую вот этого скотча и закусить чего-нибудь на твое усмотрение.

— Брускеты с вялеными помидорами и хамоном!

— Точняк! Толян, я угощаю. Но девки с тебя!

— Да не вопрос.

Анатолий был несмотря на простоватую внешность парнем общительным, язык у него отлично подвешен. Так что через полчаса, конкретно накерогазившись, они присели за стол с двумя крашеными девицами. С этой чертовой модой даже не разберешь сколько им лет. Губы подкачены, под блузками топорщится пуш-ап, скрывающий настоящий размер сисек.

«Да зажрался ты, Кеша. Соски отпадные!»

Но девчонки оказались особами общительными и развлекали парней разговорами. Выпивкой всех обеспечил Иннокентий. Гулять так, гулять! После удачной сделки Петров обязательно прогуливал часть полученных с выручки денег. На удачу. Иначе зачем их зарабатывать? Молодость быстро проходит. Старому пердуну на лекарства и пенсии хватит. Ну или собес поможет. Он уже прикидывал с какой из телок замутить и не мог вспомнить, остались ли дома предохранительные средства. Хотя девушки, что посещают подобные заведения, обычно носят их с собой. Да и недотрог не корчат. Ритм жизни в столице стремительный. Вставил, вынул — год прошел.

И надо же было случиться неприятному инциденту именно в этот вечер? Жирный минус клубов, которые расположены в спальных районах. Дешевле, публика попроще, хотя откровенного быдлая нет. Но иногда туда проходят люди, которым тут точно не место. Вот и эти два лица «неопределенной национальности» повели себя излишне нагло. Прямо на танцполе они начали приставать к блондинке, что «забронировал» Иннокентий, и были тут же посланы им в пешее эротическое путешествие.

Казалось бы, конфликт исчерпан. Охрана заведения чётко бдила. Начав драку, можно было навсегда получить «черную метку». Поэтому «братья не по разуму» не стали нагнетать и поймали Кешу в туалете. Злопамятные оказались любители овечек. Драки Петров никогда не боялся. Статью природа не обидела, да и в юности в секцию по боксу похаживал, хотя в последние годы старался порешать все «на базаре». Хватило разборок в юности «на районе». И как-то получалось расходиться на понятиях. Но не в этот раз.

Первый, самый здоровый «оппонент» начал без лишних слов. Даже в состоянии алкогольного опьянения Кеша успел выставить блок и пару раз стукнуть джигита, заметно того удивив. Обычно приезжане с гор привыкли к более мягкому ответу. Но проблемой оказался второй джигит. Они же никогда не работают «в честную» и стремятся ударить сзади или исподтишка. Этот удар Кеша прозевал и больше ничего не помнил.

«Сука, меня же на самом деле убили. Это все предсмертные мозговые судороги!»

Глава 2

Прекрасно далеко

Кешу от сильных переживаний на некоторое время все-таки вырубил. Еще бы — уразуметь, что ты мертв и застрял где-то в уголках угасающего сознания. Тогда понятно, почему он

оказался в хрущевке, да еще в своем родном городе. Иннокентий как-то читал, что человек может умирать вечность. То есть она будет представляться ему таковой. Пройдет же на самом деле всего несколько минут. Пока реаниматоры возьмется с тобой, ты уже пережил мнимое бессмертие. Петров любил время от времени почитать нечто зубодробительное. Например, изучать на работе «Принцип неопределённости Гейзенберга». В школе ему неплохо давалась математика.

Как-то шеф нового автосалона заметил, что читает Петров, и обратил на него пристальное внимание. Вскоре карьера молодого перспективного продавца пошла вверх. Видимо, его посчитали неким интеллектуалом. Но не дураком точно. Довольно быстро из стажеров Иннокентий перешел в менеджеры, а затем стал старшим. Шеф заставил его поступить заочно в платную шарашку и обещал место в руководстве. Ради такого можно было и напрячься.

И на тебе! Все труды коту под хвост.

Так, а если это не смерть, а кома? Он лежит себе бесчувственным куском мяса в больничке, истекает слюнями в подушку и «давит повидло» в утку. Что, вот так и существовать дальше в придуманном воспаленном сознанием мироздании? Дешманская квартирка, загаженный унитаз, кухня — чистый ужоснах окраин третьего мира. Откуда в его башке такие злостные наркоманские глюки? Залив сушняк водой из зеленого чайника, Кеша вчера не нашел ничего лучшего, как снова отрубиться.

А наутро в дверь яростно звонили и стучались. Похоже, даже, что ногами. Иннокентий еле разлепил веки и уставился на древний механический будильник, что стоял рядом на колченогом табурете. Полседьмого, какого рожна так рано приходиться в гости? Или сейчас вечер? Когда он вообще вырубился? Неужели сутки напропалую проспал? Но режущие нервы звонки не прекращались. Петров привстал в поисках пижамы или штанов, найдя в изголовье какие-то невнятные треники. Ха, в его детстве в таких алкаши ходили! Потом они как-то подозрительно быстро исчезли из поля зрения. Ну да, в девяностые братва у подобных мудил квартиры со свистом отжимала, выкидывая пьяниц на свалки истории. Тапки также нашлись под кроватью.

— Да иду я. Кого там принесла нелегкая?

С замком пришлось повозиться. Станный он оказался. Наконец, дверь из крашеного ДВП распахнулась и перед Иннокентием предстал сумрачный мужик в возрасте под пятьдесят. Рабочая куртка а-ля-совок и кепка смотрелись на нем совершенно аутентично.

— Васечкин, ты совсем оборзел? Второй день прогуливаешь. А у нас заявок целый журнал. Кто за тебя работать будет?

— Чего-чего я?

Не сразу понял вопроса Иннокентий. Затем в его сознании внезапно блеснули знания, поднятые из глубин мозговых извилин. Перед ним Василий Макарыч Шошенский, его

непосредственный начальник. А работает Иннокентий Васечкин в ЖЭКе №8, куда поступил сразу после прихода из армии.

«Какой к едрени фене ЖЭК? Какой, етитский пылесос, Васечкин!»

— Мужик, не пыли!

Макарыч разозлился

— Кеша, смотри, доиграешься, вылетишь из служебной квартиры быстрее собственного визга.

Он оттолкнул Иннокентия в сторону и прошел в помещение. С подозрением уставился на батарею бутылок, что стояла на кухне под раковиной. Затем пододвинулся к Иннокентию вплотную и... начал его обнюхивать.

— Ты ччё?

— Вроде не пьяный. Тогда почему дома?

Но Кеша не был бы Кешей, если бы не сообразил тут же оправдание. Что-то ему в этом странном сне резко перестала нравится.

— Так отравился чем-то. Вот и отлеживался. Всю ночь блевал.

Шошенский с сомнением оглядел Иннокентия с ног до головы.

— То-то бледный такой. Пьете всякую дрянь.

— Да не пил я вчера!

— Зато позавчера тебя видели с друзьями. Ох, доиграешься ты, Васечкин!

«Да что он меня все Васечкиным постоянно зовет!»

Затем в памяти всплыла фотография из паспорта и Кеше резко поплохело. Очнулся он, когда ощутил во рту свежесть воды.

— Ты гляди, и в самом деле раскис. Дуй в поликлинику, бери бюллетень. Эх, незадача, и работать, как назло, некому! Тальков ушел на стройку, нового не взяли.

Глядя на огорченное лицо мастера, Петров-Васечкин внезапно понял, что брать больничный точно не стоит. Это позже обязательно выйдет боком. Макарыч мужик незлопамятный, но память у него хорошая. А вылетать из городской квартиры и дальше ютиться в общежитии очень уж неохота. Сюда хоть девку привести можно.

«А вот это мысли сейчас точно не его! Получается, все-таки настоящий Петров в дурке? Все

видимое галлюцинации от барбитуратов?»

Иннокентий совсем запутался, где начинается реальное и чем отличается от фантазмагоричного, и не придумал ничего лучшего, чем ляпнуть:

— Макарыч, который ныне день?

Шошенский внимательно посмотрел на него, не найдя во взгляде ничего криминального, нехотя ответил:

— А то не знаешь. Вторник, третьего июня.

Внезапно у Кеша пересохло горло, и он хрипло спросил:

— Год какой?

— Семьдесят пятый. Да ты что, Васечкин, издеваешься! Быстро отвечай, пойдешь на работу?

— Буду. Сейчас в порядок себя приведу и выйду.

Мастер поднялся с табурета:

— Тогда в восемь у конторы как штык, — он брезгливо огляделся. — И прибрался бы у себя, что ли! Как Аксинья съехала, такой бардак навел. Хорошая же девка. Ну, была замужем, так оно и лучше. Не выкобенивается и жизнь понюхала. Зря ты так с ней, Кеша. Ох, и молодежь пошла!

На улице Кеша еще раз провел ладонью по плохо выбритому подбородку. Надо бы еще эти дурацкие усы сбрить, хотя тут с ними каждый второй мужик ходит. Не любил Иннокентий растительности на лице, да и на моду ему было всегда плевать. Да и в такой стремной одежке он с детства не ходил. Отказывал себе в еде и даже пиве, но шмот всегда носил пацанский, чёткий. А сейчас на нем поюзанные безразмерные штаны и на редкость идиотский пиджачок, одетый прямо на майку. Рубашки в шкафу все оказались мятыми и наполовину грязными. Ну и чухан это местный Васечкин! Придется вечером стираться. Хотя стиральной машины в квартире он как раз и не заметил. Как и уютга, и много чего из привычной бытовой техники. Это все тут в совке так бедно живут или просто ему не повезло?

После неожиданного визита непосредственного начальника хозяина тела и квартиры Васечкина в голову несчастного молодого человека пришла неожиданная мысль. А что, если все это вокруг него всамделишнее? Отчего-то вспомнилась вечно идиотская физиономия артиста, чей герой попал в тело отца как раз в эти годы Союза. И как его плющило поначалу. Но там ему было легче. Работа ментом не самая пыльная. К должности прилагалась квартира, жена и ребенок.

Тьфу ты, так ребенок это он сам и был. А жена — его мама. Так что и не присунуть со сна, когда захочется. Короче, куда ни кинь — везде засада! С ума сойти! Резко захотелось

накатить, но в квартире нашелся лишь чай. Очень хреновый чай, больше напоминающий конопляные опилки. Но взбодрил. Правда, закусить было нечем. В маленьком холодильникемышь повесилась. Вместе с остатками вонючего подсолнечного масла. Ну как так можно жить? Дома у Кеши всегда имелось несколько видов колбасы, сыр, фрукты, соки, овощи в заморозке. Она даже не пожмотничал и взял себе кофемашину.

Ладно хоть на улице радовало яркое солнце и необычайно теплая погода. Из осени в начало лета, его любимое время года. Трава еще зеленеющая, листва благоухает и везде веселящие душу желтки одуванчиков. Это, наверное, с младых ногтей у него. Да и город полузабытого детства пока производил странное впечатление. С точки зрения двадцать первого века крайне убогое наполнение дворов. Дорожки с ямами, лужи, грязь. Но зато нет скопления чадящих автомобилей и огромное количество зелени!

И еще одна особенность, о которой Кеша совсем позабыл. Дома вокруг были новыми, и это ощущалось еще в подъезде. Чудесный запах только что построенного здания. Его никуда не деть и не забыть. Именно в такой дом в свое время въехал Иннокентий в середине десятых. Ему тогда несказанно повезло с жилплощадью. Несколько раз свезло. Во-первых, после смерти отца он остался единственным владельцем трехкомнатной хрущевки в Заволжске. Сестра еще в девяностых вышла замуж и свалила в Канаду. Общалась с ним редко, но документы она все оформила. За что ей огромное спасибо!

Сестричка второй человек, к которому у Кеш были искренние приятельные чувства. Так что в начале четырнадцатого года он весьма неплохо батину квартиру продал за доллары. И когда внезапно после взятия Крыма курс рубля рухнул, ему почти хватило на «горящую» новостройку. Хорошие знакомые по секрету сказали, что часть квартир срочно скидывают из-за отказников. Правда, пришлось брать с черновой отделкой. Зато безо всяческих кредитов и ипотек. Это ли не счастье?

Ну а здешний квартал построился всего пару лет назад. Так, а это он откуда знает? Память старого Кеши? Надо же попасть в тело молодого чувака с таким же редким именем. Но похоже, что знания Васечкина и привели Петрова в нужное место. Красная вывеска гласила о том, что именно здесь расположен доблестный ЖЭК №8. На крыльце заведения кучковались люди. Несколько лиц были смутно знакомы тому Иннокентию.

— Кеша, ты где пропадал?

— Говорят, болел?

— Лечиться будешь?

Мужики в основном относительно молодые, лет до тридцати пяти. Но на лицах некоторых отпечаток крепкого приятельствования с бутылкой. В СССР, получается, также бухали, как не в себя? Но еще и работали. Многие стоят в грязных робах, на руках ящики с инструментами.

«Так, а где, интересно, мой струмент?»

«От каждого по способностям, каждому по труду!»

- Явился не запыхавшись! У меня семь заявок горит! Скоро от руководства горисполкомом начнут интересоваться — где, позвольте, ваш дорогой электрик ошивается?

Видимо, подобный типаж женщин актуален для всех эпох. Времена Союза Кеша не застал, но подобных мастодонтов наблюдал позже и на учебе, и на работе. Иннокентий наезд встретил спокойно:

— Так явился же.

— Здрасьте, милый, дорогой. Облагодетельствовал!

Иннокентий потупился и держал линию, согласованную с мастером:

— Отравился чем-то намедни.

— Знаю я чем, — женщина средних лет и полноты подошла к нему вплотную и потянула носом. — Пили, небось, дрянь какую?

— Съел.

Зинаида Михайловна, именно такое имя всплыло в памяти прошлого Кеша, покачала головой:

— Все пропил болезный и покушать нечего?

В этот момент желудок молодого человека предательски заурчал.

— Да я это...

— Горе ты мое луковое!

Кеша уже понял, что орать начальница горазда, но в душе тетка добрая. Она протолкнула его в кабинет, налила из зеленого эмалированного чайника горячего чая, пододвинула ближе сахарницу. Затем заботливо достала бумажный сверток, в котором лежало несколько пирожков.

— Эти с зеленым луком и яйцом. Быстро ешь и собирайся! Я пока тебе заявки в наряд выпишу.

После такой кормежки обратного пути не было. Придется отрабатывать. Заодно и вникнуть, в какое дерьмо попал Иннокентий Петров в семьдесят пятый год советской счастливой жизни. Память старого владельца тела подсказала куда идти дальше. Шкафчик с одеждой не запирался. Или не воровали, или нечего было. Так, что у нас тут? Рабочие штаны, роба. Все

какое-то потертое и грязноватое. Бывший Кеша его когда-нибудь стирал? В голове появилась мысль, что Макарыч давно обещал выдать новое. Этот момент надо будет обязательно отработать. Что положено, будь добр — выдай. Но сначала узнать, что такое заявки и с чем их едят.

На улице Иннокентий внимательно осмотрел наряд с адресами. Целых восемь! Память прошлого владельца подсказывала, что это до фига. А что Иннокентий по своей прошлой жизни хорошо помнил — работа дураков любит. На тебя повесят, ты и повезешь! Сделав несколько шагов, он стукнул себя по лбу — «Инструмент!»

Шошенский ютился в небольшом кабинете за перегородкой. Взглянув на Кешу исподлобья, он без разговоров выставив на стол сумку из кирзы.

— Чтобы сдал вовремя.

Присев на скамейку около ЖЭКа, Иннокентий открыл сумку и изучил содержимое. Вряд ли обычный электрик из жилконторы располагал чем-то значимым. Это все-таки не оборонный завод. Кусачки, плоскогубцы, набор отверток. На длинной надета резиновая трубка, это понятно. Это что за инструмент такой странный? В башке вспыхнуло — «круглогубцы». Ладно, потом разберемся! Тут отдельно что лежит? Индикатор напряжения. Черная матерчатая изолента. Раскладной ножик и маленький самодельный, чтобы было провода удобней обрезать. Небольшой напильник. Несколько гаечных ключей. Они-то зачем? В памяти сразу всплыло — открывать различные шкафчики.

В отдельном отсеке валялась всяческая мелочь для ремонта, лежал моток проволоки с розеткой на конце. Удлинитель? Так, а тут у нас что? Кондовый на вид паяльник, отдельно в свертках припой и канифоль. Еще несколько патронов для ламп и пара простых старинного вида розеток. А серьезные объемы работы у обычного электрика получаются! Кешу охватил мандраж, он же никогда не работал электриком. Разве что проводкой дома сам занимался. Когда в новостройке ремонт делал. Но там все было иначе. Штробили и дырки сделали заранее работяги. Да и к щитку провода нанятый электрик присоединял. Вставить же розетку или включатель много ума не надо. Руки у Кеши некривые.

Но делать нечего, придется начинать первый рабочий день в Советском Союзе. Пока он не разберется, в чем проблема, стоит рассматривать происходящее, как донельзя парадоксальный квест. Только вот интересно, кто его ему устроил.

«Узнаю — убью!»

Чего Иннокентия никогда не любил, так это впадать в уныние. И мама была всегда даже в самые тяжелые годы голодных девяностых человеком неунывающим. Руки-ноги, голова есть? Остальное добудем!

Пройдя квартал напрямик, Кеша оказался в районе двухэтажных кирпичных домиков, окрашенных аляповатой охряной краской. Так, а ведь он это место помнит! Где-то рядом жил Вовка Воробьянинов, с которым они учились в колледже. Точно, вон и аллея! Все-таки

хорошо, что его занесло в родной городок. Все более-менее знакомо. Почти знакомо. И деревья ниже, да асфальт заметно хуже. Но подметен чисто.

«Красных партизан. 4. Квартира восемь. Значит, первый подъезд, второй этаж»

Слава те госпади, что он не лифтер в небоскребе, какие стало модно строить в столице. Слышал он истории, как спасатели тащили людей к Скорой с двадцатого этажа. А что ему второй этаж? Тело у этого Иннокентия вроде как крепкое, ноги быстрые, кулачища пудовые. Да и ростом не обижен. Хоть в этом повезло.

— Вы заявку на ремонт подавали?

Дверь открыл хмурый мужичонка в замызганной рубашке прямо на голое тело.

— Сколько же вас ждать можно? Паразиты такие, совсем работать не желаете?

«Вредный тип. Таких сразу надо подрезать».

— Вам ремонтировать или поговорить?

— Проходи!

Мужичонка прошел в большую комнату и показал вверх.

— И что?

— Не горит.

— Так, может, лампочка перегорела? — ахнул от подобной наглости Кеша. На такую ерунду занятых людей вызывают!

— Твоя работа, ты и делай.

— Лады! — Иннокентий спорить не стал. Галочка в ведомости есть галочка. Он оглянулся.

— Есть лестница?

— Чего с собой не притащил?

— Мне же не на крышу. Тащи табурет.

Мужик молча поставил тяжеленный табуретку, которой можно было запросто убить. Нашлась и газетка. Кеша проверил на всякий случай отверткой с индикатором наличие тока, а затем начал разбирать патрон. И что удивительно пальчики довольно ловко работали сами по себе. Прошлая моторика помнится? Иннокентий даже начал размышлять о том, как это все с ним происходит. Если считать, что его сознание попало в тело другого человека, то необходимо некоторое время для адаптации. Мышечная память другая, рефлексy. Точно! Поэтому он поначалу ни фи́га кроме цветových пятен не видел. Да и с дикцией случились

проблемы, голос этого Кеши более низкий. Ха-ха, языком ворочать тоже сложно!

— «Так, что у нас тут?» — он оглянулся. Мужичка рядом не было. На кухне гремела посуда.

— «Понятно, полез сам делать и закоротило. Концы спалил»

Минут через пять Иннокентий попросил у хозяина лампочку и проверил.

— Видите — все горит! Подпишите вот здесь, пожалуйста.

— А если перестанет?

— Тогда снова вызывайте. Патрон бы вам поменять еще.

— Люстру собираюсь купить. Старая разбилась. Тогда все разом и поменяю.

На кухне снова что-то громко звякнуло. Мужичок нервно оглянулся и быстро подмахнул ведомость.

— Будет надо — пишите заявку.

— Благодарствую.

Уже на улице Иннокентий выдохнул. Первый шаг в квесте успешно пройден. А все оказалось не таким уж и сложным! Он взглянул на следующий адрес. Совсем рядом. Красных партизан 8. кв.2.

«Хм, а Зинаида Михайловна какой молодец! Расставила адреса, чтобы было удобней».

Здесь все оказалось проще. Дверь открыла симпатичная молодка с улыбочивым лицом и тут же повела Иннокентия на кухню.

— Лампочка лопнула, самой не заменить. А муж у меня в командировках пропадает.

Кеша кивнул в ответ и начал доставать инструмент, попутно оглядывая хозяйку. А она ничего! Сквозь легкий халат просматривался внушительный бюст, за собой следит, и судя по квартире с деньгами проблем нет. Дама откровенный мужской взгляд не выдержала, засмушалась и отошла. Непонятно, или она такая или в Союзе так себя везти нельзя. Память прошлого Кеши ничего об этом не говорила. Была, интересно, у него сексуальная жизнь. Была! Аксиныя, насколько Петров помнил, особа голосистая и активная. Такая и в постели огонь!

А здесь как раз пригодились те странные пассатижи, что память старого Кеши обозвала «круглогубцами». Ими весьма удобно цоколь из патрона вытаскивать. В принципе для любого мужика работа левая, но вот если его нет...

«Так, покамест шаловливые мысли прячем куда подальше!»

— Готово. Проверим, горит. Принимайте работу, хозяйюшка!

— Как замечательно! Не представляете, как вы меня выручили. Жду мужа с рейса, пирог наладила, а света нет.

— Ну для этого я здесь. Еще что починить?

Хорошенький носик дамочки сморщился:

— Это вы уж с мужем переговорите. Он хотел проводку менять. Заходите к нам послезавтра деньком. А это вам за труды.

В кармане Кешинной рабочей куртки волшебным образом оказалась желтоватая бумажка.

— Благодарствую. Зайду обязательно.

Уже на улице, Иннокентий завернул за угол и посмотрел, что ему сунули.

— «А это ведь рубль. Обычный советский рубль. Ого, оказывается, не все так плохо!»

Он с утра порылся в карманах старого Кеша и обнаружил в них лишь копеечную мелочь. Все ведь, гад, пропил! Две монеты по пятнадцать копеек, трешка и несколько однокопеечных. Ничего неожиданного, этими монетами он в детстве игрался. СССР давно нет, а тонны его денег остались. Здесь же все это благолепие работает! Интересно, что можно купить за рубль? И часто ли платят за халтуры? По идее у коммунальщиков всегда зарплаты были маленькие, потому они калымили.

Следующую заявку в доме номер десять подала старушка божий одуванчик. Темная непроветриваемая комната пропахла лекарствами и носила печать уныния, присущий старчеству. А работы здесь на удивление оказалось много. И все не по заявке. Кеша огорченно оглянулся.

— Бабуля, у вас проблемы с шитком, его менять давно нужно. Возможно и часть проводки. Сейчас там зачищу концы, но дальше я пас. Вы чего ж заявку в ЖЭК не подаете?

— Чего, милоч? Плохо слышу.

Иннокентий был парнем находчивым, кричать на ухо старушке не стал, а написал все на листке бумаги. Пока бабуля ходила за очками, читала, он успел сделать хотя бы часть работы. Остального в его заявке не было, а перерабатывать ему больно уж не хотелось.

Пенсионерка только повздыхала, отметив намеченный им фронт работ.

— Где же мне столько денег-то взять, милоч?

В её сморщенных руках появился рубль.

— Ничего, бабуля, что-нибудь придумаем. Вы заявочку сначала оформите по телефону, и все будет тип-топ!

Довольный собой, Иннокентий вышел в коридор.

«Старушка — рупь! Десять — червонец!»

— Добрый день, молодой человек.

Что-то везет ему сегодня на старушек.

— И вам не хворать, уважаемая.

— А вы зря используете слово, у которого множество значений. От непосредственно уважения до прямого оскорбления.

Иннокентий дернулся от удивления. Давно ему такого культурного отлупа не давали.

«Учительница что ли?»

Эта старушка вовсе не походила на ту из квартиры. Чопорная, прямая, как сосенка, она казалось смотрела на него сверху вниз. Было в ней нечто такое...старорежимное. Точно! Едрить-мадрить-колотить! Так это же семьдесят пятый год. Бабуля волне могла еще родиться при царе-батюшки и ходить на балы.

«Хруст французской булки!»

— Извините, мы люди простые.

Старушка с ехидством взирала на молодого электрика:

— Есть замечательная русская поговорка — «Простота хуже воровства». Вы же человек образованный, если электричеством занимаетесь.

— Простите, настроение такое, — пожал плечами Иннокентий, подняв к глазам заявку и давая понять, что ему некогда.

Но старушка его не отпустила:

— Вы у Ирины Михайловны из шестой были?

— Ну да.

— Очень попрошу вас, молодой человек, ей помочь. Она человек заслуженный, а детишек бог не дал. Одинокая.

— Да я что? Там заявка нужна в ЖЭК. Будет заявка, будет работа. Я же не могу без нее и

запчастей. А менять там много чего пора.

— Хорошо, — прозрачная голубизна глаз старушки просвечивала молодого человека насквозь.

«А ведь она когда-то была красавицей! И как держится!».

— Я прослежу за этим.

— Вот и договорились!

Но не все коту масленица! В следующей квартире хозяин, дотошный мужик лет сорока вытянул из Кеша все нервы. Он долго доказывал, чего и сколько должен менять ЖЭК. Иннокентий честно был не вы курсах и пообещал узнать у руководства. Старые квартиранты оставили мужичку кучу проблем и сейчас он оттягивался на бедном Кеше.

— Вот здесь все выключатели менять надо.

— Откуда у меня новые?

— Достань, а я в долгу не останусь.

Мужичок заинтересованно ждал ответа. Кеша задумчиво оглянулся. Вдоль стены уютно расположится длинный сервант, заставленный хрусталем. На стене висит ковер. Уголок с мягкой мебелью. По местным меркам деятель явно упакован. Значит, с деньгами. А деньги Кеше нужны, чтобы выкарабкаться из дерьма, что оставил ему прошлый Васечкин. Если у человека нет штанов нормального цвета, то что он из себя представляет?

— Чего и сколько показывай!

— Вот это деловой разговор!

Дальше пошло легче. С подобными типами Петрову в прошлом приходилось общаться не раз. Видимо, типаж азартного дельца оказался распространен во все времена. Достанут, найдут, обойдут на лихом коне. Так что ухо с ними надо держать востро! И договариваться «на берегу».

На свежем воздухе отпустило. Сколько можно работать?! Иннокентий присел на лавочку, в конце которой сидели двое бабулек. Они лишь взглянули не него мельком и продолжили свои обсуждения нравов молодежи. захотелось закурить.

«Твою мышь! Этот Кеша курил?»

Но остатки старой памяти услужливо подсказали, что изредка.

— Что, закурить дать рабочему классу?

Внезапно присевший на скамейке пенсионер в растянутых донельзя трениках поделился сигаретой без фильтра и спичками.

— Благодарствую. Я сам не курю. Нервы сегодня.

— Нервы бывают. Вот помню в тридцать седьмом на партсобрании такие у всех был нервы!

«Что он несет? А табачок ничего!»

На коробочке сигарет виднелся рисунок странного томагавка и название «Ватра». Прилукская табачная фабрика. Госагропром УССР. Укратабакпром. Цена 20 копеек. Чуть позже до Кеша дошло, что УССР наименование здешней социалистической Украины. Республики еще не разбежались и живут вместе.

Кеша даже не понял, как встал и пошел, столько мыслей внезапно в голову залетело. Так это же что? Если тут и в самом деле Советский Союз? Это же огромнейшая страна. Ему и в той Эрефии тесно не было. А здесь кроме двух славянских республик еще Прибалтика, Закавказье и Средняя Азия. Это же сколько на самом деле возможностей? Даже подумать страшно! Что он потерял тогда в этом странном Урюпинске, когда до столицы несколько часов ходу?

Ну, Кеша Васечкин, ты и баклан! Такие перспективы проепенил! Из башки разом вылетели оставшиеся заявки. От работы кони дохнут! В горле пересохло, солнце уже знатно припекало. Где-то неподалеку, насколько он помнил из детства, был продуктовый магазин, должны же быть в нем прохладительные напитки? Из-за угла показались огромные окна «стекляшки». Так, а это у нас что? Яркие аппараты, в которых, судя по толпящимся людям, что-то продавали.

«Вот бы болван, Кеша! Это же автоматы с газировкой. Да, те самые, по которым все совки сохнут. А сейчас сохнет твое горло. Сколько, говоришь, стоит стаканчик?»

Глава 4

Трезвость — норма жизни

Понаблюдав за гурьбой из детворы, Кеша догадался, что за копеечку наливается одна газировка. За три копя сначала автомат в стакан прыскает сироп, а затем туда брызжет газированная вода. Он хотел просто пить, и вкус местных сладостей был ему неведом. Так что за две однокопеечных монеты Иннокентий получил два стакана обалденно вкусной газированной водички. Едришкин кафтанишкин, почему у нас там, в будущем одну копейку ничего не стоило? Зачем они тогда, вообще, нужны? Провели бы очередную деноминацию. Делов-то! Хотя он сам уже и забыл, когда наличность в руках держал. Карты, гугл-пеи, крипта. Сплошной киберпанк.

— Вот он где загорает! Уработался, болезный?

Из ниоткуда вынырнули два колоритных типа и перлись напрямик к Кеше. Старшему где-то

под сорокет или даже больше. Хотя хрен поймешь с ихними усами и общей запущенностью. Треники, пиджак, одетый прямо на майку, живот выпирает, под глазами мешки. Его напарник хрен моржовый сильно моложе. Длинные патлы, аккуратно подстриженные баки, рубашка с воротником поверх пиджака и штаны асфальт подметают. Под хиппи косит? Или кто в эти годы «на районе»? Иннокентий никогда неформалом не был, скорее гопником, так что в сортах разноцветного дерьма не разбирался и потому смотрел на пижона без должного пиетета.

— Кеша, тебя где носит? Дома нет, в ЖЭКе нет.

«Вован и Герыч», — мелькнуло внезапно в голове. Откуда он их знает?

— Работал.

— Отлично! На магарыч уже насобирал? У нас тут рупь с копьём завалился. Извини, но сегодня голяк, а трубы горят. Выручи?

— Выпить, что ли хотите? — непонимающе хлопал глаза Иннокентий.

— Кеш, ты, видать, с утра не с той ноги встал. Айда в магазин! Туда чернила завезли. Цена сладкая!

Ну, мосты с новым миром ему как-то наводить надо? Судя по тону, Кеша прошлый с этими ухарями знаком накоротке. Может, и прояснят общую, так сказать, обстановку. Поэтому два честно заработанных рубля живо перекочевали в руки ушлых корешей.

В магазин они зашли почему-то с заднего входа.

— Иннокентий, давно тебя не видали. Как жисть молодая?

Полненькая молодуха в замызганном донельзя халате игриво подкатила к охреневшему от такого счастья Кеше. Её шальные зеленые глаза ярко заблестели. Неужели у них с этой продавщицей что-то было? Твою ж единорожку! Хотя в СССР вообще все старше выглядят. Сколько этой профурсетке на самом деле лет даже непонятно. Белобрысые оксигидролерные кудряшки кокетливо выбились из чепчика, на груди халату тесно, глаза нахальные. Такая свое возьмет обязательно, ибо деваться от безысходности некуда. Сразу видно — деревенская лимита. В Москве будущего подобных типажей миллионы!

«Кеша, держись от нее подальше!»

— Чего такой бледный? Не ешь ничего? Сейчас угощу.

— Ларис, привет. Все цветешь и пахнешь.

Как сразу изменился её взгляд! Вован, судя по всему, не герой её романа. И это стоит намотать на ус. Почему модно одетого пацана так откровенно динамят? Уже на выходе Лариса передает Иннокентию бумажный сверток:

— Ты заходи вечером. Но без этих двух оболтусов.

— Что, запал на Лариску?

Вован идет веселый, развязный, метет штанами асфальт, руки в брюки, папироска в губах. Первый пацан на районе! Герыч тащит оттягиваемую бутылками холщовую сумку и ворчит сквозь зубы:

— Ты смотри, она баба такая, подомнет под себя, и все напрочь забудешь.

— Но зато какие у нее буфера!

Вован показывает руками размер её груди, и все смеются. Это предвкушение праздника. Оно радует больше, чем сам процесс питания. Пока готовишь стол на даче, жарить шашлыки, травишь с дружками анекдоты и масляно поглядываешь в сторону приглашенных телок, решая, какую из них будешь жарить в бане. Эх, были же времена! У Кеши рот непроизвольно наполнился слюной. Он еще ведь и не обедал!

Гоп-компания дружно просочились в неприметную дверь, что находилась в торце здания. В углу стояли лопаты и метла, дальше был втиснут столик, табурет и промятая тахта. Понятно, Герыч у нас тут дворником трудится. Летом работы меньше, вот и веселится, как двор подметет.

— Пожрать есть чего?

— Обижает! Супчик с потрошками, сам наварил. Сейчас налью, студент. А что тебе там Лариска подогнала?

На стол аккуратно легла газетка, и на ней чудесным образом появилась половинка черняшки, скумбрия, пара сырков, банка с консервированными помидорами и кружок копченой колбасы. Судя по всему, колбаса и помидорчики от Ларисы.

— Хорошо она тебя привечает, — Герыч радостно потер руки. — Я счас стаканы помою. Вован, ты пока нарежь и сервируй все по фэншую.

Иннокентий чуть не упал с колченогой табуретки. Откуда в этой дыре такие высокие познания? Вован в этот момент ловко кромсал продукты, кинув не Кешу ироничный взгляд:

— Ты забыл, что Герыч раньше официантом работал? Он и не такое может выдать. Герыч у нас мудрец!

— Чего ушел тогда?

Парень вздохнул:

— Там, брат, молодые нужны. Ты потаскай эти подносы!

Иннокентий дипломатично промолчал. Он отлично представлял, чем официанты зарабатывают. Пришлось как-то в первые месяцы пребывания в Москве потрудиться барменом. Кеша ничуть не сомневался, что и в Союзе скорее всего существуют присущие общепиту махинации. Там без этого никак. Влип Герыч скорее всего в неприятную историю и попрощался с общепитом. В таком городке как Заволжск круговая порука.

— Ты кушай, кушай, в супе вся сила!

Глаза Герыча влажно поблескивали. Один «опрокинутый фаныч» уже аккуратно притулился в деревянном ящике. Бутылки в Союзе никогда не выбрасывали. Всего они купили четыре. Вино было гдотное, но по шарам давало знатно. В голове приятно зашаяло. После второго стакана Кеша и вовсе перестал ощущать его противный вкус. Нахлебавшись вдоволь сытного супца и закусив бутербродами с колбасой и сыром, он вольготно развалился на промятой тахте. Вован пристроился в старом кресле, закинув ногу на ногу. Первый этап питания пройден, до Рубикона недалече. Можно и побазарить «за жисть».

— Спасибо. Знатный супчик. Давно такого не едал.

— Это я у поваров в «Столичном» научился.

— А чего в повара тогда не пошел?

Герыч мутно глянул на Иннокентия:

— Так, без образования, пацан, ты никуда не попадешь. Сам вот ты что закончил?

Иннокентий был еще не так пьян, чтобы ляпнуть про колледж. В голове всплыло общепринятое название учебного заведения для простых работяг.

— Гопу.

— Ну вот и сиди на попе ровно. Дальше этого уровня тебе хода нет. А захочешь на завод хороший попасть, где зарплата и прочие ништяки, то это надо сначала технарь закончить.

— Так в чем дело?

Герыч посмотрел на Кешу, как на малахольного.

— Кто ж мужика взрослого на учебу определит? А жить на что? Вован!

Патлатый ловким движением вскрыл второй «фаныч» и разлил бордовую жидкость по граненым стаканам. Он взял ближний себе и выдохнул:

— Будем!

Выпили, закусили. Вован приоткрыл дверь и засмолил папиросой.

— Учиться, Кеша, надо, пока молодой. Потом лень или тяжко.

— Или бабы мешают, — заржал, аки конь Вован.

Патлатый придурок все больше и больше не нравился Иннокентию. Не то чтобы он сам был тонкой душевной организации, но откровенное быдлячество откровенно недолюбливал. Обычно подобным занимались пакостные людишки. На трассе подрежет, из двора не даст выехать, на лестничной площадке намусорит. Кеша и сам не ангел, но, допустим, долги всегда отдавал, не крысил и какие-то понятия имел. Поэтому в любом месте быстро находил себе приятелей и собутыльников. Вот с бабами ему не везло. Корыстные все попадались, суки.

— Бабы — это, конечно, зло, но зло необходимое.

Кеша догадался:

— Был женат?

Герыч скривился, но сквозь зубы ответил:

— Два раза. Тогда мне в ресторации неплохо башляли, дамы вокруг так и вились. Но им одно надо — тащи все в дом и на других баб даже не посматривай. Больной и старый ты никому не сдался.

После «Рубикона» потянуло на откровенность.

— Ну и чего они до меня пристали? — Вован разгорячился, снял пиджак, под тонкой рубашкой отчетливо просматривались неплохие мышцы. — Не хочу учиться и баста. Школа за десять лет — вот где уже! Учат и учат. Иди, говорят, в институт. Это еще пять лет мне на стипендию жить? И кем я стану? Вшивым инженеришкой? Деньгу можно накалымить и проще.

Иннокентий внезапно вспомнил, что родители у Вована люди непростые, отсюда и шмот фирмовый и речь относительно грамотная, хоть и нарочито сдобренная руганью.

«Играет в реального пацана».

— Ох, Вовчик, — Герыч неодобрительно смотрит на собутыльника, — допрыгаешься ты со спекулями.

— Ну, а чего? — патлатый парень взялся за копченую скумбрию. В тутошнюю эпоху, как догадался Кеша, она лишь закуска алкашей. — За рейс можно срубить четвертной.

Иннокентий приуныл. Ему пока больше рубля не предлагали. Разве что придумать халтуру? Он наострил уши.

— Вот так запросто и платят?

— Кеша, — укоризненно посмотрел на него хозяин «берлоги» — платят этим ухарям вовсе не за рейс, а за то, сколько они левак с фабрики везут и барыгам разным сбывают.

— Да кому эта некондиция нужна? А тут людям на пользу.

— Государству!

— Государство — это советский народ, а народ — это я. Раз мне хорошо, то и государству неплохо, — бодрым голосом заявил Вован и заржал во все горло.

— Доиграешься, и родители не помогут.

— Да ладно нагнетать. Все будет ништяк!

— Украл-выпил — в тюрьму. Украл — выпил — в тюрьму, — невпопад заметил Иннокентий.

Вован внезапно перестал улыбаться.

— Ты чего несешь, чухан?

— Чё сказал, обрыган?

Вот такого прощать нельзя. Кеша был уже на ногах, но Вован оказался быстрее.

— «Как больно! Сука, этот хиппарь умеет бить. А так?»

Патлатый явно не ожидал ответа от косолапого деревенщины. Но Кеша к своему огромному удивлению сноровисто пробил «двоечку», завалив противника в угол.

— Харэ! У меня не драться!

Вован ошарашенно ощупал квадратный подбородок и восхищенно проорал:

— Кеша, скажи на милость, где ты так бить научился? Классика жанра, но как красиво уделал! Уважуха, братан.

— Давай руку. Ничего хоть не поломал?

Иннокентий уже жалел, что ударил хиппаря, но тот, похоже, был не в обиде.

— Все, мир, молодые люди?

— А с чего нам воевать, да Кеша? Я думал ты увалень, а ты... Где так наострился?

— В армии, где еще? — Иннокентий ругал сам себя последними словами. Снова приходится выкручивать.

— В десанте служил?

Так далеко Кеше заходить не хотелось. Десантура — это братство, начнутся вопросы с подковыркой, на которые он не сможет ответить. Потому он пробурчал нехотя:

— В разведке.

— Ну что, за мир во всем мире! — поднял полный стакан Герыч. Закусь подходила к концу, и бывший официант достал откуда-то консервы.

«Кукумария — морской огурец» — прочитал на этикетке Иннокентий.

«Охренеть, какими деликатесами всякая советская пьянь закусывала! Плохо, говорите, жили?»

— Лишь бы не было войны, — выдохнул он вспыхнувшую в голове фразу. Герыч неожиданно его поддержал:

— Так и есть. Это вы, молодые, ничего не помните. Я в войну совсем шкетом был, хлебнул лиха. Тут же рядом немцы узловую станцию бомбили, а мы дежурили на крышах.

— Это еще зачем?

— Вован, чему вас в школе учат? Зажигалки ловить.

Патлатый хмыкнул, откупорил последний «фаныч» и пробормотал:

— Делать вам нечего. А если фугасом на крышу?

— Коли так, хана. Но немцы сэкономили, в поселок зажигалки кидали. Страшно было жуть.

— И чего тогда сидели?

— Так как потом пацанам в глаза смотреть? Западло.

— Ну если западло, то да, — пьяно согласился Вован. — Пойду я. Завтра к обеду надо быть на базе как штык. И разговор наш не забудь, Герыч.

— Все будет тип-топ.

Иннокентий сделал вид, что уже сильно пьян. Но понял, что между этими двумя такими разными типами существуют некие деловые отношения.

— Была у меня мечта, моряком стать. Все похерил, Кеша. Так что, если есть у тебя в душе струна, ты не рви её, — в голове плыло, в глазах туманилось. «Чернила» оказались довольно крепким напитком, или организм не таким стойким к алкоголю. Герыч проводил его до перекрестка и сейчас дышал перегаром прямо в лицо. — Кеша, пока не забыл. Если Вова

подойдет к тебе с предложением деньгу по легкому сшибить, то не соглашайся. Ты ему нужен для подставы, когда этих сволочей приспичит. Потому он тебя и подпаивает. Запомни это хорошенько.

— Угу, — язык во рту еле ворочался. Иннокентий был уже не рад случайному знакомству с прошлым Васечкина.

Зачем такие пакости ему мироздание подсунуло?

Глава 5

Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится...

И кто придумал эту чертову работу? Явно существо из inferнального мироздания. Лишь бы подгадить человеку. Каждое утро сплошное дежавю. Настойчивый стук в дверь, заспанные глаза, мятая рожа, болезненная голова. Пришлось натягивать грязные треники и топтать к двери. Только в этот раз за ней появился сантехник Потапов. Да, как в том знаменитом стишке. Несмотря на говорящую профессию, Дмитрий пил умеренно, по праздникам. Но магарыч от этого обожал не меньше. Была у него одна страсть — рыбалка. А любая страсть, как, например, амурная, всегда требует финансовых вложений. Вот и к Кеше он пришел с самого ранья по поводу очередной халтуры. Осмотрев невеселую физиономию Иннокентия, Потапов деловито полез в рабочую сумку.

— Счас я тебя поправлю.

Потапов к вящему удивлению Кешки, достал вовсе не бутылку пива, а литровую банку томатного сока, что-то добавил в стакан, помешал ложкой и сунул в руки мрачному похмельному электрику. По горлу огненной лавиной проскочил адский коктейль, буквально взорвавшись в желудке термоядом.

— Зараза! Ты что мне такое дал?

— А чё? Зато дыхание будет как у Змей Горыныча, — засмеялся круглолицый Потапов. — Сейчас обычным соком запей, враз полегчает.

И в самом деле голова прошла, да и организм задвигался бойчей.

Иннокентий живо поскакал в санузел, приводить себя в порядок. Долбаный Васечкин! Даже нормальной зубной щеткой не озаботился. И вместо ароматно пахнущей пасты какой-то порошок, скребущий зубы. Мыло вонючее, полотенце заменяет плохо пахнущая тряпка. Как так можно было себя запустить?! Злость ожгла внутренности Васечкина-нового. После ванны Иннокентий потратил некоторое время на поиски чистых трусов и носков. Потапов взирал на его движения с легкой усмешкой, покуривая сигарету без фильтра.

— Что, без бабы хреново? Постирать исподнее даже некому.

— Сам постираю, — зло ответил Кеша, натягивая относительно чистую рубашку.

— А чего самому? Вон за углом прачечная самообслуживания. Заходи в обед, народу никого.

— А работа?

— Так двигай задницей быстрее. Чего там у тебя работать? Лампочки закрутил, провод закоротил. Это у нас бывает такая запара, что вся задница в мыле. Дома вроде новые, а все течет. Бракоделы хреновы!

Васечкин добил сок и задумчиво глянул на гостя:

— Ты чего-то хотел ведь?

— По дороге расскажу, а то ты и так уже опоздал. Зинаида ругаться будет. Но я тебя прикрою, скажу, что провода в третьем доме искрят и тебя спозаранку вызвал. Там такое регулярно случается.

— Спасибо.

— Спасибо на хлеб не намажешь!

Они вышли на улицу, и Потапов закурил. Иннокентий уже заметил, что курили в СССР много, везде и все. Мужики и женщины, подростки и старики. И чаще всего дешевую дрянь без фильтра или «Беломор». Небо с утра заволокло облаками, но было тепло. Пищали из кустов мелкие птицы, на клумбах ярко полыхали цветочки, с площадки слышался детский гомон. Благодать, да и только! Но вот внутри Иннокентия было на редкость смурно. По ходу попал он конкретно. Что это за мир — параллельный основному или виртуальная игра из будущего, куда засунули его оцифрованную тушку, было неизвестно. Так что примем за данность, что мы сейчас в июне 1975 года прошлого Союза. И вокруг нас гребаный совок со всеми его социалистическими заморочками. И угораздило его попасть в тело начинающего алкаша без образования и перспектив! Что случалось далее с подобными личностями он ведал на примере некоторых своих одноклассников.

— Тут на переулке Водников дом для завода сдают. Сам понимаешь, как у нас строители делают.

— Резину не тяни.

— Короче, торгаш одну квартиру получает. Три комнаты, улучшенная планировка. И хочет сразу установить все...

— По феншую.

Потапов удивленно глянул на Васечкина, но переспрашивать не стал. Не желал показывать свою неосведомленность, но суть термина распознал.

— Ну, типа того.

— Материал?

Сантехник, обрадованный тем, что Иннокентий сразу перешел на деловой тон, спешно ответил:

— Все наше, с его стороны лишь деньги.

Васечкин промолчал, переваривая ситуацию. Что-то такое из памяти прошлого владельца тела всплывало на поверхность. Шабашки здесь не запрещены, но светить ими все равно не стоит.

— Сначала надо осмотреть фронт работ.

— Без проблем! — обрадовался Потапов. — Как договорюсь с хозяином, так маякну.

— Тогда заметано.

Потапов вышел из кабинета и заговорщицки подмигнул Кеше. Тот уже к этому времени переоделся и взял инструменты, с неудовольствием рассматривая себя в зеркале. Давно он не ходил таким оборвышем. «Как ремонт вырядился» — говаривала бабушка, которая была родом с Севера и частенько выражалась странными словами. Зато шаньги в обсыпке у нее были зачетными. Никто таких вкусных не пёк!

— Васечкин, ты почему вчера все заявки не обошел?

На него грозно взирала руки в бока, Зинаида Михайловна. Рядом стоял ухмыляющийся Макарыч.

— Не успел.

— Знаем мы, чего ты не успел. Опять небось с гоп-компанией весело время проводил. Со старушек по рублю посшибал и на боковую.

Лицо замнчальника ЖЭКа сморщилось, не умел мастер в воспитание. Иннокентия же проняло:

— Не твое собачье дело, Макарыч, с кем я время провожу.

— Чего? Щенок!

— Я сегодня все заявки закрою. Обещаю железно. Но, Зинаида Михайловна, посмотрите, в чем я хожу! — Васечкин покрутился, как манекенщица на подиуме. За сценой с любопытством наблюдали работники конторы. Кабинеты у всех были открыты. — У меня законный вопрос к руководству — где моя новая рабочая одежда! И почему в инструментах комплект? Куда все это делось?

Шошенский от удивления аж рот разинул. Давно, видать, его не чехвостили!

— Да я...

— Что, Макарыч, ответить нечего? Куда дел комплекты? Налево ушли?

Зинаида Михайловна, внезапно осознала, что разговор переходит на весьма скользкую дорожку, отодвигая в сторону мастера.

— Мы разберемся, Васечкин!

— И чтобы тестер вечером был у меня! Как мне работать на участке без него прикажете?

Эффект произведен, можно отвалить. Вырвав из рук опешившей Строевой наряд, Кеша неспешно попил к выходу. Работа сама себя не сделает!

К счастью половина наряда оказалась относительно легкой. Вкрутить лампочки в подъездах, проверить щитки в новом доме. Пришла жалоба на них. Больше всего пришлось провозиться с установкой люстры в одиннадцатом доме. В эти времена даже подобная банальная операция являлась проблемой. Но с такой-то матерью справились. Хозяином квартиры был щедушный мужичок интеллигентного вида, многое, в том числе и стремянку, пришлось брать у соседей. Но трешку Кеша у «интеллигента паршивого» закалымил законно. И жить стало лучше, жить стало веселее! На площадке его поджидал с сигаретой сосед, Кеша как раз тащил ему стремянку.

— Куришь?

— Нет. Спортом занимаюсь.

Мужик с оттопыренным пивным пузом хмыкнул и показал на дверь.

— Разговор есть. Заходи, чаем угощу. У Петровича, наверное, в холодильнике мышь повесилась.

Иннокентий с утра был не жрамши, да разговор, судя по всему, предстоял деловой, потому не чинился. Валера, так представился мужичок, вскипятил на газе чайник, заварил свежего чая и сноровисто порубал буханку белого и кусок колбасы.

— Угощайся, не стесняйся. Молодой ведь неженатый, некому «тормозок» собрать.

Иннокентий покамест помалкивал, впихивая в себя вкуснящие бутерброды. Черт, не думал, что обычный белый хлебушек и вареная колбаса могут быть такими вкусными. Значит, не ввали, что при Союзе продукты были качественней. И Кеше нынче остро необходима любая информация. Бывший Васечкин оставил её в голове на удивление мало. Пенек деревенский! Хозяин поступил грамотно, сначала гостя накормил, потом к делу приступил.

— Въехал я сюда недавно, собираюсь ремонт сделать. Но сначала хочу проводку и щиток

сменить, и разное там по мелочи.

— Показывай, рассказывай.

Валере ответ понравился. Фронт работ был относительно небольшим, но требовал инструмента. Кеша задумался. А Валера сделал предложение, от которого было сложно отказаться.

— Вместо денег предлагают разойтись материально.

— Что есть?

— Изолента синяя, сколько хочешь. Патроны, розетки, выключатели. Все новое и лучших заводов. Импорта нет, извини. Не наш профиль.

— Щиток только через контору менять, а по остальному...

Иннокентий задумался. Предложение хорошее. Даже лучше, чем деньгами. Иметь наличку в Союзе мало, надо еще её уметь отоварить. Откуда эти познания взялись в его голове, он еще не ведал, но уже вникал. Раз застрял тут надолго, то придется крутиться. В будущей Москве гастеры рассказывали, как у них в Азиях хитромудро дела обстрипывали. А ведь в одном Союзе жили.

На обед Васнецов шел с чувством выполненного долга. Вчерашние и половину сегодняшних заявок закрыл. Так, а куда ему податься? Деньга в кармане завелась. К трешке от «интеллигента» добавился рубль с последней заявки. Но его Кеша честно заработал, ибо хозяин так намудрил с проводами, что он еле разобрался. Еще и проводка во многих старых квартирах идет поверх стен, выключатели древние, как гуано мамонта. Того и гляди рассыпятся. В новых хрущевках с этим делом получше.

Память подсказывала буфет в «стекляшке», что стояла на углу микрорайона. Почему этот магазин назывался именно так, было понятно по одному взгляду. Как раз в те времена стали строить такие заведения — стекло и металл. Поначалу выглядело неплохо и современно. Внутри же Кеше категорически не понравилось. Буфет по факту оказался банальной наливкой. «Кофе» из пережаренного ячменя, грузинские опилки в кипятке, объединенные мухами бутерброды на витрине. Да и публика... Такой дыхнет тебе в лицо, и ты уже пьяный.

Буфетчица, завидев Кешу, враз заулыбалась. Но ему отчего-то стало невесело. И где, спрашивается, пожрать рабочему человеку? Внезапно отголоски старой памяти дали наводку. Но надо топать. Ничего, для здоровья полезно!

На вахте транспортного предприятия на Иннокентия глянули сквозь пальцы. Ну идет себе работяга по своим делам. Сумка стучит по бедру, руки грязные, морда лица чумазая. Истинный пролетарий, тут таких половина АПАПА. На свой вид Кеша обратил внимание в зеркале, когда руки мыл. Несколько умывальников стояли сразу после входа. Пахучее белое мыло, свежие полотенца. Лучше, чем у него в доме. Столовая типичная провинциальная

рабочая — раздача, толстые поварихи по ту сторону, в конце касса с важно восседающей в ней кассиршей. В начале раздачи висит листок с меню. Богато! Даже есть выбор. Солянка, две котлеты с гречкой, салат витаминный, полстакана сметаны и компот обошлись ему в восемьдесят семь копеек. Честно сказать, Кеша поначалу офигел. Так и нес увесистый поднос к свободному столу в некоторой прострации. Это что получается — на халтуры можно жить, и довольно не кисло! Считай, обед и ужин заработан. А зарплату получится копить? Тогда почему у этого обормота ничего нет?

— Кеш, привет, давно не заходил, — между столами бегала стройная молодка с русой косой. Она затирала столешницы, собирая не унесенную лодырями посуду.

«А ничего такая пигалица! Всяко интересней Ларисы».

— Салют, красавица!

Повариха захохотала и подошла к столику, за которым расположился Васечкин.

— Держи, тут горчица свежая.

— Спасибо.

Иннокентий щедро намазал на кусок белого хлеба приправы и тут же об этом пожалел. Ядреная, как ядерная война. Молодка громко засмеялась, глянув на его перекошенную физиономию.

— Не меняешься ты, Кеша. Все такой же обормот и балагур.

Васечкин закончил с супом и перешел к котлетам. В них даже было мясо! А сметана до чего густая и вкуснющая! Пока ел, исподтишка рассматривал молодую повариху. А ничего, для «прожарки» потянет. Личико кругленькое, из-под шапочки выбиваются светло-русые пряди. Фигуру особо в халате не рассмотришь, но она явно есть.

— Светка, никак ухажер пожаловал?

— Ты его в этот раз не упускай.

— И сметаны ему побольше! Да погуще!

Основной поток посетителей уже прошел, и работники столовой расслабились, зубоскаля. Иннокентий приосанился и гаркнул:

— Цыц, курицы! Раскудахтались. Я сам решу кого и как погуще...

Столовая зашлась от смеха. Надо же рабочему человеку снять напряжение. А труд в столовой никогда не была легкой. Кеша догадывался, что стоять у горячей плиты с раннего утра, чтобы приготовить обед на сотни человек не так уж просто. Упреешь, пока все переделаешь.

— Вкусно-то как! Свет, — он остановил девушку, — я буду заходить.

— Посмотрим. Много вас тут заходящих. Потом ложки пропадают! — нарочито громко фыркнула Светлана, вильнула крепким задом и исчезла за раздачей.

Кеша лишь крякнул ей в след. Ну да, кандидатура заместо Лариски явно привлекательней. Он задумался. Получается, что Васечкин старый или имел плохой вкус, или шкурный интерес. Ага, с последним все ясно. У Ларисы всегда получалось подкормиться и купить дефицит. Твою дивизию, да мышкин хобот! Ему ведь и отрабатывать наверняка приходилось. И скорее всего старым добрым натуральным способом.

Но опять же. Мужик Кеша молодой, потребности у него существуют и никуда от них не денешься. Так что не самый плохой вариант. Тогда кто та дама, что ушла от него в первый день? Что ей от него было надо? Иннокентий пил компот и рассуждал сам с собой. В кои веки в эту эпоху у него появилось время подумать.

Вдохновленный свежими идеями, а также имея некий план, Васечкин застыл у входа. Почему бы ему здесь не купить пирожки и котлет на вечер? Зато думать об ужине не нужно. Поварихам подобное было не в диковинку. Только вместо привычных миру двадцать первого века пакетов и контейнеру Кеше еду выдали в свертках из серой бумаги.

«Экологичненько!» — подумал он, засовывая ужин в кирзовую сумку.

Ну что ж, придется учиться жить заново! Не из тех Иннокентий был людей, что плачутся в жилетку

Глава 6

Множат силы для труда солнце, воздух и вода

— Раз! Два! Раз! Два!

Кеша с напрягом тягал самодельную гирю. Денег на покупку настоящей еще не было, так слесаря за фаныч красного помогли соорудить кондочугунявую. Четвертый день новой жизни он начинает с разминки, затем отжимание, приседания. А подтягиваться придется во двор идти. На углу за детской площадкой соорудили несколько турников и брусья. Видимо, при строительстве было задумано специальное место для занятия физкультурой. Но до ума так и не довели. Хотя в драных трениках на улицу выйти стыдно. Получит зарплату, обязательно новые купит. Да много чего надо достать, а в карманах пусто. У прошлого Васечкина денга не задерживалась.

«Водные процедуры!»

После мытья Иннокентий занялся бритьем. Для бритвенного станка он выпросил хорошее лезвие у Потапова. Невозможно бриться местными изделиями типа «Нева», что он нашел в ближайшем магазине промтоваров. Зачем их только производят? Карандаши точить? Предварительно договорившись с сантехником о сроках предстоящей работы, Васечкин

задумался о дальнейших планах. В принципе с его графиком Кеша мог работать и в рабочее время.

Хитрость была закопана в составлении наряда. Если туда накидают адреса с находящимися далеко друг от друга домами, то кучу времени тратишь тупо на переход и вникание в проблему. Но это он как-нибудь решит, уболтает Зинаиду. Но сначала придется ударно и качественно поработать, чтобы зам по эксплуатации стала благосклонней. Бонусом шли ништяки, которые начал подгонять Валера. Кем он там, интересно, на складе работает?

Короче, жизнь понемногу налаживалась.

Кеша еще раз оглядел себя в зеркало. Стрижку бы еще ему нормальную. Васечкин хоть и не красавчик, но парень симпатичный. Вот только, как можно было такое шикарное тело запустить? Плечи, грудная клетка, как у атлета! Но все заплыло жирком, хотя сила осталась. Как он Валеру тогда удивил, безо всяких инструментов пальцами вытащив гвоздь «сотку» из стены. А если это тело еще подкачать, то будет в самый раз.

Оглядев квартиру, Кеша присел на кровать и в унынии осмотрел комнату. Ни телевизора, даже радиолы у Васечкина нет. Один перекошенный шифоньер и тумбочка, помнящая первую русскую революцию. С другой стороны — ничего не захламляет пространство. Много места и солнца. Квартиру он перемыл еще вчера в субботу, навел порядок, выгреб мусор, сдал бутылки. Кстати, денег за них хватило на закупку основных продуктов питания на неделю. Яйца, сыр, вареная колбаса, вермишель, томатная паста на развес и немного овощей. Начало лето, ничего свежего еще нет. Да и выбор в местных гастрономах Иннокентия отнюдь не порадовал. В двадцать первом веке даже в самом захудалом сельпо разнообразия заметно больше.

Надо бы разузнать, как тут дела с черной стороной торговли обстоят. Хотя все равно странно, что обычную жрачку надо еще и «доставать». Огромная богатейшая страна и не может обеспечить себя продуктами? Что здесь не так? Земель, хоть жопой жуй. Поля, луга, леса, болота. Ладно, апельсины и бананы. Их везли в Союз за тридевять земель. Кеша спокойно мог пожить и без них. Но картошечку и говядину очень уважал. На прилавках семьдесят пятого лежали одни кости, а картофан втридорога продавали на рынке. Пустило бы Политбюро на наши запущенные земли китайцев, и завалили они продуктами весь мир.

«Скукота. Чем займемся?»

Дел первоочередных вроде не осталось. Белье постирано еще позавчера в пятницу. Видимо, у Васечкина прошлого не имелось опыта общения с культурой прачечных самообслуживания. Во всяком случае, Кеша застыл истуканом на входе в полуподвальное помещение, не соображая, что делать дальше. Шум десятков крутящихся барабанов, духота как в парилке. Хорошо, что он заявился в неурочное время, народу было мало, и сердобольные домохозяйки помогли, объяснили молодому человеку, что и куда закладывается, сколько и чего сыпется в огромные стиральные машины.

Никаких тебе гелей и порошка. Жидкий раствор, стирка, полоскалка и сушка отдельно. Зато

на выходе получаешь совершенно сухое белье. Иннокентий прикинул, что сюда можно заходить раз в две недели, потратив пару часиков рабочего времени. Что еще было удобно — заплатив небольшую сумму денег, ты получал в свое распоряжение оборудование для глажки. Убойный по тяжести электрический утюг, и что самое классное — огромную гладильную машину. В ней отлично проглаживались простыни и пододеяльники.

Складываешь чистое белье в корзину и свободен!

Внезапно мысли о дефиците подсветились в памяти именем «Лариса». Это ведь она снабжала прошлого Васечкина продуктами! Многие из них хоть и продавались ежедневно, но к вечеру обычно расходились по рукам самых шустрых покупателей. Так что работяге после рабочего дня ничего не доставалось. Наличие в семье пенсионеров в застойном Союзе было явлением критичным. Бабки — основной боевой состав всевозможных очередей. Они обычно занимали их с раннего утра за «себя и того парня».

Поэтому конторские и прочий непролетарский персонал старался бегать по гастрономам днем. А на предприятиях имелся такой феномен как «заказы». Даже в таком захудалом месте, как ЖЭК что-то все-таки выдавали к праздникам. Ну а что тогда говорить о крупных заводах и синекуре социализма — райкомах, райисполкомах и конторах рангом повыше. Было страшно подумать, какие деликатесы получали к дню Революции члены Политбюро!

Подноготную советской жизни Иннокентию приходилось выцарапывать постепенно. Другое дело, что Кеша из будущего частенько «стекал по стенке» от вновь вскрывшихся обстоятельств. Иногда ему казалось, что он очутился в некоем филиале всесоюзной «психушки». Как так можно абсолютно дурацки устроить быт советских граждан? Хотя надо признаться, для людей и в будущем не особо старались. Просто свободы в узких рамках случалось больше, и предприимчивые граждане тут же пользовались моментом. Да и «свободный рынок» не отменишь указом Генсека. Его бледное подобие существовало даже в СССР.

В чем он сейчас и убедится. Накормят его сегодня точно! Да и переполненные яйца пора разрядить.

— «Твою же шкуру! Вот это мохнатка!»

После сытного ужина с бокалом пивасика потянуло на сладкое. Лариска была не против. Её фигура хоть малость и расплылась, но еще притягивала мужские взоры. Так что чинились они недолго. Быстрый душ и жаркие объятия вели к одному. Еще позавчера во время утреннего стояка Кеша был немало поражен причиндалами, что ему достались от прежнего владельца. Не только рост дала Васечкину природа. Так что грех было её подарок не использовать по назначению.

Но настоящее в очередной раз ввело человека из будущего в транс. Заросли в паху дамы сердца оказались поистине эпическими. Испортили его в двадцать первом веке поклонники эпиляции! А ведь если подумать, то тысячи лет люди жили как-то без этого. И судя по описаниям оргий в различные эпохи, ого-го как жили! К черту условности — будем

натуралами! Благо «инструмент» от восхищения зарослями не упал, все работает, как должно. Вперед! Нет таких крепостей, что не могли бы взять большевики!

«Ёкала мане! А это у него в башке откуда?»

— Ты сегодня просто удалец! Угостить кофе?

— Спрашиваешь?

Иннокентий, довольный как обиходивший стадо слоних патриарх, вольготно развалился на диване.

«Жить хорошо! А жить хорошо еще лучше!»

Опять из памяти всплыла очередная дурацкая фраза?

Лариса вскорости возвратилась с подносом в руках, выказав в наклоне полновесные тяжелые груди. Кофе оказался растворимым, но и тот за счастье. К нему бонусом предлагались шоколадные конфеты. Сладкое в этом доме было в чести.

«Таким Макаром можно жить!»

— В тресте говорят, что зимой квартиры давать будут. Но семейным. Большой квартал в Заозерном сдают. Правда, на работу ездить на автобусе придется, зато своя квартира.

«Ну вот и разгадочка подоспела!»

С этим надо что-то решать или рвать связь безвозвратно. Хотя стоит ли? Секс в целом Кеше понравился. Лариска — девка горячая и охочая. Да и сам процесс больно уж приятен. Вроде разница лет в десять между телами Иннокентиев, а как оно по мозгам дает! Или в молодости ощущения острее и еще нет привычки? Он чуть не заржал, когда вспомнил свой дневной поход в местную аптеку. Об этом Лариса его заранее предупредила. Ну а что — честно. С нее ужин и место приложения усилий. С него резиновые изделия номер два. Да и самому стрёмно совать куда попало. Непохожа больно Лариска на скромнягу. Ищет подходящего парня не только руками.

В аптеке по причине воскресенья народу было немного. По советским меркам, разумеется. В Москве бы Кеша тут же выскочил из душного помещения наружу. Благо аптек р в эпоху пандемии завелось, как блох на бродячей собаке. Но время не поджигало, заодно Васечкин прикинул, что стоит взять разную мелочевку для работы. В голову пришли воспоминания из детства. Что они держали дома из аптечного?

— Девушка, пожалуйста, йод или зеленку, пару упаковок бинтов и несколько пластырей.

Молоденькая аптекарша живо притащила маленький пузырек, на котором было написано 5 % раствор йода, две упаковки стерилизованного бинта, вату и моток пластыря. Иннокентий хотел другого, который с липучками, но настаивать не стал. Вдруг они еще здесь не

существуют?

Приблизившись к девушке, он попросил вполголоса:

— И еще пяток штук этих, ну для предохранения. Только самый большой размер, пожалуйста.

— Чего вам? — непонимающе захлопала длинными ресницами юная девица.

— Чем предохраняются во время этого самого. Резинки!

Иннокентия удивила непонятливость аптекарши. Медики уж должны знать, что куда и зачем суется.

— Я вас не понимаю, молодой человек.

— Девушка, вы сексом, никогда не занимаетесь? Непонятливая она! — не подумав, вскричал Васечкин.

По гулу стоящей позади очереди человек из будущего понял, что дал маху. Лицо аптекарши быстро стало равномерно пунцовым, а из-за шкафа показалась толстая старуха с папиросой в зубах.

— Ты почто на девку кричишь, ирод окаянный?

— Так делает вид, что не понимает и очередь задерживает!

Старуха хмыкнула, а Беломорина в её больших губах запрыгала.

— Что тебе, молодец?

— Сами знаете что, средства для предохранения! Самый большой размер, пожалуйста.

— Ну, так бы и сказал — кондомов! Вот молодежь пошла! И размеры у нас на всех одинаковые, социалистические.

— Как это? — Кеша буквально опешил. — Как он может быть одинаковым?

Беломорина быстро перемесилась в другой уголок рта. В очереди уже откровенно ржали. И, как назло, в ней стояли или возрастные тетки, или бабки. Последние взирали на сие безобразие весьма неодобрительно. Дамы помладше с откровенным любопытством.

Старуха монументально покачала головой:

— Большой?

— Ага!

Сзади загыкали пуще прежнего. Пунцовыми стал уже уши Иннокентия.

— Были тут индийские, но они дороже. Десять копеек штука. Третий размер. Сколько тебе, молодец?

Кеша скользнул глазами по яркой упаковке. Мейд ин Индия, не обманули. Название странное «Кохинур».

— Я же сказал пять!

— Будет тебе пять, — бабка ехидно кинула напоследок. — Смотри только не сотри свое сокровище.

Сзади сначала заржали, а потом притихли. Кеша с недовольством обернулся. Сейчас кое-кто из дам откровенно строил ему глазки. Бедные советские недотраханые тетки!

«Вот еще!»

Молоденькая аптекарша, не поднимая глаз, уложила все причиндалы на прилавок и выкатила общую сумму. Цирк какой-то, а не аптека!

— Поворачивайся, давай еще разок.

— Мне на работу завтра, Кеша.

— Ничего, там и отоспишься.

«Зря, что ли покупал средства? Еще два остались!»

Васечкин вошел во вкус и пользовал Ларису всеми возможными способами. Пока халява, хлопать кое-чем не стоит.

Глава 7

Каждый трудовой день — ударный!

— Зинаида Михайловна, вы, что мне там понаписали! — Иннокентий был искренне возмущен. Стараешься, блин, стараешься и бац — «Вторая смена».

Замначальника ЖЭКа по эксплуатации сердито покачала головой:

— В чем у тебя опять проблема, Васечкин?

— А вы сами не видите? Два подъезда аварийных! Предлагаете мне там одному корячиться?

Иннокентий знал, о чем говорил. В стояках подъездов следовало давно менять проводку. И как прикажете делать это в две руки? Когда отрабатывать остальные заявки? Сидящий за

соседним столом Шошенский внезапно заинтересовался и попросил листок у Строевой.

— Кеша прав. Сюда аварийную бригаду от энергетиков звать надо, Зинаида. Или в РЖУ звонить. Ты зачем ему чужую работу подсовываешь?

Заместитель начальника ЖЭКа по эксплуатации испуганно ойкнула и тут же зачеркнула два проклятых пункта. Но на Васечкина взирала со всей строгостью закона. Больно уж он надоел ей в последние две недели с просьбами сдвинуть или поменять заявки. Строева откровенно подозревала электрика в халтурах, но деваться ей было куда. Не то что замены, но второго штатного электрика покамест у нее не было. Специалисты массово уходили на разворачивающуюся в пригороде комсомольско-молодежную стройку. Там и платили не в пример больше, да и квартиры обещали. Зареченский район рос как на дрожжах, заставляя завидовать «Центровых».

— Иди уж. Но чтобы у меня все сделал!

Кеша обидчиво протянул:

— А я вас в последние дни разве подводил?

В коридоре его догнал голос Шошенского:

— Иннокентий, можно тебя на минутку?

За прошедшие недели Кеша смог наладить рабочие отношения с мастером. Получил новую робу, кое-что из инструментов. Так что перечить ему не было смысла. Они вошли в закуток мастера.

— Присаживайся.

Васечкин облокотился об шкаф, но садиться не стал.

— Что хотели, Василий Макарыч?

Мастер иронично глянул на новую прическу парня, но разговор повел о другом.

— Кеша, скажи честно — я плохо к тебе отношусь? — зашел он издалека. Иннокентий начал усиленно соображать — Это наезд или деловое предложение?

— Да нет. Помогаете даже.

— Вот видишь, — Макарыч наклонился вперед, вперившись немигающим взглядом в Васечкина. — Что ж ты тогда ко мне не так?

Иннокентий с непониманием уставился на мастера.

«Темнит чего-то Макарыч!»

Шошенский вздохнул и обратился прямо:

— Кеш, говорят, ты на стороне халтуры жирные нашел.

— И что? — ну хотя бы стал ясен такой интерес начальства. — Я же по электрике работаю.

— Так, людям и другие специалисты требуются.

«Вот ведь хитрован! Чужими руками жар загребать!»

Но ссориться с мастером не хотелось, так что Иннокентий бросил:

— Есть предложения?

Шошенский заметно приободрился возникшему пониманию и начал «грузить» молодого специалиста:

— Ребята у меня есть на подхвате. Плотники, штукатуры. Ты смотри...

— Вас понял, Василий Макарович. Буду иметь в виду.

Мастер с довольным видом стукнул по коленям:

— Постой, не уходи. Я тут новый тестер достал. Тебе же нужен?

Иннокентий заинтересованно взял прибор в руки. Где-то внутри него радостно запел Васечкин старый. Это же неубиваемый мультиметр ТТ1. Пещерный продукт советской промышленности. Но, скорее всего, ЖЭКовскому электрику большее и не положено.

— Спасибо!

Настроение улучшилось, работалось в этот день споро и даже, можно сказать, ударно. Особенно после того, как в знакомом подъезде по адресу Красных партизан 10 его пригласили на чай. Мария Аркадьевна, которая «хруст французской булки», не дала пройти мимо. Они несколько сблизились, когда Кеша сделал основательный ремонт у её соседки «божьего одуванчика» Ирины Михайловны. Что-то жалко стало ему бедную старушку, и он лично выбил заявку на смену щитка и части проводки.

Марья Аркадьевна оказалось на редкость хорошим собеседником. Имела в запасе множество историй и что самое ценное — всегда угощала его вкуснейшими булочками с корицей.

— Вы не спешите, Иннокентий. Когда живешь размеренно, то успеваешь больше.

— У нас это называется дальний горизонт планирования.

— Интересное выражение, — слегка усмехнулась бабуля.

Внезапно на глаза Кеше попала старая фотография. Четыре молодых женщины в военной форме сняты вместе. Они жизнерадостно смотрят в камеру. Внезапно Васечкин осознал, что одна из них это Мария Аркадьевна. Точно, он все путает времена. В семидесятые ветераны еще живее живых и вполне себе бодрые мужички. И как оказалось, и женщины.

«Ёпа, Европа, погоны же армейские!»

В армии Кеша честно оттрубил, так что в званиях разбирался. Целый майор! Ничего себе. По спине пробежал мерзкий холодок. А не служила ли эта милая старушка в кровавом НКВД? Слухи о нем в будущем ходили разные. Может, его у подъезда «воронок» дожидается?

— Это наша группа перед заброской, — внезапно прокомментировала Мария Аркадьевна.

Васечкин вздрогнул. Какая она наблюдательная! Тут же просекла интерес к фотоснимку.

— Какая еще заброска?

— В тыл немцам, разумеется. Правда, я уже туда не ходила. Попала во время последней заброски на минное поле. Но повезло, ногу врачи мне спасли. В том партизанском отряде имелся аэродром и меня тут же вывезли на «Большую землю».

Сказать, что Иннокентий охренел от услышанного, мало. История бабули так и просилась в сценарий боевика.

— У вас высокое звание.

— Это мой генерал постарался. Широкой души был человек. Этим он меня привязал к штабу и возможно спас от смерти, — Мария Аркадьевна погрустнела. — А вот Лизе и Аглае тогда не повезло. Вот они с края. Их группу фрицы вычислили взяли. Их долго пытали в контрразведке, а потом расстреляли. И это под конец войны. Как жалко было девчат.

Васечкин был в шоке. Мрачные истории из прошлого его буквально вымораживали. Вот эта милая старушечка ходила в тыл врага и мочила фашистов?

— Иннокентий, а здесь никого не узнаете?

Васечкин внимательно присмотрелся:

— Да быть не может! Это же Ирина Михайловна! Сколько у нее наград!

— Она была отважней всех. Взорвала одного очень важного немецкого генерала. У нее как раз перед этим мужа убили, ребенок еще в начале войны умер. Сам понимаешь, с медициной во время эвакуации плохо. Так она впоследствии замуж и не вышла. Я ее к себе на завод позвала, здесь и квартиру выдали. Этот дом ведь пленные немцы строили.

Булка больше не лезла в горло. Кеша отложил её и задумался. Он и не знал, что бабуля совсем одинока. И не по своей воле. И в квартире у нее давно ремонт не делался. Что-то

такое внезапно в его голове вспыхнуло.

— Ирина Михайловна ведь ветеран? И имеет право на помощь от советских органов?

— Она гордая, — вздохнула хозяйка.

Васечкин же был искренне возмущен. Эти героические женщины за них жизнью рисковали, а тут в такой ерунде помочь не могут.

Ну что ж, все заявки на сегодня закрыты. То ли навыки прошлого Васечкина помогли, то ли природная смекалка Петрова пригодилась. Но фронт работы Иннокентий нынче закрывал полностью и научился избавляться от совсем безнадежных случаев. Это уже ему Потапов подсказал. Хитрый сантехник поведал о том, что для капитального ремонта существуют специальные бригады специализированных служб. Но районные жилищные управления, хозяйственные ведомства и ЖЭКи постоянно сбрасывают подобные объекты друг другу. Так что тут надо держать ухо востро. Чтобы не подсунили безнадежный случай. Хотя такие межкорпоративные дразги характерны и в будущем. Люди не меняются.

Что мы имеем на сегодняшний день? Три помятых рублевых бумажки. Негусто и грустно. Это сантехникам дают больше. Ладно, хоть на обеде сэкономил, перекусив булочками. Можно смело двигать на халтуру. Они уже перешли в другую квартиру. Благодаря сотрудничеству с Валерой Кеша получил на руки энное количество относительно качественной фурнитуры производства лучших предприятий отрасли. Розетки, выключатели, плафоны, немного инструментов. Будущие квартиранты неплохо платили за скорость ремонта, так что хоть основную работу бросай. Но нельзя. Отлучат от инструментария, да и хлопот не оберешься. Это в будущем ты свободный человек, ищущий себя. А здесь без работы лодырь и тунеядец. 209 статья УК РСФСР.

Кеша охренел, когда узнал, что в Советском Союзе за безделье можно было на ровном месте поднять срок. Вот, казалось бы, какое дело государству до меня? Ан нет, лезут в личную жизнь! Например, в прошлую пятницу Иннокентий внезапно узнал, что вызван на товарищеское собрание по накопившимся старым грехам. Да каким своим? Прежнего Васечкина. Надо же быть таким косячником? За Петровым разное в прошлом водилось, но по сравнению с советским Кешей он прям выпускник благочинного заведения.

Странно, для работяг на их предприятии места лишнего для раздевалки не нашлось, но зато существовал целый Ленинский уголок с рядами стульев для заседаний! Всевозможные виды собраний, похоже, имели в СССР некие сакральные черты и статус «священной коровы». Можно забить на работу, свои персональные обязанности, но на всеобщий сбор будь добр, прибуди в несмотра ни на что. Кеша маялся от осознания того, как сильно он мог за это время продвинуть халтуру в сторону получения окончательного расчета.

Председатель профкома бухгалтер конторы бесцветная Нина Петровна долго и нудно выкладывала публике прегрешения старого Васечкина. Пьянство, лень и антисоциальный образ жизни. Кеша даже малость перепугался. С такими обвинениями и до увольнения недалеко. Не то чтобы он держался за эту работу, но лучше пока не предлагали. Ему бы

немного разобраться в этом мире развитого социализма и хоть как-то наладить разболтанный быт.

Он успокоился, кинув взгляд назад на товарищей. Народу в целом было фиолетово. Кто откровенно кемарил, некоторые читали газеты или тупо смотрели на докладчицу, думая о чем-то своем. Потапов подмигнул Кеше, мол не огорчайся.

— Какие будут предложения, товарищи? — строго глянула на зал из президиума сидящая там Строева.

Народ загудел, и с места поднялась учетчица и вдобавок комсорг Настя Дмитриевна. «Серая мышка», делающая карьеру по комсомольской линии. Вот и сейчас она выступала от имени комитета комсомола. Госпади, аллах всемогущий, суровый Перун, сколько же бесполезных людей в этом обществе держат?

— Я считаю, что товарищ Васечкин заслуживает самого сурового порицания со стороны коллектива!

— Выговор ему!

— На доску почета!

Зинаида Михайловна стукнула по столу ладонью:

— Это кто у нас тут юморист такой? Серьезней, товарищи!

— Поставить на вид и хватит, — предложил деловитый Потапов

— Было уже! — по лицу профкомовши пробежала тень неудовольствия.

«Что я такого ей сделал, что она меня закопать хочет?»

Кеша всерьез заволновался. В рангах советских наказаний он еще не разобрался, и принимать взыскание за чужие злодеяния особого желания не было.

— Тогда остается только выговор.

Внезапно в памяти всплыли сцены из дурацкого советского фильма. Там даже название такое кондовое.

«А ведь злключения того сантехника здорово напоминают мои!»

Иннокентий поднялся с места и стремительно вышел к трибуне.

— Васечкин, ты куда?

— Это несправедливо!

— Что? — лицо председателя профкома пошла пятнами.

— Судить человека в тот момент, когда он начал исправляться. Вы еще толком и не боролись за меня, а уже наказываете.

Среди работяг прошел одобрительный гул. Скучающие доселе люди тут же проснулись и отложили в сторону газеты. Им стало в кои веки любопытно.

— Ты что имеешь в виду, Васечкин?

— Зинаида Михайловна, я вам последние недели закрывал все заявки?

Строева задумалась:

— Да, но...

— Нет, вы так и скажите — есть ко мне конкретные претензии по работе?

— В последние дни нет, но...

— Вот видите, товарищи! — торжествующе обернулся в зал Кеша. — Что же такое происходит в нашем коллективе, если кое-кому, — он при этом пристально посмотрел на профкомшу, — захотелось с помощью собрания свести старые счета.

Народ загудел и зашевелился, а Нина Петровна покрылась пятнами вся.

— Да как вы можете!

— Могу и хочу. И баста!

Замечание прозвучало откровенно двусмысленно. Мужики в зале смачно захохотали, краем глаза Иннокентий уловил, что и Строева не удержалась от ухмылки. Веселье прервал хмурый Шошенский:

— Пошутили и хватит! Это все-таки официальное собрание. Есть, что по делу сказать, Кеша?

— И скажу, не постесняюсь, — Иннокентий вошел в раж — «Остапа несло». — Я взял твердый курс на исправление своих прошлых ошибок и потому беру повышенные обязательства.

В этот раз все руководство уставилось на Васечкина. Строева задумчиво проговорила:

— Допустим так. Но ведь ты, как комсомолец не выполняешь никаких общественных поручений.

Вот тут Васечкин завис. Что это за зверь такой и с чем его едят, он не имел ни малейшего представления.

— Так дайте. Я не откажусь.

— Но мы же не знаем, чем ты увлекаешься.

Вопрос законный.

Кеша долго раздумывать не стал и ответил:

— Спортом увлекаюсь.

Один из молодых мужчин, сидевший наособицу пристально посмотрел на него:

— Давай тогда к нам в ДНД. Дежурство раз в неделю, иногда чаще. Отгулы дают.

Отгулы — это хорошо, во время них можно заняться халтурой. Иннокентий махнул рукой:

— Согласен, записывай.

Вот так внезапно Васечкин стал «народным дружинником» и завтра ему в первый раз идти «в рейд». Этот крепкий паренек работал у них плотником, имел КМС по вольной борьбе и являлся командир отряда от РЖУ района. Звали его Петр Нечаев, и еще недавно он был комсоргом, но поступил на заочное и возиться с отстающими и заниматься прочей ерундой ему стало некогда. В ДНД было проще — отдежурил и свободен.

Глава 8

Сила милиции — в ее связи с народом!

— Сиди и не рыпайся!

Дверь в камеру захлопнулась с грохотом. Васечкин глянул сквозь решетку на уходящих милиционеров и зло сплюнул. Спасибо хоть в камере один. То ли народ сегодня не буянил или поступил приказ держать его отдельно.

«Сходил, называется, за хлебушком!»

А ведь как красиво все начиналось...

В первый раз дежурить Иннокентию в составе «Народной дружины» выпало на танцах в городском сквере. На «Дискотеку» местные танцельки никак не тянули, про разгульную клубную жизнь и вовсе не стоило даже заикаться. Тем более ему, как лицу, пострадавшему от самоуправства местных полицаев. Помощников милиции при социалистическом строе называли старинным словом «дружинники». Что со стороны еще выглядело страннее. Кроме самого факта, что после 58 лет советской власти в обществе вообще оставалась преступность.

Нечаев повязал Кеше на рукав старого пиджака красную повязку и представил другим

членам патруля. Если Петр еще был физически подготовлен, то остальные двое скорее отбывали повинность или зарабатывали «очки». На взгляд Васечкина обоих дружинников можно было уронить одной левой. Неужели красная повязка имеет среди местных особый вес? Но, как уже успел он заметить, милицию в здешней среде побаивались и даже уважали.

Кошмар местных пьянчужек — попадание в «вытрезвитель» Кеша оценить до конца не смог. По словам выпивох там оказывают медицинскую помощь, укладывают спать и даже моют. Это же намного лучше, чем валяться под забором или сидеть в вонючем «клоповнике» в луже собственной блевотины. К тебе как к человеку относятся, а они еще недовольны!

На танцах было спокойно. Как вообще может быть спокойно в месте, где сталкиваются интересы различных молодежных группировок. Во времена молодости Иннокентия в здешнем городишке ни одна дискотека не обходилась без драк. Правда, бились в основном на улице. Чужой компании лучше и вовсе не заходить в их район. Кеша домашним пацаном никогда не был, так что не раз принимал участие в замесах. Потому и дежурство его не особо напрягало. Точки будущих «разборок» он бы смог определить по росту напряжения в окружении.

Но эта танцплощадка расположилась в самом центре Заволжска, и публика сюда ходила относительно приличная. Студенты, молодые рабочие и служащие. Случались даже семейные пары. А куда еще пойти субботним вечером в небольшом городке? Так что Кеша благодушно фланировал вокруг площадки прогулочным шагом, предвкушая будущий отгул. Потапов вчера нашел нового заказчика, которому требовался капитальный ремонт. Мужик приехал с Северов и потому не мелочился. Найдется работа и для ребят Макарыча.

И Кеше, как ни кстати, пригодится лишней выходной. Спокойно с проводкой повозится. Благо удалось кое-что достать из инструментов на ближайшей стройке. Еще одна странность советского социализма. В магазинах хоть шаром покати, но через «нужного» человека достать можно почти все. Не потому ли Союз просуществовал дольше, чем заслуживал? Три пузыря беленькой и практически новенький пробойник из руках рабочего класса перекочевал любителям халтуры.

Васечкин внимательно огляделся. Вроде все тихо. Народ веселится. Молодежь оттягивается на каникулах, активно знакомится с лицами противоположного пола. За кустами расположилась теплые компании с фанычами «чернил». Но вроде народ особо не борзеет. Себе дороже. В следующий раз не пустят. Внезапно Петр нырнул акулой в толпу, Иннокентий тут же поспешил к нему. Вдруг что-то серьезное? Выставив руку с красной повязкой, он быстро продвигается вперед.

Ситуация банальная и разрешилась моментально. Два молодых петушка не поделили курочку. Иннокентий был их на голову выше, грозно нависнув над конфликтующими сторонами. Так что задиры обошлись словесным внушением. Нечаев пообещал в противном случае выкинуть их с площадки на все лето. Буйные головы тут же утихомирились, засунув языки в одно место. Васечкин же с любопытством «раздевал» взглядом полногрудую «курочку», но задерживаться не стал.

Он все-таки тут по службе. Хотя замену Ларисе пора бы поискать. Больно уж та частенько в последнее время говорила о квартире и замужестве. А Кеша привык к регулярному сексу, став в аптеке постоянным клиентом. Расходов хватало и без этого. Пришлось купить приличные штаны, рубашку на выход, ну и прочие бытовые мелочи. Если бы не халтуры, то хоть вешайся. Зарплата электрика ЖЭКа скромная, а человек из будущего экономить не привык. Придется выкручиваться.

— Кеша, обойти с той стороны, а я налево схожу. Тепло, народ расслабляется. Ты главное — смотри, чтобы особо борзые берега не теряли. Сделаем круг и встретимся за эстрадой. Если что, свисти. Патрульные около входа дежурят.

Похоже, что после стычки на танцполе Иннокентию стали больше доверять. Да и толку от тех двух ботанов замухрыжек? Кеша деловито кивает в ответ:

— Лады.

Васечкин неспешно обошел скамейки парка, где тусила молодежь, ловя на себе заинтересованные взгляды девушек. Да и сам он не забывал поглядывать на стройные ножки. Благо нынешняя мода располагала наблюдению. Юбки и платья было до крайности короткие.

«Вот тебе и моральный кодекс строителя коммунизма!»

Нравы во все времена были гибкими, представители противоположных полов искали знакомств и встреч. Разве что большая часть здешних девушек в серьёзных поисках будущих мужей. Разговоры о замужестве отчего-то весьма распространены в местном обществе, что удивляло Кешу из будущего. В эпоху третьего тысячелетия дамы сначала делали карьеру, получали статус и материальное благополучие и только после этого искали себе спутника жизни. Секс без обязательств был скорее нормой. И какой образ существования лучше, Петров-Васечкин не представлял. Столько всего ему было внове, даже задуматься некогда.

Внезапно до дружинника донесся сдавленный крик, идущий со стороны буйно заросшего кустарником берега речушки, притока Волги. И это точно не был крик радости. Васечкин тут же сделал стойку, оценил направление и ломанулся напрямик сквозь кусты. Ждать Нечаева было некогда, и он совершенно забыл про висящий на шее свисток. Бежать пришлось недолго, хотя криков больше не было слышно. Вот впереди мелькнула нечто внушительное и темное.

«Попался дружок!»

Картина Репина «Не ждали». Амбал в рабочей одежде явно никого в этом уголке парка не ожидал. Девушка болталась на его плече, как заглохшая кукла. Видимо, он вырубил её после крика о помощи. Прокачивать ситуацию Кеше было некогда. Это явно не бытовой конфликт на танцевальной площадке, а нечто более серьезное. Можно сказать — налицо преступление.

— Стоять, бояться! Народная дружина!

Васечкин вытянул вперед руку с повязкой. Хотя в полумгле было сложно, что разглядеть. Мужик нехотя повернулся и злобно осклабился:

— Шел бы ты мимо, фраерок.

— Я сказал Дружина! Чего тебе неясно? Руки поднял и раком к дереву.

Никогда Кеша не любил приклатненных и их гнилой базар. И ответ неизвестного его лишь разозлил.

— Я тебя предупредил.

Амбал скинул наземь девушку. Подол платья задрался, открыв длинные, стройные ноги. Похоже, что пострадавшая была жива, но от Иннокентия не ускользнул плотоядный взгляд мужика.

«”Ямбись оно всё хореем через амфибрахий! Это же настоящий маньячина!»

Скорее всего и жертву этот урод после изнасилования убьет, и свидетелей в живых не оставит. И что самое хреновое — насколько Васечкин помнил из череды фильмов про маньяков, они в большинстве своем обладали исполинской силой. Так что не факт, что он сам сейчас имеет преимущество.

Так что деваться некуда. А как учили его в армии, в драке любой способ удлинения руки полезен. Автомат, саперная лопатка или просто шабра. Вот и сейчас перед тем, как маньяк с рычанием бросился на него, Кеша подобрал с земли увесистый сук и не прогадал. Удар по рукам и лицу здорово отрезвил амбала. Да и двигался он медленней тренированного Иннокентия. Сошлись вместе деревенские рефлексy старого Васечкина, добавив опыт прошлых драк и спортивной секции Петрова из будущего. Так что маньяку достать Иннокентия не получалось. Рывок за рывком, удар за ударом, все проходило мимо.

— Ну все, сам напросился.

Во тьме сверкнуло лезвие.

«Писец!»

Но страх придал сил, и смертельный хоровод закрутился дальше. В какой-то момент Васечкин, наконец-то, вспомнил о свистке, и звонкая трель прорезала тьму парка. Амбал дико заорал и резво прыгнул вперед. В этот раз Кеше удалось выбить нож, но он потерял спасительную дубинку, тут же крепко получив в бочину.

«Сука, больно же!»

Сработали старые «наработки». Все слилось в один миг — выпад стопой под колено, вопль

маньяка, страшный удар по голове. Иннокентий лишь чудом не потерял сознание, но здорово обозлился. Двоечка! Получай еще! Резкая боль в пальцах. Как бы он ни сломал их о чугунную голову маньячины. Еще! Еще! Тот покачнулся и встал на месте. Добить бы сейчас по печени, но у этого уroda на редкость длинные руки, а Иннокентий уже устал прыгать.

«Надо срочно себя в форму приводить!»

Неподалеку кричали люди, замелькали фонари, послышались голоса. Маньяк дернулся, собираясь бежать, и это его подвело. Подсечки — «Фирменное» блюдо Петрова-Васечкина. Амбал с ревом улетел в небольшую ложбинку, а Кеша тут же прыгнул на него, нанося удар за ударом по голове. Перед глазами стелилась красная пелена, он уже ничего не соображал сам.

— Васечкин, отстань от мужика. Ты же убьешь его!

Крепкие руки оттащили Иннокентия от маньяка. Он устал сопротивляться, поэтому просто вывернулся и с непониманием огляделся. С Нечаевым прибежали трое. Один из дружинников и два незнакомых Иннокентию крепких молодых человека.

— Девушка... там... быстро...

Дыхание сбилось. Но «крепьши» оказались парнями сообразительными.

— Здесь она!

— Живая!

— Да, только без сознания.

Иннокентий выдохнул. «Не зря!». Петр же перевернул амбала и проверил сонную артерию.

— И этот живой, но морду лица ты ему разворотил знатно. Зря ты так. Припишут превышение самообороны. К девушке, что ли, приставал?

К Васечкину снова вернулась способность соображать:

— Хуже, Петя. Это маньяк, и тащил её на берег. Она успела пискнуть на прощание, а я чудом услышал. У этого гада нож с собой был. Поищите, я его выбил из его рук.:

— Понял.

Нечаев тут же посерьезнел и включил фонарик.

— Только руками не трогать!

— Не учи отца и баста. Эй, парни под ноги смотрим, но ничего не поднимаем!

Вскоре раздалось:

— Петь, тут он. Кеша правду сказал.

— Здоровый ножище.

— Петр, нам Скорая нужна. Пульс нитевидный. Мне без лекарств и оборудования её не вытянуть.

Главный патруля дружинников мгновенно сориентировался и тут же начал распоряжаться:

— Леха, быстро за милицией. Чего они там чешутся? И скажи, пусть вызовут Скорую.

Девушке совсем плохо. Андрей и Степа, охранять площадку и никого не впускать до приезда милиции.

— Петя, а вы маньяка связали? Он здоровый, сука. Еле справился.

Нечаев хлопнул себя по лбу и ловким движением обездвигил амбала. Вскоре послышались крики и гомон, это подваливал народ. Нечаев выбрал нескольких знакомых ему парней, чтобы выстроить цепочку ограждения. Ребята все были крепкими и спортивными. Наверное, из одной секции или спортобщества. Теперь понятно, почему Петр не боялся один на один выходить на разговор с хулиганьем. Похоже, что его тут хорошо знали.

Глава 9

Моя милиция меня бережет!

Все испортилось с приездом милицейского патруля. Желтый Бобик заехал прямо в парк, добавив включенными проблесковыми маячками общей суеты. Народ начали разгонять, наконец-то прибежали с носилками медики, унеся пострадавшую. Вскоре приехал второй Бобик, в который к вящему удивлению Иннокентия стремительно запихали его самого.

— Вы чего, пидарасы! Я же задержал маньяка.

— Разберемся. Кто кого бил и девушку насильничал.

— Я дружинник, смотрите.

Но ни повязки, ни самого рукава уже не было. Да и пальцы болели жутко. Но по прошлому опыту Кеша знал, что сопротивляться правоохранителям себе дороже. Так что он сам залез в маленькую конуру сзади Бобика и молчал до тех пор, пока его не заперли в камере. Патрульные куда-то сразу свалили, оставив его одного.

— Пидары и есть!

Но жалеть себя и оплакивать не хотелось. В углу он обнаружил небольшой умывальник. Сначала напился, затем как смог, привел себя в порядок. Видимо, это была некая «предварилочка», а не обычный «обезьянник». И ясно, что до утра никто им не займется. Да и не то не факт, что днем Кешу куда-то поведут. Воскресенье же! Стало совсем тоскливо,

вдобавок саднило руки. Медпомощь же ему должны были оказать? Короче, менты в любой эпохе одинаковы. Бездушные твари!

Иннокентий разделся, нарвал из майки полос и кое-как себя перебинтовал. Пиджаку хана, новым штанам также, да и рубашка порвана. Одни убытки и потери с этой общественной нагрузкой. Не, на хрен вашу дружину! И вообще, надо валить из этого сраного городка. Лучше в столицу. Но сначала разузнать, что да как и почему. А может, и вообще из страны уехать? Вперед в светлое капиталистическое будущее! Иннокентию резко разонравилась социалистическая действительность, и он начал строить далеко идущие планы. За этим занятием и забылся.

Проснулся он через несколько часов оттого, что затекло тело, и в коридоре слышались голоса.

— Кто там в предварилровке? Почему не записан, как положено?

— Да патрульные привезли парня с центрального. Говорят, на танцплощадке с кем-то подрался. И вроде бы дружинник. Точно не скажу.

— Собакин, ты вообще дурак? Передали же всем, что задержали особо опасного преступника.

— Так, того в горотдел увезли. Сказали, что им будут с области заниматься.

— А это тогда кто?

— Не знаю я. Его заперли до утра. Я не ходил туда.

— Ну, ты и придурок!

Послышались шаги, и вскоре перед камерой показался милицейский офицер.

— Парень, ты живой?

Васечкин хмуро ответил:

— Точно не вашими молитвами. Долго я тут еще буду? У меня так-то законный выходной и дела были запланированы.

— Ну, извини, пока дежурный следователь не появится, отпустить тебя не могу.

— Ну, спасибо советской милиции!

— Ты давай, тут не давай! Надо чего?

Васечкин задумался. Мужик вроде неплохой, по званию старлей, то есть жопу не рвет ради показателей. Так что и отношения с ним портить не стоит.

— В туалет бы и чаю.

— Сейчас. Собакин, живо сюда!

Руки ему в браслеты никто не заковывал, Кеша держал их по арестантской привычке сзади. Сводили в мрачный гадюшник под названием уборная. Затем прямо через решетку передали огромную кружку горячего сладкого чая. К нему полагался бутерброд с сыром.

— Ты чего там делал-то?

— Так, я говорил, патрулировал в дружине. Потом услышал крик, побежал в кусты. А там этот... маньяк, девушку тащит куда-то. Она хоть живая? — внезапно забеспокоился Иннокентий.

— Не знаю, — развел руками старлей, затем задумался. — Странно все это. Неразбериха какая-то. И почему ты его маньяком считаешь?

— Здоровый гад, рожа такая страшная, девушку на плече тащит. Перед этим ударил её, чтобы не орала. Я по-хорошему хотел разобраться, а он сразу в драку полез. И нож у него был.

— Нож, говоришь, — офицер замолчал. — У тебя синяк на лице наливаются, надо холодную примочку сделать.

— И руки разбиты. Я сам кое-как залатал.

— Лять! — старлей дернулся. — Собакин, почему ему медицинскую помощь не оказали!

Видимо, дежурный офицер позвонил куда надо наверх. Следовательно появился раньше начала рабочего дня. Васечкина привели в небольшой кабинет, где его ждал заспанный капитан.

— Садитесь, — указал он на стул и отпустил сержанта. — Начнем с протокола. Имя, фамилия. Отчество. Год и место рождения. Документы есть?

Иннокентий сначала замотал головой, затем внезапно вспомнил, что Нечаев ему выдал удостоверение непосредственно перед началом патрулирования. Он неуклюже полез в карман. «Есть!»

— Вот, корочки дружинника.

— Что? Какого дружинника?

Васечкин решил потроллить милицейского следака:

— Я же на дежурстве был. На танцах. Наблюдал, так сказать, за соблюдением социалистической законности.

Капитан почесал нос, поняв, что Кеша над ним издевается:

— Путаница какая-то. Ну раз здесь, то поведай нам свою версию произошедшего.

По мере рассказа следователь хмурился все больше и схватился за телефон. После коротких переговоров, он смачно выругался:

— Едрить твою за кочан! Ёперный театр! Эти засранцы все напрочь перепутали. Там сейчас группа из области подъедет, а у нас такой бардак. Прилетит кому-то сегодня люлей. Давай, собираться, нам в горотдел надо.

У Васечкина отлегло от сердца. Все не так плохо, как думалось ему ночью.

— Товарищ капитан, девушка-то жива?

Следователь запирал сейф, а потом озабоченно обернулся к Васечкину.

— Жива. Пришла в себя. Так это, получается, что ты её спас? Ну, и дела.

На выходе из РОВД их неожиданно перехватили. От старого «Москвича» бежали двое. Раздался громкий рык Нечаева:

— Товарищ милиционер, произошла чудовищная ошибка.

— Мы это так просто не оставим. Захапали парня ни за что! Я буду жаловаться в прокуратуру и горком!

Вторым к огромному удивлению Иннокентия оказался Шошенский. Что-то он его раньше за рулем машины не видел. Кеша из будущего с удивлением узнал, что в Союзе семидесятых автомобиль — роскошь, позволительная далеко не каждому.

— Вы у нас кто?

После короткого делового разговора, следователь засуетился.

— Сначала вашего дружинника надо в травму, зафиксировать побои. Потом в горотдел. Только звонили, что специальная оперативная группа на подъезде к городу. А я пока документы все подготовлю. Смотрю, вы товарищи на машине?

— Так точно, товарищ капитан, — ответ Нечаева следаку понравился. Он уже проверил у обоих документов и остался доволен. — Тогда одна нога тут, вторая там. Врачам я сейчас позвоню, примут вас без очереди.

Только когда захлопнулась дверь «Москвича», Васечкин выдохнул. Неужели удалось начать выкарабкиваться из печальной ситуации. Про ошибки органов он был наслышан. И про то, как при Союзе кучу народу расстреляли из-за Чикатило. Затем он перевел взгляд на Макарыча. Тот уже завел мотор и сейчас ставил первую передачу.

Иннокентий прикинул, смог бы он вести такую рухлядь. Он хоть и учился ездить «на ручке»,

но уже на иномарке. Старенькая «Хонда» сравнительно с этим чудом отечественного автопрома все равно, что ракета по сравнению с дирижаблем. Но лучше плохо ехать, чем хорошо бежать. Затем он потряс головой. Что мысли лезут в такой серьезный момент?

— Кеша, извини, там так все закрутилось. Мы думали, тебя повезли давать показания. Потом я в больнице торчал, ждал, когда так несчастная девчонка очнется. Надо же было сообщить её родным. Потом менты набежали, начали нас всех допрашивать. Под утро только отпустили. Тебя дома нет, я к Макарычу.

— Петя, помолчи, пожалуйста! — внезапно жестким голосом потребовал Шошенский, затем он повернул голову к Васечкину. Движения с утра на дорогах почти не было. Разве что автобусы и машины с продуктами попадались. Травмпункт располагался на территории больницы в Приреченском районе. Иннокентий узнал дорогу, но его несколько напряг взгляд мастера.

— Что-то случилось, Василий Макарович?

— Говорят, что ты избил жестоко подозреваемого.

— Что значит избил? Он оказал вооруженное сопротивление!

По глазам Шошенского было заметно, что грамотно вставленные в речь слова произвели на него впечатление. Макарыч начал задавать осторожные вопросы.

— Нож точно был?

— Был, был, — поддержал Иннокентия Петр. — При мне милиция его подобрала. Аккуратно положили в кулек.

— Никто в руки не брал?

— Мы же не дураки, Макарыч.

— Дураки и есть! — жестко ответил Шошенский. — Ты почему не проследил, куда этот засранец рванул?

— Так мы...

— Сейчас разгребай за вами. Эх, молодежь, вы еще жизни не видели. Свисток вам зачем дан?

Внезапно до Иннокентия дошло, что молодые годы мастера как раз пришлись на время сталинских репрессий и войны. Точно, им до его ума далеко. Упавшим голосом он спросил:

— Что делать будем?

— Снимать штаны и бегать! — затем Шошенский успокоился, и поворачивая к больнице,

заявил. — Следователь правильно посоветовал, хоть и шел на осознанное нарушение. Тебе надо снять побои. Если у того урода отпечатки на ноже есть, то у тебя лишь будет превышение пределов самообороны. Да и девушка показания даст. Так что прорвемся. Все, приехали, пошли.

— Василий Макарович, вот я что-то не догоняю. Если это маньяк, то почему все-таки меня мурьжат?

Их и в самом деле приняли первыми и долго не задержали. Сказали, что бумагу в милицию пришлют они сами, или те заедут за ней. Троица вышла на свежий воздух и остановилась в теничке.

— Что ты все заладил маньяк, маньяк. Нет в Советском Союзе маньяков!

— Да я же его глаза видел. Потому и действовал жестко. Ему свидетели живыми были не нужны. Неужели в газетах ничего не писали?

Шошенский и Нечаев переглянулись. Первый обронил:

— Да рассказывали, что в области находят трупы женщин. Но у нас в районе ничего не было.

— Гастролер, значит.

— Кеша, ты откуда таких словечек набрался?

— Читаю нынче много. Время появилось.

— И чего-то не того. У тебя и так проблем выше крыши. Пьешь, отлыниваешь от работы, не ведешь общественной жизни.

— Но я же исправляюсь.

— Исправляется он, — Макарыч покачал головой. — Поехали в горотдел, были у меня там знакомые. Милиция и сама замазалась. Тебя арестовали без доказательств, помощи не оказали, протокол не составлен. Сплошные нарушения.

— Так всех на усиление вызвали, — и когда это Нечаев успевает все разузнать? — При мне звонили сотрудникам, из дома выдергивали и даже из отпусков.

Шошенский задумался:

— Значит, дело серьезное. Так что, Иннокентий, следи словами. А мы тебе хорошие характеристики с работы обеспечим. Да, Петя?

— Будут. Он же человека от верной смерти спас!

Воскресенье со всеми задуманными планами пропало. Промурьжили Васечкина в горотделе

целый день. Сначала опрашивали местные во главе с капитаном следователем. Затем в него вцепились какие-то серьезные дядьки.

«Настоящие сыскари» — определил моментально Иннокентий. Они совсем не были похожи на гламурных или, наоборот, совершенно неадекватных героев сериалов из будущего. Или так люди за эти десятилетия изменились? Но глазами с ними лучше было не встречаться. Потому Кеша отвечал четко, подробно и по делу. Но и мужикам надо отдать должное, они ему поверили сразу. Двое из группы приезжих тут же куда-то исчезли.

— Кто тебе подсказал побои в травмпункте снять? — спросил его полковник. Приезжие опера были без служебной формы, но обращались к старшему подчеркнуто уважительно по званию.

— Следователь.

— Молодец. А вот остальные ваши пеньки трухлявые. Ну, мы с этим разберемся. Парень, ты хоть ел сегодня?

— Так, утром чаю попил.

Полковник покачал головой:

— Как так можно с человеком. Он им на блюдечке раскрытие тяжкого преступления, а они его в кутузку. Миша, обеспечь парня горячим питанием, пожалуйста. Нам еще протокол оформлять.

Столовая сегодня не работала, и капитан по совету доставил Кешу в «стекляшку». Районные выпивохи были на рабочем месте, но, видимо, у них сработала некая чуйка, к Васечкину не лезли, а вскоре потихоньку исчезли. Да и хабалистая продавщица обслужила их подозрительно быстро и с почтением. Перекусив, он попросил опера заехать домой переодеться.

И уже в коридоре отдела они внезапно столкнулись с амбалом. Того вели целых два вооруженных милиционера. Разбитая морда маньяка хищно ощерилась:

— Тебе конец, дружинник! Мы еще встретимся!

Конвойные подхватили задержанного амбала под руки, еле сдерживая того, и потащили вперед.

Опер задумчиво перевел взгляд на Кешу:

— Ничего себе, горилла такая! Занимаешься чем?

— Да так, разным.

— Понятно. Спортсмен, так и запишем.

— Товарищ капитан, а он и в самом деле маньяк?

Офицер мрачно посмотрел на парня:

— Только я тебе это не говорил. У нас восемь нераскрытых дел. И девять трупов. Так что если это он, куча людей должна тебе свечку поставить. И не бойсь, полковник тебя в обиду не даст. Он человек справедливый.

Домой Васечкин попал лишь к вечеру. И нашел в дверях записку от Макарыча:

— Отдыхай. На работе все решу. Выпишут больничный. Но халтура себя сама не сделает.

«Вот жук!»

Делать ничего не хотелось и сразу после душа Иннокентий рухнул в постель и заснул.

Глава 10

Перемен требуют наши сердца, Перемен требуют наши глаза

Июнь незаметно перешел в жаркий июль. Иннокентий Петров-Васечкин был вынужден констатировать, что если окружающий его мир и является сном, то очень уж продолжительным и реалистичным. Неизвестно каким образом и за какие такие грехи, но после смерти его занесло именно в Союз нерушимый республик свободных образца тысяча девятьсот семьдесят пятого года. То есть времена жуткого Брежневского «застоя». Этими словесами господа либералы по собственной дури обозвали золотой период жизни России в двадцатом веке. Ну, кому застой, а кому расцвет. Фильмы штампуют каждый год сотнями, чтобы было, что в будущей Росиюшке по праздникам в телевизоре смотреть. Книжки выходят огромными тиражами, заводы колосятся, поля строятся. Безработных в державе нет!

Хотя лучше бы он попал год в девяносто восьмой, закупил долларов по дешевке и дождался дефолта, а потом рванул в столицу. Во время, когда можно было открывать свой бизнес. И Кеша даже знал какой. Найти крышу от ментов или конторских, начать возить тачки с Европы, а затем и вовсе стать дилером. В начале нулевых можно было еще купить квартиру в центре за вменяемые деньги. Эх, а там и Доминикана или еще какое-нибудь приятное место для жизни. Как кинуть на бабки кучу народов, он отлично себе представлял. Тут главное — смыться быстрее, чем о тебе подумают.

Но это все мечты... мечты...

Суровая советская реальность била по мозгам и разуму. Иногда Иннокентию в казалось, что он пребывал в отдаленном от цивилизации дурдоме. Больно уж отношения между людьми и сама жизнь в двух Россиях отличалась. Например, многие советские люди говорили одно, а делали по факту совсем иное. Хотя нет, не тот пример, в капиталистической Эрефии повсеместно наблюдалось то же самое. Нет чтобы чего-то хорошее из прошлого сохранить.

Но превалировали совершенно иные понятия:

— Ты начальник, я дурак.

— Работа дураков любит.

— Семеро с ложкой, один с сошкой.

— Худому делу — худой конец.

В этом плане Россиюшка неизменна века с пятнадцатого. Ранее некогда было. С монголо-печенегами рубились день-ночь. Быть бы живу, день простоять и ночь продержаться. А как жить-поживать лучше стали, так полезла отовсюду ЛГБТня и прочие пидар... Нет, Русь — страна сакральная, должна существовать в страхе и голоде!

После памятного случая с поимкой особо опасного преступника в жизни Иннокентия свершились некоторые позитивные перемены. Изменилось отношение начальства да части товарищей. Появилось некое уважение даже со стороны завзятых выпивох и дебоширов. Одно дело опрокинуть стаканчик или зашибить легкую деньгу. Другое — выйти один на один с маньяком. Не сказать чтобы Кеша был особо рад такой славе. Пристальный взгляд на него давно бы определил, что с этим парнем что-то не так. Но пока всем было плевать на него, у Васечкина был шанс выжить.

Но приходилось терпеть и ждать, что его подвиг позабудется. Среди народа быстро распространились слухи, что обычный электрик из ЖЭКа победил чудовище, что ранее зверски убил и расчленил множество женщин. Так что на русского богатыря иногда приходили посмотреть и люди из руководства и предприятий-смежников. Под это дело ушлый Кеша выбил из профкома деньги на новую одежду. Мотивируя это тем, что порвал старую при задержании преступника.

Профкомша повздыхала для порядка, но деньги из кассы взаимопомощи выдала. Да и Зинаида Михайловна пообещала к концу месяца хорошую премию. В ДНД его пока на дежурства не звали, оставив остальные подвиги себе. Разве что некоторое время помуржили областные следаки. Но маньяк в этот раз так наследил, что сразу открылись «новые обстоятельства». Товарищ полковник утверждал, что вышки тому уже не избежать. В завершении всего пообещал Иннокентию награду и укатил к себе в область. Но Васечкин был не в обиде. Светиться ему лишний раз не хотелось. Были на то причины.

Иннокентий сразу после больничного рьяно взялся за работу. Халтура себя сама не сделает! А деньги ему были нужны крайне. Прошлый Васечкин, как выяснилось, оставил кучу долгов, да и в его квартире ничего практически не было своего. Как так можно жить? Наверное, оттого некоторые личности внутренним переменам в Кеше долго не верили и со всей наглостью ломались по вечерам в дверь. Кто-то по прошлой памяти заглядывал, а иные просто лезли по «рекомендации».

Но с этим насущным вопросом Васечкин разобрался быстро. Мышцы от регулярной физической работы и упражнений заново налились упругой силой, так что бывшие собутыльники подозрительно быстро забыли сюда дорогу. Да и с соседями удалось наладить

отношения. Заметив разительные перемены в молодом человеке, стали заходить соседки, попросить лампочку вернуть, утюг починить и по мелочи. Отдавались они пирогами и прочими вкусностями. Мужики на улице и в подъезде здороваться. Иногда просили что-то починить по электрической части.

Так, Иннокентий стал хозяином старого перегоревшего утюга, который получилось отремонтировать. Но больше всех Кеше повезло с соседом, что жил на первом этаже. У того единственного в подъезде была собственная машина. Ставил он её по понятным причинам в гараже, но иногда приезжал домой. Тут же пытался чинить небольшие проблемы. И вот тут бывшая профессия Петрова пригодилась. Он не был автомастером, но кое-чего у ребят из ТО автосалона нахватался.

— Николаич, зуб даю, это зажигание. Сам послушай.

— А если аккумулятор?

— Сейчас проверим.

Рабочие инструменты Кеша из-за постоянных халтур всегда таскал с собой, вот и здесь притаранил из квартиры мультиметр.

— Ну что? — с интересом смотрел на электрика автовладелец.

— Есть ток.

— Тогда зажигание, — с огорчением констатировал Николаич. — Спасибо тебе, Иннокентий. Вот пить бросил, сразу человеком стал! Ко мне на стройку не хочешь?

Васнецов знал, что сосед на большом строительстве трудился не последним начальником.

— Да нет пока.

— А чего так?

— Учиться хочу.

— А, ну это дело нужное. Выучишься, приходи. У нас строительство еще долго будет идти. Всем работы хватит!

— А что строите?

— Как что? Приборостроительный завод. На оборонку трудиться будем. Смекаешь?

— Ага.

— Чего тебе ага. Эх, молодежь! Зарплата выше, квартиры дают быстрее. Ну и санатории, профилактории в курортных местах. С руками и мозгами будешь, как сыр в масле кататься.

В последнее Иннокентий не поверил. Он простой человек и, скорее всего, будет впахивать за все ништяки по полной программе. Советские реалии, которые он узнавал с каждым днем, все больше отрезвляли человека из тяжелого капиталистического грядущего. Нет, и в будущем социальные лифты, как и рывок на верхний этаж был не про всех. Оказаться в нужном месте, и в нужное время также есть элемент везения. Ну, или момент рождения в правильной семье. У генералов свои сыновья. У директоров свои дочери. У боярина... Проверенная временем старинная истина.

И, похоже, что развитый СССР ничем особо от будущей Федерации в этом плане не отличался. Разве что там еще существовало государство-город Москва, в которой возможно было все. Но и она оказалась нерезиновой.

«Москва слезам не верит, ей дело подавай!»

По этой причине Иннокентий иллюзий по поводу собственного будущего в Заволжске не строил, раздумывая, каким образом и куда в ближайшее время подастся. И уж точно не вкальвать электриком за гроши. Ну а пока каждое лыко в строку. Тащить, что можно в карман или в карму. Поимка преступника уже помогла сделать небольшой шаг вверх. На него обратили внимание. Настя Дмитриевна, их комсорг даже решила дать ему несколько комсомольских поручений.

«Только вот кому на самом деле нужна вся эта ерундистика?»

Размышлял Кеша, разглядывая аляповатую стенгазету с диковатыми лозунгами, что он подрядился сделать за выходные. Рисовали ему её девочки старшеклассницы из их подъезда, которым он пообещал мороженое. А может, он просто произвел на них впечатление? Как ни крути — герой-богатырь! По утрам пробежка и занятия в спортивном уголке двора. Его мышцы так и играли на солнце, заставляя женские сердца биться чаще. Так или иначе, но в деле местного агитпропа пионерки понимали больше человека из будущего. Он даже не знал ни одного лозунга «Единой России».

И главное, что Настя Дмитриевна оказалась довольна итогом работы, так что ему и комитету поставлена жирная галочка. Короче, начальственная дурь одинакова при любом строе. И надо научиться её обходить или использовать для собственных целей.

При более тесном общении Кеша внезапно разглядел, что Настя Дмитриевна вовсе не серая мышка, а вполне симпатичная особа. Или это в нем говорили молодецкие гормоны? Лариса в итоге их тесного до скольжения общения дала от ворот поворот. Жениться он, собака, даже не обещал, а ей внезапно приспичило. Или это так на перезрелую деваху деревенские родственники насели? У них там на селе быстро. Или в дамках, или в старых девах.

Такое даже в будущем осталось. Не говоря уж про всяческие аулы и кишлаки. На дремучесть бывших соотечественников Иннокентий в Москве насмотрелся в досталь. На фига вот ты со своим бараньим менталитетом прешься в столичный град? И еще остальных пытаешься поучать диковатой средневековой морали. Кеше стало грустно от воспоминаний. Ведь это из-за жадных мудаков в правительстве и продажных полицаев он сейчас здесь, а не в

любимом комфортном будущем.

Где его уютная квартира? Джакузи, в которой можно понежиться с невыкобенистой девахой. Где полный разнообразной жратвы холодильник? Где интернет, где все?! В Союзе с едой было так себе. Вроде бы не голодали, но выбор в магазинах удивлял своей скромностью. Без очередей и блата в торговле не то чтобы шаром покати, но крайне скудно. Что вот он может купить себе вечером после работы в ближайшей к дому «стекляшке»? Яйца, маргарин, серые макароны, ячневую крупу. Хлеба свежего и то уже нет. Пятиэтажек понастроили целый район, а о магазинах забыли! Потому он и старается закупиться днем где-то по пути. В старом районе, построенном еще пленными немцами, спряталось множество небольших, но приятных сердцу и желудку продуктовых магазинчиков.

Вот и сейчас в перерыве между заявками он идет в такой. В полуподвальном помещении народу немного, вкусно пахнет свежим хлебом и нарезаемой продавщицей колбасой. Да и карманы приятно оттягивает мелочь за сданные бутылки и парочка купюр «за спасибо». Только сегодня это зеленюватые «трешки».

«Это я удачно зашел!»

— Мне, пожалуйста, двести грамм вот того соленого маслица, полкило чайной колбасы, батон и булку. Да, еще «Снежок», пожалуйста, посчитайте.

— В кассу два двенадцать, — бросила хмурая продавщица, спрашивая тут же следующего. — Вам что, товарищ?

Дальше по квесту советского магазина рыбок в кассу, и часть сегодняшней добычи с мелочью за сданные бутылки уплывает кассирше. Та ловко шлепает по выступающим клавишам и выдает Кеше чек. Его ему надо отнести обратно продавщице и получить завернутые в серую бумагу продукты. Столько лишних телодвижений! Но магазины самообслуживания есть пока лишь в областных городах. Зато ужином он сегодня обеспечен, да и на завтрак что-то останется. Иннокентий как-то распробовал вкус местного кисломолочного напитка «Снежок» и надолго стал его фанатом. Нет, есть все-таки классные вещи, что делали в СССР!

— Васечкин?

— Настя Дмитриевна?

Анастасии не нравилось, что он её таким образом называет. Девушка тут же надулась как мышь на крупу. Кеше стало смешно. Глаза за стеклами очков немедленно похолодели, а голос перешел на официоз.

— Значит, прямо во время рабочего дня по магазинам ходите?

— А когда еще, Настя Дмитриевна мне по лабазам шариться? Работаем ведь!

— То есть халтуры?

— Ну что вы так право нелюбезны со мной? Я же все-таки зарабатываю, а не просто за так получаю.

Они вышли по бетонным ступенькам из подвала, и некоторое время двигались рядом. Неожиданно на солнце Иннокентий заметил, что у Насти очень красивые глаза. Яркий свет добавлял им небесной голубизны.

— Что?!

«Вот ведь ядрен-батон! Вслух сказал, что подумал».

— Глаза у вас красивые, Настя Дмитриевна. И это научно доказанный факт! Кстати, почему мы все на вы? Вроде вместе работаем и еще не старик со старухой.

Настя в кои веки улыбнулась и даже хохотнула. Смех был приятным, как будто колокольчики звенят.

«А она ничего!»

Комсорг тут же по его глазам посекала его шаловливые мысли, потому что насупилась.

— Работать тебе, Васечкин, еще над собой и работать!

— А я что, против? Давай, чего-нибудь предпримем в плане общественно полезного.

Настя Дмитриевна кокетливо повернулась:

— С чего это ты такой настырный стал? Раньше я за тобой особой активности не замечала.

Иннокентий насупился:

— Учиться собираюсь.

— Ага, — Настя хитро улыбнулась. — И, значит, характеристика нужна?

— А это плохо? Стремиться дальше?

Комсорг потупилась:

— Извини. Но я все вижу тебя прежнего. Как же ты изменился!

— Стараемся.

«Ого! А это что такое в её глазах сейчас промелькнуло? Не хватало еще, чтобы она втюрилась в него. Красавица и комсомолка!»

— Кеш, спишь на ходу? Провод тяни.

С каналами в хрущевках беда. То мелкие, то их попросту нет. На панельном заводе произвели брак.

«Ну, кто так строит?»

Кувалдой и с помощью такой-то матери получается пробиться к каналу и завести проводку для люстры. Эх, сколько же эта бедная матушка на Руси вкалывает! Осталось прикрепить сверху крюк. Когда побелят потолок, Кеша сюда вернется и подвесит хозяину люстру. Еще осталось доделать пару розеток и выключатель. Но это ерунда! Парни вчера штробили стену, провода уже заведены и коробки разводки поставлены.

Спасибо Валере, с фурнитурой у них проблем нынче нет. Что-то взаимозачетом берется, остальное покупается. Все равно выгодно, чем заказчика по магазинам гонять. Да и дешевле. Считай, по оптовым ценам берут, а включают в счет по магазинской расценке. Сам бы Кеша об этом не догадался, но бывший клиент подсказал. Он из тех делег, что полезных людей приберегает и спонсирует. Далек планирует, товарищ Валера!

Кеша, конечно, догадывается, что государство в итоге всех пертурбаций остается в убытке. Но ему, дитю 21 века на это с высокой колокольни совершенно наплевать. Он еще с молоком матери впитал, что ничего никому не должен. Живи, пока живется!

Глава 11

Каждый коллективу- коллектив каждому!

— Ну что за кошмар, Настя, поищи что-то другое!

Любая фотосессия начинается с примерки. Тот тихий ужас, что комсорг носила на работу, был абсолютно неприемлем. Кеша не уставал ей в последние недели повторять, что в человеке все должно быть прекрасно. Вычитал эту фразу у Горького. Одна из старушек соседок имела неплохую библиотеку и снабжала Кешу книгами. Ну а что еще делать, если телевизора нет? Да и что по нему тут смотреть? Всего два канала и на обоих бровастый Брежнев! То-то в СССР так популярно кино.

Вот и Иннокентий как-то предложил Насте сходить на новую кинокартину. Даже не ожидал, что комсорг согласится. Подругу для утех в ней Кеша не видел, а скорее товарища. Болтать с ней было временами забавно. Девушка училась заочно в институте и оказалась особой умной. Около кинотеатра Кеша не сразу узнал в стройной девушке в легком платье Настю Дмитриевну. И очки другие и фигуру видно.

«А очень даже ничего фигура!»

— Ты чего тогда такая стремная на работу ходишь?

— Не знаю, привыкла.

— Вот очки правильно сменила. Легкая оправка тебе идет.

— Спасибо.

Что тогда на него нашло? Желание появилось себя проверить, да и позабытые навыки проработать на лабораторной мышке.

— Хочешь, я тебе фотопортрет сделаю? Не романтический, а в авангардном комсомольском стиле.

Настя так и зависла посередине тротуара с мороженым в зубах. Видать, это было меньше, что она от него ожидала.

— А давай!

— Только надо сначала подготовиться.

И вот они у Насти дома примеряют наряды. Квартира в старом фонде, потолки высокие, окна большие, света много. Это Кеша оценил с точки зрения фотографии, проверив освещение взятым из дома фотоэкспонометром, моментально подняв в глазах девушки свою репутацию. Он еще попутно сделал пару замечаний по макияжу. Иногда женщины у Петрова дома жили по несколько месяцев, так что невольно пришлось разобратся. Настя была впечатлена и отнеслась к сборам со всей серьезностью.

— Вот эта юбка зачѐт.

— Не коротка? — с сомнением спросила Анастасия, встав перед придирчивым взглядом Иннокентия. Тот оценил длину ног и деловито кивнул:

— В самый раз? Да и зачем прятать такие ножки?

Девушка хихикнула.

— Ты же вроде снимаешь портрет?

— Зато буду помнить, что за кадром осталось все остальное! Ищи блузку подходящую.

Настя странно на него взглянула и нырнула за широкую створку шкафа. Затем вышла в центр комнаты в новой одежде.

— Как?

— Не годится. У тебя что, ничего современного нет?

— Нет, это все мамино. Это она у нас модница, шьет все по журнальным выкройкам.

Иннокентий набылчился.

«Ну и мода у них!»

— Слушай, примерь тогда лучше мужские рубашки. Многим девушкам они идут.

— Точно!

Настя снова себя проявила, как истовая дисциплинированная отличница, не подумав, тут же рванула к другому шкафчику, где висели рубашки отца. Так в юбке и лифчике и остановилась посередине комнаты, как вкопанная, несказанно удивив Иннокентия. Он восхищенно уставился на полуголую девушку. Лифчик был смешным и белым, а её тело чуть подернуто первым загаром, контрастно выделяясь на фоне белья.

«Обалдеть, держите меня семеро!»

— Ой!

— Все, я отвернулся!

Но Кеше увиденное понравилось. Грудь — два с половиной, лучший для молодой девушки размерчик, плоский живот, точеные плечи. И зачем, спрашивается, это все прятать под уродской одеждой? Видимо, сейчас в нем говорил человек из будущего. В двадцатые годы следующего века женщины без стеснения оголяли все, что только можно. А новые купальники практически ничего не прикрывали.

Настя в этот раз появилась зардевшаяся, но глазки шаловливо играли.

«Ну и Настя Дмитриевна, ну и комсорг!»

— То, что доктор прописал. В ней и будем снимать. Только я бы рукава закатал и здесь не застегивал все пуговицы.

— Какие, Кеша?

— Вот эту.

— Расстегни сам.

«А куда делись её очки? Какие у нее васильковые глаза!»

Он не заметил, как расстегнул еще несколько лишних пуговиц, и снова показался белый лифчик. Затем руки сами собой прошли по ее шее и плечам. Их обоих резко притянуло друг к другу. Лишь через минуту Иннокентий смог оторваться.

— Ты...

— Я...

Дальше началось форменное безумие. Вниз вмиг полетела вся одежда. Крепкие руки спортсмена приподняли девушку за попку и поволокли в сторону большого дивана. Он

касаясь губами её шеи, груди, перешел на живот, неожиданно поняв, что «девушка созрела».

Занавес!

А началось все с необычного невинного происшествия. В один из дней Васечкина вызвали в контору прямо с очередной заявки. Оказалось, что пришел фотокорреспондент из городской газеты. Хотел снять его портрет для номера. Видимо, следствие здорово продвинулось и газетчикам разрешили дать заметку о знаменитом происшествии. Нельзя же постоянно держать такую новость втайне! Кеше вовсе не улыбалось быть в центре внимания. Но судя по лицам руководства, это даже не обсуждалось. Значит, пойдет в карму. Как уже начал понимать Петров-будущий, в этом времени на социальный рейтинг здорово влияла общественно-полезная работа. Партия, Ленин, комсомол имели вес не менее значительный, чем тяжеловесы из промышленности.

Он дисциплинированно прошел к шкафчику и переоделся. Благо, с утра достал свежую рубашку. Галстука, правда не было, этим его облагодетельствовал сам начальник ЖЭКа Сергей Петрович Вяземский. Он редко появлялся на рабочем месте, перманентно пропадая на бесчисленных совещаниях.

— Вязать умеешь? Эх, молодежь, учись, пока я жив. Но, вообще, Васечкин, ты молодец! Поднял репутацию нашего ЖЭКа на областную высоту. Так что дарю!

Дареному коню в зубы не смотрят, да и галстук был импортным. В СССР на теме зарубежного шматья полный бзик. За джинсы попросту убить готовы. Правда, в будущем подобный бзик перейдет на статусные автомобили. Петров неплохо как-то заработал на желании некоторой части южного населения иметь пусть и не новые, но немецкие автомобили марок БМВ и Ауди. Когда граждане неизвестной национальности массово побежали в автосалон по причине того, что «конструкторы» из битых автомобилей начали разваливаться прямо на ходу, то салона уже и след простыл. Или джигиты всерьез считали, что по такой цене можно купить что-то стоящее?

Лох не мамонт!

Фотографом был серьезный мужчина предпенсионного возраста. Скорее всего очередной «заслуженный работник». Но во всяком случае дело он свое знал тугο. Моментально сориентировался, высмотрел место для съемки и быстро выстроил нужную ему позу. Никаких бесконечных щелчков, что присуще мастерам цифрового фото. Пленку в редакции явно экономили. Сделав три кадра у окна, фотограф начал менять объектив. И вот когда Иннокентий, наконец, заметил, каким фотоаппаратом пользовался мастер, в его голове знатно замкнуло. Вот оно! Как он мог забыть! Чему он удивлялся?

В руках опытного фотокорреспондента была дальномерная камера. И камера непростая, а самая настоящая легенда немецкой прецизионной промышленности — Лейка. В отличие от большинства других подобных раритетов, у «Лейки» имелась возможность менять объективы. Почему-то у многих фотолюбителей в голове засела мысль, что сменные линзы есть лишь у «зеркалок», то есть современных зеркальных аппаратов. А Кеша откуда-то

помнил, что у старых немецких объективов был потрясающий световой рисунок и изумительная резкость. И с этими знаниями в своей голове еще предстояло разобраться.

— Это у вас «портретник»?

Фотокор удивленно обернулся.

— Разбираешься?

— У деда похожий был.

— Ну да. После войны много чего навезли.

— А можно вопрос? Почему не «Зенит» или «Практика»?

Фотограф задумался.

— Душа не лежит, да и привык. Я же, — он бережно провел пальцами по потертому чехлу, — с ним по сути сроднился.

— Понятно. Что мне дальше делать?

Фотокор улыбнулся. Иннокентий знал по своему прошлому, что хороший и покладистый клиент на вес золота.

Вечером дома Васечкин сразу же полез на антресоли.

«Есть!»

Странно, что он здесь еще не ползал, так бы вспомнил раньше. В небольшом затертом чемодане лежал целый фотонабор. Старая немецкая камера с объективами и другими нужными для получения фотографий приспособлениями. Не «Лейка», Contax III, и к нему шли объективы известной фирмы «Карл Цейс». Кеша бережно достал камеру и дёрнул рычаг. Работает! Спуск! Этот звонкий щелчок тут же пробудил в нем воспоминания.

Надо же было такому случиться! Дедушки и Васечкина, и Петрова увлекались фотографией. И оба снимали на старые дальномерные аппараты. Разве что у деда Петрова было их несколько. Немецкий навроде этого, ФЭД и Киев-4. Дедушка любил повесить их все на себя и в таком виде появиться на каком-нибудь городском или районном празднике. Его частенько принимали за фотокорреспондента и пропускали везде. Он и дал первые уроки фотомастерства внуку Кеше.

Этот же оболтус получил от деда наследство и даже не потрудился распаковать его. Кстати, за такой раритет даже в эти годы у коллекционеров можно получить неплохие деньги. Но нет, сначала используем камеру по назначению. Итак, что мы имеем:

Фотокамера дальномерная с форматом кадра 24×36. В голове всплыли наставление деда

Васечкина — Затвор фокальный, вертикальный, с выдержками «В», ½, ⅓, 1/10, 1/25, 1/50, 1/125, 1/250, 1/500 и 1/1250. Видоискатель — оптический, совмещенный с дальномером, который, в свою очередь, связан с приводом вращения объектива. Крепление объективов — байонетное, специальное для этих аппаратов. К камере идут два объектива знаменитой оптической фирмы. Васечкин внимательно изучил цифры на них и прикинул. Так, этот «штатник» Carl Zeiss «Sonnar» 2/50 mm, а этот «портретник» Carl Zeiss Jena Sonnar T 85 mm f/2. В принципе для большинства задач они подходят. Разве что ландшафты остались за бортом, но Киев 2 точная копия этого немецкого чуда техники. Так что наверняка можно найти аналог. На вид фотоаппарат исправен. Но это пока не снимешь пленку в разных режимах, не проверишь...

Два старых фотобачка для проявки пленок. Кеша внимательно их осмотрел. Доверия не внушают. Не так много они и стоят в случае чего.

Фотоэкспонетр «Ленинград» 2. На переднем торце прозрачное окошко, за которым располагается подвижный селеновый фотоэлемент. На верхней стороне шкала со стрелками сзади, и круглый калькулятор в центральной части. К нему прилагался стильный кожаный чехол с замшей внутри. Полезный грамотному фотографу гаджет был относительно новым. В отличие от фотоувеличителя, который, то ли неудачно сложили, то ли доломали в дороге. Короче, его фактически нет.

Негусто. Хотя самое дорогостоящее присутствует. Насколько Иннокентий помнил из будущей жизни Петрова некоторые объективы стоили чуть ли не дороже самой камеры.

В голове проплывали воспоминания из прошлого. Как он с дедом сидел часами в его старой ванне, печатая черно-белые фотографии. Как уже будучи в Москве, купил по случаю цифровую зеркалку. Даже немного пошабашил на свадьбах и мероприятиях. В те несколько лет на фотобизнесе еще можно было заработать. Затем туда поперлись толпы «креативных» девочек и мальчиков. Цены они уронили здорово, но ничего великого в итоге не создали. А Кеша к тому моменту нашел более приятный вид заработка.

«Но руки-то помнят!»

— Ты как, малышка?

Настя стыдливо пряталась под покрывалом. Хм, во время постельных утех она вела себя несколько по-другому. Да и не девочкой оказалась.

«Вот тебе и комсомольский вожак!»

— Нормально.

Ответ Кешу не устроил. Он повернулся к ней, нагло полез под простыни и притиснулся к девушке вплотную.

— Насть, ты извини, если что не так. Сам не знаю, что на меня нашло. Но давай разберемся

сразу на берегу.

— Фу, откуда ты таких противных слов набрался?

Девушка уже не стеснялась, прижимаясь упругими титечками к нему. Затем он внезапно ощутил её пальчики в районе паха и ойкнул.

«Ой, лиса!»

— Понимаешь, я сразу говорю, что пока мне готов к серьезным отношениям. Но и ты не та, которой можно пользоваться просто так. Ты понимаешь меня?

— Да. Но давай об этом не сейчас. Со мной никогда такого не было. Ой!

— Ты сегодня смелая! Показать кое-что?

— Сегодня можно! Родители в деревне, квартира свободна до утра.

Глава 12

«Молодежь — настойчиво овладевай знаниями!»

Вот так неожиданно проявилась очередная пламенная страсть Иннокентия Васечкина. И непонятно, что в ней было больше. Возможности Васечкина и его деда, иди память о переданных навыках дедом Петрова. Так или иначе, но необходимо было приступить к намеченному плану. Перво-наперво Кеша продул грушей внутренности доставшегося оказией фотоаппарата, затем, как можно аккуратней прочистил механизм и озадачился приобретением фотопленки.

Пока не отснимешь, не проверишь — в работоспособном ли состоянии техника. Даже изделия немецкого элитного автопрома приходят в негодность. Для этого Кеше пришлось отпроситься на пару часов у Шошенского и смотаться в центр городка. Именно там располагался единственный в их епенях универмаг.

Насколько Иннокентий помнил из своего детства, тогда в нем можно было купить различные промтовары. Радовала лишь мысль о том, что он не попал в тело какого-нибудь сибирского промышленника. Там на «большую землю» пришлось бы выбираться неделями.

Ехать пришлось на автобусе ЛИАЗ. Это такое кубическое чудо с большими окнами и странноватым звуком мотора.

Как только Иннокентий зашел внутрь объемного салона, так сразу появилось ощущение глубоко зарытого в воспоминаниях детства. Эти неуклюжие развалюхи в девяностые быстро сменили шустрые ПАЗики, но Кеша еще успел захватить время, когда монстры «застоя» колесили по улицам родного райцентра.

Больше всего ему нравилось ездить спереди, сразу за водителем, держась руками за

горизонтальные перила. Казалось, что он участвует в вождении наравне с шофером. С передних скамеек детишек обычно сгоняли ворчащие бабки. Кеша еще постоянно удивлялся. Там же было написано — «Для пассажиров с детьми»! А вовсе не для старух и толстых теток.

Он оглянулся в поисках кондуктора, затем заметил, что люди подходят к какому-то ящику и кидают туда мелочь. С ума сойти — самообслуживание на колесах! В сраном «совке» ты самостоятельно себя обилечиваешь безо всякого надзора КГБ. Интересно, знакомые ему по интернету хулители Союза сами бы оплатили проезд или поехали «зайцами»? Скорее второе. Гнилые людишки всегда выбирают прямолинейно дерьмовые решения.

Кеша кинул в прорезь завалившийся в кармане пятак и открутил себе билетную ленту, надорвав маленький талончик. Ну а что — удобно! Затем глаза наткнулись на трафаретную надпись — «За безбилетный проезд — штраф 1 рубль».

«Ага, одной сознательности, значит, все-таки не хватает!»

Свободных мест в автобусе днем хватало, и Кеша, удобно устроившись в кресле, уставился в окно. И вскоре его накрыло. Все последние недели прошли в сплошной суете, даже оглянуться некогда было родном городишке. Приходилось скорыми темпами выкарабкиваться из того болота, куда его загнал прошлый Васечкин. А сейчас он проезжал до боли знакомые места. Вот туда маленького Кешу водили в детский садик. А вот по этой дорожке восемь лет он топал в школу. Деревья вдоль аллеи еще не выросли, да и асфальт не положен.

А вот и клуб! Сколько здесь драк пережито и свиданий назначено! Иннокентий чуть не расплакался. А ведь он еще и не родился в этом времени, и даже в планах нет. Отец и мама сами в школу ходят. Вот бы их увидеть! Затем он одернул себя. И что из этого выйдет? Скажет мелкой девчонке — привет, я твой сынуля! Ты умрешь от рака, не дожив до сорокапятилетия. Стало невыносимо больно, и в тот момент он принял решение. Окончательное и отмене не подлежащее!

«Да уж, до супермаркетов будущего этому унылому заведению торговли, как до Европы раком. Надеюсь, в Москве выбор будет лучше»

Из провинциальной дыры надо срочно выбираться. Тем более что разок в будущем петров это уже проделал. А там и далее двигать, если в столице не удастся толково устроиться. Но насколько Иннокентий помнил, в Москву просто так при СССР не попасть. Откуда-то ведь взялось слово «Лимита»? Но об этом он подумает потом. Сейчас надо себя проявить с лучшей стороны! Набирать очки.

Иннокентий обошел скандальную очередь в обувной отдел, затем прошел по стройным рядам мужской одежды. Самая настоящая выставка умения из хорошего сырья сделать негодный продукт. И ведь кто-то за эту убогость получает зарплаты и даже премии! Как так?

Фотоотдел нашелся на втором этаже универмага. Он был совмещен с канцелярскими

принадлежностями. На полке грустно пылились два невзрачных ФЭДа. Они устарели раньше, чем их задумали. Народ массово переходит на «Зениты». Об этом дед Кеше рассказывал, как и о пленках и химикатах той поры. Он сам с вожделием снимал и печатал на «Фоме», дорвавшись до нее в девяностые. Как-то дед обронил, что после наших ужасных пленок и бумаги, работа с этими материала смахивала на оргазм. Ну да, о сексе первым также дед юному Кеше поведал.

Что ему для начала нужно? Штук пять фотокассет, вот тех железявых за двадцать пять копеек. И пленку. Так что хватит и три. Одна для пробы пера и две на Настю. Лучше «Свему». О «Тасме» дед выражался исключительно нецензурно. Будет ли он проявлять пленки сам? На витрине лежат готовые проявители для пленки и бумаги. Вон и фиксаж-закрепитель горкой выложен.

Внезапно в памяти всплыли слова деда, что магазинные «солянки» не самые лучшие. А где ему нынче достать химикаты по отдельности? И дальше отреагировал Петров из будущего. А зачем это делать самому, если существуют профессионалы? Он частенько проходил мимо двухэтажного здания Комбината Бытовых Услуг, что построили в новом микрорайоне. Фотосалон там расположен на первом этаже, о чем уведомляют выставленные в окна фотографии и громкое, но не к делу названием «Юпитер». Решено!

— Девушка!

А вот дальше случился жесткий обломс. Нет, пленку он зарядил в черном мешке быстро, не зря его оба деда дрючили. Чудесным образом навыки остались. И рано утром по дворам побежал, снимая, то на солнце, то в тени, то используя отражения света от стен. Даже перехватил пару знакомых слесарей из ЖЭКа, сняв их на портретник. И везде использовал экспонометр, прикупив к нему заранее в универмаге батарейку.

Хороший аппарат. Недешевый. Можно делать замер на отражение и падение света. То есть в первом случае мы направляем окошко экспонометра на объект съемки со стороны фотографа. Для измерения падающего света надо на фотоэлемент надеть матово-белое стекло.

Это только кажется, что все просто, на самом деле именно в измерении нужного освещения вся соль процесса фотографирования. Испортить фотографию очень легко. При переэкспонировании выходят слишком плотные кадры с огромным контрастом или вовсе не пробиваемые негативы. При обратном решении — прозрачные кадры вовсе без контраста и потерей деталей.

Отсняв пленку в разных условиях и используя различные пары выдержки и диафрагмы, Кеша не забывал записывать все в блокнот. Ведь в случае чего он быстро поймет — это проблема в объективе или затвор стал работать неправильно. Ведь этот аппарат не какое-нибудь одноразовое электронное чудо, а механика. Её починить легче. Всяко в городе подобный сервис имеется.

Наверное.

Мечты о природном мастерстве советских фотографов рухнули в тот же день. Молоденькая приемщица фотосалона благосклонно приняла у Кеша пленку на проявку, выставив счет на восемьдесят копеек. Плюс тридцать пять копеек стоила сама пленка. Но Васечкин был сегодня богатым, получив квартальную премию в целый полтинник с хвостиком. Вечером же, забрав пленку с проявки, Васечкин замысловато выругался.

— Вы что себе позволяете, молодой человек!

Вместо утренней барышни на приеме восседала толстая тетка с претензиями, выраженными «барашковой» химии и бусами «под жемчуг».

— Как что? Вы пленку мне недопроявили!

Кеша был по-настоящему взбешен, целый день насмарку!

— Такого не может быть, потому что её проявлял сам Мартын Петрович!

— И что того, девушка? У меня с глазами все в порядке. Я же вижу жуткую недопроявку!

— Да что вы понимаете в фотографии, молодой человек!

Типичное поведение работника советского бытового сервиса. Да Кеша и сам себя порой вел себя также. Некая системная ошибка в программировании советского общества. На словах все для человека. В реальности — пошел на хрен, холоп! Сейчас же ситуацию стоило решить враз и бесповоротно. А наглость в совковом обществе — наилучший аргумент.

— Чего тут понимать! Посмотрите сами — она более прозрачна, чем требуется и даже вот эти цифры на краях пленки. А я снимал некоторые кадры с переэкспонированием. Это разве не видно?

Приемщица заткнулась, осознав, что перед ней не лох, а в конце зала послышался хрипловатый голос:

— Кто там недоволен моей работой?

Мартын Петрович порадовал свежим «выхлопом» и красными, как кролика глазами. Понятно, старый мастер на пенсии. Такому уже на все наплевать. Если он и был настоящим специалистом, то это в прошлом. Люди в любой профессии имеют такое свойство выгорать. Иннокентий тут же на него насел, ибо здорово осерчал.

— Уважаемый, вы или проявляли в холодном проявителе, или он уже сдох, или напутали по времени.

Петрович выкатил глаза и, как ни странно, но ответил Иннокентию безо всяческого апломба.

— Молодой человек, а вы явно не новичок в фотографии.

— Еще бы. Меня дед учил.

— А кто у нас дед?

В памяти услужливо всплыло имя:

— Иван Никифорович Васечкин.

Мартын Петрович некоторое время внимательно изучал физиономию молодого скандалиста, затем флегматично заметил:

— То-то думаю фигура и морда лица больно знакомая. Решил сначала, что показалось. А вы похожи на вашего...кхм деда.

Вот здесь уже Иннокентий растерялся.

— И что будем делать?

— Пойдемте. Мой косяк. Мне и справлять.

Не оглядываясь, Петрович засеменил к неприметной двери. Васечкин поспешил за ним. За дверью оказался тамбур, а за ним лаборатория. По углам уютно устроились красные фонари, создавая волшебную атмосферу разврата. Казалось, что сейчас из-под полога вынырнет «жрица любви» и начнется....

— Ты кого привел, Мартын?

Рядом с угловым столиком удобно пристроился занятный старичок с козлиной бородкой. На кого-то он был похож.

— Познакомься, это внук Ваньки Васечкина.

— ВВ? — козлородый явно был под хмельком. Или они оба здесь «киряли».

— Как там тебя зовут, парень?

— Кеша... Иннокентий.

— Садись, Кеша. Пиво будешь?

Ему тут же пододвинули бутылку «Жигулевского». В другое время Васечкин бы не отказался, но не сейчас.

— Спасибо. Я сейчас на спорте.

Козлородый засмеялся:

— Вылитый Васечкин! Такой же ершистый.

— Что по пленке?

— А что по пленке?

Мартын вздохнул:

— Фрол, я тебя что просил?

— А что ты просил?

— Проверить температуру проявителя. Вот итог.

Фрол живо взял в руки пленку и посмотрел на просвет.

— Недотянул. Эх! Ничего исправим при печати. Там что-то важное было?

Иннокентий пожал плечами:

— Пробы. На дедовском аппарате решил поснимать в разных условиях.

Фрол и Петрович переглянулись

— Твой косяк, тебе и исправлять, Фрол Никодимыч.

Старик со странным именем и не менее странным отчеством вздохнул и потянулся к шкафчику, вынув оттуда несколько кассет. Нашел одну с «хвостиком» от вставленной пленки и подал Кеше.

— Извини, старик, только «Гасма». Что уж выдают по разнарядке.

Иннокентий ускоренно зашевелил мозгами.

— Солнце еще не ушло, в «режиме». Успею и сейчас. Проявить самому дадите?

Старики-разбойники одновременно хмыкнули и переглянулись.

— Дерзай, племя младое, незнакомое!

В принципе дело не такое уж сложное, особенно когда припекает. Терять день было неохота. Да и блокнот под рукой. Потому Иннокентий управился за полчаса, пока тени безбожно не удлинились. Он даже сфотографировал несколько молоденьких девиц, что проходили мимо.

«Папарацци недоделанный!»

Холл фотосалона был девственно пуст, приемщица готовилась закрываться. Но старички-разбойники запустили Кешу к себе безо всяких возражений. У них была своя атмосфера. Да и количество пустых бутылок под столом увеличилось.

— Вот здесь кабина для проявления, — привел на место Петрович. В этом бачке проявитель для пленки.

— Какой, стандартный?

— А вот тут, Иннокентий, даже обидно. Самолепный. Смесь Д 76 и Д 96. В меру мягкий и тянет неплохо.

В голове Петрова всплыли давно позабытые названия. Дед старался для пленки составлять проявители сам, и зачастую брал рецепты из журналов.

— Градусник где?

— Вот здесь на полке. Сначала нагрей проявитель в бачке. Чайник в общей комнате по коридору дальше. Горячей воды пока не дали.

— А специальной кюветы для подогрева нет?

— А попа не слипнется? Была, — Петрович вдохнул, — перегорела. Так что давай по старинке. И перемешивай! Оптимальная температура 20–22 градуса. Сам вставишь?

Мастер кивнул в сторону спиралей. Вот тут уже вздохнул Кеша, но настоял на самостоятельности. Отчего-то у него было ощущение, что эта встреча для него очень важна.

Пленка висела в специальном сушильном шкафу, а Кешу ждал кофе. Настоящий, сделанный в турке. Его аромат он ощутил, когда вылез с проявленной и отфиксированной пленкой. В этот раз все было на месте. И экспонированные кадры, и цифры, четко проглядываемые на свету.

— Молодца, отличный негатив! — оценил проявленную пленку Фрол Никодимыч. — Значит, Ваня не зря тебя учил.

— А печатать здесь можно?

Старики-разбойники переглянулись.

— Да поздно сегодня, да пленка твоя пока высохнет! Приходи завтра под вечер. Садись, кофий пить. Фрол, у тебя где-то там были пирожки?

— Еще остались. Таисья пекла да забыла, что я с луком не ем. Угощайся, Васечкин. Черт, как же я рад, что снова выговариваю эту фамилию.

Глава 13

Пятилетке качества- наши трудовые победы!

В этот день хотелось все быстренько переделать и уйти с работы поскорее. Васечкин даже

был не рад очередной халтуре, поругавшись по этому поводу с Потаповым.

— Сегодня не могу, дела.

— Да знаем мы твои дела! Девку никак новую нашел? Так вся ночь впереди!

— А если и нашел?

— Далась тебе эта комсомолочка?

— Чего?

Потапов вовремя отскочил в сторону.

Занятия на спортивной площадке и природная сила сделали Васечкина опасным противником. Ребята из дружины как-то пригласили ЖЭКовского электрика в боксерскую секцию. Тренер скептически осмотрел движения Иннокентия, но удар ему понравился. Васечкин относительно легко свалил спарринг-партнера на землю. Потому тренер здорово удивился, когда Кеша отказался от дальнейших занятий.

— Оно мне надо по башке получать?

Он бы, может, и походил сюда чисто для здоровья, но бесплатные секции в Советском Союзе были заточены на спорт и соревнования. А они ему к чему? Ради призов и материального благополучия тренера здоровье терять. В свое время он плотно пообщался с этой бандой выжимателей соков из глупых малолеток. Спорт такой же бессмысленный и жестокий конвейер.

Васечкин собрал инструменты и на выходе бросил:

— С Макарычем договорись на субботу.

— Ох, Кеша, смотри сам. Старый друг дороже новых двух.

Закончив обработку заявок, Иннокентий сначала устремился домой. Сегодня его навар составил всего лишь два целковых, так что особо не разбежишься. Премия и зарплата уже потрачена. За халтуру предоплата будет только в выходные. Да ему еще Настю Дмитриевну снимать. Сплошной забег в колесе, как у белки. Не успеваешь осмотреться и поразмышлять или сделать шаг в сторону, как водоворот событий засасывает обратно. Подобный образ жизни Иннокентий уже проходил, когда только устроился в Москве. И потому из такого состояния надо срочно вылезать. Считать копейки и влачить жизнь провинциального электрика Кешу точно не устраивало. Но сначала разберемся со старичками-разбойниками. Все надо осуществлять пошагово!

— Явился не запылится! — монументальная приемщица показательно фыркнула при его появлении в салоне.

— Петрович на месте?

— Кому Петрович, а кому Мартын Петрович Герман, заслуженный мастер республики.

«Вот коза облезлая!»

— Я пройду?

Шоколадки в СССР стоили дорого, но взаимоотношения дороже. Кудрявая как барашек тетка невольно вздрогнула, заметив на столе яркую этикетку, а затем улыбнулась уже как своему:

— Идите уж.

В глубине лаборатории послышался знакомый голос:

— Васечкин, где тебя носит? Проходи скорейше. Я тебе уже стол наладил. Так и знал, что явишься ранее. Кстати, кем трудишься?

— Да ничего особенного, Мартын Петрович. Электрик в ЖЭКе.

Герман странно покосился и произнес:

— Занятно.

— Зато квартиру дали служебную.

Старый мастер с интересом смотрел, как Кеша аккуратно нарезал высушенную пленку на кусочки по шесть кадров и завернул их в листок обычной школьной тетради. Слипов в этом времени еще не было, а как он помнил, прогон туда-сюда-обратно — это огромное зло для пленки. Отсюда царапины, брак и прочая пыль.

В закутке, освещенным красными лампами, высился монстр советской промышленности — фотоувеличитель Беларусь- 2М. Таких огромных увеличителей Васечкин еще не видел.

— Впечатляет, — ухмыльнулся Герман и опустил тубус пониже. — У нас же все-таки салон, приходится печатать не только узкий формат. Вот смотри, у этого аппарата в наличие несколько рамок. Есть и для кадров шесть на девять, и девять на двенадцать.

— Ничего себе размерчик! — впечатлился Иннокентий.

— Ну, с Фролом ты уже знаком. Он любил раньше выехать в поле с ФКД или «Искрой». Бывало, что и здесь печатал. Сейчас ленивый стал, из фотосалона в ресторан на слет пишевиков не выгонишь.

Иннокентий внезапно понял, что ни фигя не знает о здешнем фотомастерстве и эти прорехи в практическом опыте надо срочно восполнять.

— Бери эту рамку, подгони под кадр винтиками. Это тебя дед научил так резать пленку?

— Чтобы царапин было меньше.

— Молоток! Узнаю руку мастера. Печатай с этого кадра, он плотнее. Снимал наобум?

— Обижаете, с помощью экспонометра.

— Угу, — Петрович поправил пленку и вставил рамку в увеличитель. — Сейчас крути колесо и подгони под размер бумажной рамки. Думаю, тринадцать на восемнадцать хватит для первого раза. Ты же просто хотел проверить камеру?

— Да.

— Снято неплохо, она в рабочем состоянии. Держи пробник. Умеешь?

Иннокентий взял тонкий кусок фотобумаги. Он вспомнил! С помощью руки или куска плотного картона надо экспонировать бумагу с разными промежутками времени. Одну часть засветить больше, другую меньше и рассчитать правильную экспозицию.

— А резкость кто будет настраивать?! Мало тебя дед порол.

«У Петровича не забалуешь!»

Так, а это у нас что? В памяти всплыло — «Реле времени». С помощью его измеряют поток света, что засвечивает фотобумагу.

— Секунду ставить?

— Ставь две. Лампа тусклая. Все времени не найду, этой бандурой заняться. И стекло рассеивающее, как назло, лопнуло.

Иннокентий уже не слышал бурчания старого мастера, а полностью погрузился в священнодействие процесса. Засветив «пробу», он тут же кинул её эмульсией вниз в здоровенную кювету с проявителем. Затем взял пинцет и аккуратно перевернул.

— Прошел процесс!

— Все, вынимай. Проявитель немного подогрет, проявляет быстро.

Неловким движением Кеша чуть не уронил пробу на пол. Генрих зло рыкнул, и сам макнул кусочек фотобумаги в стоп-раствор, опустив затем в закрепитель.

— Пошли посмотреть на свет. Бумага вся закрыта?

Отодвинув темный занавес, они вышли в коридор. У высокого окна и произошла оценка экспонированной «пробы». Иннокентий понял, что Петрович вывел его из лаборатории

специально. Неопытному глазу при красном освещении все кажется темнее, чем есть.

— Пять секунд достаточно! Просмотри похожие по плотности кадры и можешь печатать их разом.

Процесс пошел быстрее. И вскоре в кювете с фиксажем лежала дюжина фотографий.

— Делай пробу на более светлые кадры.

Так они провозились где-то с час. Хотя Иннокентий совсем не заметил прошедшего времени. Он внезапно вошел в раж, задавая вопросы, интересуясь мелочами и деталями. Петрович охотно отвечал и помогал. Ему явно нравилось поучать и передавать накопленный бесценный опыт.

— Хватит промывать, понесли «гладить».

Васечкин ничего не понял, но послушно переложив в пустую кювету готовые мокрые снимки и вышел из лаборатории. Герман уже включал огромный каток барабанного электроглянцевателя.

— Вот это дурра! — восхитился Кеша.

— Не дура, а прибор автоматической сушки и глянцеваания отпечатков АПСО 5.

— Яволь, штурмбанфюрер!

И тут же Кеша получил крепкую затрещину:

— Не шути так, парень. Мы с Фролом и твоим дедом всю войну прошли.

— Извините, Мартын Петрович. Просто недавно фильм смотрел.

— Никак «Семнадцать мгновений весны»? Сколько там ляпов! Киноляпы недоделанные консультантов взять нормальных не могут. Что за форма у Эсэсовцев? Клоуны какие-то!

Сам Васечкин этот советский сериал толком никогда не видел, но анекдоты про Штирлица слышал.

— Смотри сюда. Здесь он включается. Это реостат регулировки вращения барабана. Ждешь, когда загорится зеленая кнопка, и можешь класть отпечатки на полотно. Если глянецовать, то эмульсией к барабану. Просто высушить или матовую бумагу, кладешь на полотно. Все понятно?

— Ага. Это у нас гляnceвая бумага?

— Другая тебе зачем? Матовую обычно для печати документов используем или на огромные панно, чтобы не бликовали.

Иннокентий с воодушевлением включился в процесс, забирая высушенные и отглянцеванные отпечатки обратно. Само глянцевање заняло от силы минут десять. А как они мучились с дедом, когда печатали на бумаге большие объемы и использовали обычные любительские глянецватели!

— Все, пошли чай пить. Люся уже чайник вскипятила.

В этот раз сидели в небольшой комнатке, заменяющей в салоне бытовку. Приемщица встретила их домашней улыбкой и заваренным чаем. И явно не из грузинских опилок. На столике красовались розетка с вареньем и домашнее печенье.

— Я вам оставила, ребята, и побежала.

— Давай, Люся! — Петрович проводил объемистый зад приемщицы масляным взглядом и достал из-под полы бутылку. — Ну что, Иннокентий, разговаривать будем.

— Да я...

— Не принимается. Здесь, — Герман стукнул по стеклу, — всего-то двадцать четыре градуса. Наливка самогонная. А без нее разговора не будет.

Кеша тяжело вздохнул и обреченно кивнул:

— Наливайте!

— Ты сначала закуси, молодец.

— Фрол устал, больше на выезда в районы не катает. А там в деревнях самый заработок. Но надо много чего уметь. Кузнец, жнец и на дуде дудец — это про нас выездных фотографов. Нет белого фона — ставишь человека к печке. Нет света, ловишь пацана, и пусть лампу держит. Ребенка снимаешь, привяжи к объективу на резинке яркую игрушку. Человек не знает, как ему встать — сделай копии с журналов мод. Когда ты, говоришь, свою комсомолочку снимаешь?

— В субботу, — обреченно констатировал Кеша. Он уже чувствовал, что они будут не только фотографироваться. Их производственный роман вышел за рамки «просто знакомства» и с его неумной потенцией расходы на предохранительные средства били по карману. Неужели Петрова в таком возрасте также колбасило?

— Приноси пленку сюда.

— Не могу. В выходные шабашу.

— В смысле?

— Электрику в новом доме жильцам делаю как положено. За это между прочим неплохо платят.

— Понятно, — Петрович налил еще по одной, тут же выпив. — Вечером подходи, я все подготовлю.

— Это могу.

Неделя прошла быстро, как и суббота. Окрыленный перспективами, Васечкин крутил Настей, как хотел, ставив в различные позы и образы. «Девушка уже созрела», глазки у Анастасии горели, грудь вздымалась. Но он не остановился, пока не заснял все две пленки. Затем наступил черед иных поз. Так что утром он брел на халтуру сонный, постоянно позевывая. Зато довольный как стадо слонов, вкусивших после длинного перегона чистой водички.

А Макарыч был недоволен:

— Опаздываешь!

— Так, Кеша у нас всю ночь проводил смычку между интеллигенцией и пролетариатом, — политически грамотно издевался над молодым специалистом Потапов. Он уже установил на место импортный унитаз и сейчас занимался смесителем. Дом, за который они взялись, был кооперативным. То есть граждане его строили за свои кровные, зато почти без очереди. Васечкин охренел, когда узнал, что даже за собственные денюжки просто так ты ничего в СССР не построишь. Хотя в капиталистической Москве для строительных фирм условия были такими же — просто за так тебе даже киоск возвести не дадут. Ну почему из прошлого бралось все самое плохое?

— Быстрее кабель прокладывай и розетки ставь. Ребята вчера проштробили, хотят сегодня же обратно заштукатурить.

— Ясно.

Валера неизменно снабжал «халтурщиков» всем необходимым. Что особенно нравилось заказчикам, избавляя их от лишних телодвижений. Поиск стройматериалов в СССР тот еще веселый квест. В итоге разница оседала в карманах причастных. Но больше всего у Шошенского. Член партии свой частный интерес никогда не забывал. Как не забывал говорить правильно на собраниях. Но этим Кешу было не удивить. Зато понятно, откуда росли ноги у партийных деятелей будущего.

«Все мы вышли из ‘Шинели».

Иннокентий хватко взялся за работу, у него была сейчас ясная цель. И выпросил после обеда трояк у Макарыча. Тот старания молодого электрика оценил, но все равно напоследок проворчал:

— И нужны тебе эти книжные девки? Чем Лариска была плоха? Зато всегда в доме достаток.

— Ничего вы, Василий Макарович, не понимаете в колбасных обрезках!

— Ну, дело твое! Завтра жду после работы. Надо все закончить к концу недели. У меня бригада маляров простаивает.

Глава 14

Партия сказала «Надо», комсомол ответил «Есть»!

До Дома Быта Кешу доставил знакомый шофер. Вернее, знакомый того Васечкина. Были они родом из соседних деревень, а деревенские часто держатся «землячествами».

— Ты давай, кончай ерундой заниматься. Айда, к нам на стройку! Общежитие дадут сразу. И не коридорное, а блочное. Считай, сам по себе живешь, только туалет и душ общие. Женишься, через пару лет квартиру обещают. Девки у нас во!

Он показал руками 3D фигуру и засмеялся. Петька — парень простой, но душевный.

— Спасибо, Петя, подумаю.

— Думай, люди там ох как нужны!

Иннокентий вылез из огромного грузовика и двинул к фотосалону наискось, срезая пустырь. Вот как так получается, что в Советском Союзе всегда не хватает людей? Слишком много замыслов или людей мало? Хотя если вспомнить Москву, то там пихаться в метро некуда, а на стройки работяг с южных стран завозят. Видимо, и здесь причина в этом же. Ну а как же тогда плановая экономика? Самая эффективная и дальновидная? Забираться в дебри социалистической политекономии Кеша желал и засунул руку в карман спецовки. На месте пленочки!

Фотосалон официально уже не работал, в воскресенье закрывался в семнадцать часов. Но Васечкину открыли. Петрович махнул вглубь лаборатории:

— Мне некогда, сам все настрой! Чайник знаешь где.

Васечкин неспешно разделся и поставил чайник. Не только для доведения нужной температуры. Хотелось немного перекусить, он сегодня не обедал толком. А молодое тело требовало жарчки и возмещения потерянного ночью белка. Ежмен меть, может, и в самом деле заявиться к Лариске? Сегодня воскресенье, столовые закрыты, кафе сейчас закроются. В ресторане дорого. Даже продуктовые магазины, кроме дежурных работают до девятнадцати. Ни ночных супермаркетов, ни доставок готовой еды. Никакого сервиса!

Кеша еще раз кинул взгляд на часы. Странно, что такие хорошие у Васечкина прошлого остались. Память подсказывала, что это подарок отца. Тот как уехал на заработки, так и не вернулся. Пожалуй, Кеше советскому повезло в жизни еще меньше. Мамка умерла, дом, пока он был в армии, переписала на себя родная тетка. Типа ты в городе и так выкарабкаешься. Родственнички называется! Так что теперь у него ни кола, ни двора. И ничто его в родном городишке не задерживает. Стрелка часов скакнула вперед.

«Болван! Вынимай!»

Хорошо, что вместо воды у Петровича поставлен стоп-раствор, это исключало перепроявку.

«Сейчас в фиксаж и через восемь минут можно промывать».

В этот раз в сушильном шкафу был включен вентилятор и через полчаса, проведенного за чаем, Иннокентий аккуратно нарезал пленку. Не зря он провозился со сломанным электроприбором намедни.

Открылась дверь в съемочный зал, послышались возбужденные женские голоса, затем в комнатке отдыха появилась сутулая фигура Фрол Никодимыча.

— Где твоя комсомолка?

— Сохнет.

В проеме возникла лысая голова Германа, ехидно заметившего:

— А наши уже обтекли.

Старики-разбойники гнусно заржали. Фрол негодуяюще воззрился на чашку с чаем и выставил на стол бутылку коньяка.

— Тебе не предлагаю, спортсмен. Мартын?

— Только по одной. Надо еще глянуть на художества молодого дарования и решить насущный вопрос.

— Окончательно и бесповоротно!

— Кеша, я тебе там бумагу отложил «Бромпортрет» 18 на 24. Печатай на нее.

В этот раз работалось быстрее. Нарезав на специальном резаке один лист фотобумаги на пробники, Иннокентий неспешно приступил к работе. И только сейчас заметил неравномерный засвет кадра. Пришлось опускать тубус и крутить ручку, к которой крепилась лампа. Затем он полез проверять отверстие, куда вставлялось матовое стекло. Шайзе, у них вместо него какая-то калька. То-то так темно. Длинная выдержка вела к падению контраста, вспомнилось ему внезапно. Так для того они и подогревают проявитель до двадцати двух градусов! Вот шаманы!

Бумага «Бромпортрет» и в самом деле давала тепло-коричневый тон, отлично подходящий к портрету, снятому при мягком дневном освещении. Из-за низкой чувствительности пленки Васечкин фотографировал на «открытой дырке». То есть открывал диафрагму полностью. На портретнике это давало изумительный эффект размытого заднего плана и даже блюрило часть снятого крупно Настиного личика. Это придавало картинке некоей сказочности.

— Хороша комсомолка! Умеешь ты впечатлять девок! — слышались позади голоса. — Ну-ка дай-ка!

Иннокентий не успел пикнуть, как отпечатанная пленка исчезла в лапах Фрола.

— Эй!

— Спокойно! Я Склифосовский.

Охренеть сколько этой шутке лет! Васечкин беспомощно оглянулся.

— А он не испортит?

— Не ссы. Пошли вторую печатать.

Кабинок в лаборатории было несколько. В двух стояли мастодонты «Беларуси», третья использовалась для печати контактным способом. То есть один к одному с плоского негатива. На стеклянный матовый квадрат клались рамки с нужными размерами и плоские пленочные негативы, сверху бумага, нажималась кнопка реле и готово! Таким образом обычно печатались документы, что снимались на громоздкие студийные камеры ФКП 18 на 24.

Иннокентий как раз заканчивал сушку отпечатков. Откинув пробные кадры, вышло почти половина столистовой пачки. Он бы себе такие траты позволить не мог. Интересно, сколько на самом деле зарабатывают эти хитрожопые старички-затейники?

— Поберегись!

Фрол Никодимыч положил на холст глянцевателя огромный лист бумаги.

— Ничего себе! — ахнул Кеша.

— Смотрится, да? — усмехнулся довольный произведенным эффектом фотограф. — Хороший портрет получился. Узнаю рисунок оптики.

— Так это дедовский фотик!

— Тот самый Контактс, — вздохнул Никодимыч. — Ты молоток, парень. Уважаю.

После они сидели в бытовке, неспешно комментируя портреты девушки. Критика была деловитой, с конкретикой. Кеша был само внимание, разумея, что сейчас получает мастер-класс от настоящих профи. Это не инфоцыгане из будущего или безграмотные коучи. Тут каждое слово важно!

— Вот тот портрет я бы даже выставил в наше окно. Пора освежить его.

— А почему не этот?

— Ну, ты посмотри на её взгляд! Васечкин, уже вас же было после этого?

— Да, — неожиданно покраснел Иннокентий. Он не выдержал напора стариков и немного выпил.

— Хороша, наверное, в постели девка? — заговорщицки потер руки Фрол.

— Чудо как хороша! — поддержал игру Кеша.

Все засмеялись, затем старики-разбойники посерьезнели.

— Иннокентий, — начал торжественно Фрол Никодимыч, — перестань маяться дурью и закапывать свой талант в отходы ЖЭКа. Он тебе от деда достался. Светлой души был человек. Сколько он передал областному архиву своих снимков. Благодаря ему записывалась история.

Иннокентий ничего не понимал, и Петрович заметил:

— Дед у тебя всю жизнь нештатным корреспондентом служил. Неумный человек, настоящий коммунист. Не то что мы. И в городскую газету пописывал и в областную прессу. И фотографии посылал. Он весь наш район, да и соседские оползал.

— Вот и я, о чем! Ради его памяти и нашей былой дружбы, послушай нас хорошенько, Васечкин молодой. Я уже устал, оставить свое дело не на кого. Терлись тут разные... — Фрол махнул рукой. — Мысли только о деньгах! А фотографируют хреново, без души. Я же твои снимки видел. Работать есть с чем. И руки у тебя не кривые, чему-то уже обучен.

— Фрол, ты, как всегда, тянешь до последнего. Кеша, у нас одно место фотографа свободно. Но сразу предупреждаю — придется частенько ездить за город. Тяжело, но зато деньгами обижен не будешь. С директором я уже договорился. Технику дадим, не умеешь, научим.

— Не хочешь, заставим, — ляпнул армейскую мудрость прошлого Васечкина Кеша.

Старики-разбойники захохотали.

— Ну вот, видишь, молодежь у нас золотая!

— Так, у меня образования нет!

Фрол ловко махнул стопку янтарного напитка и закусил свежим огурчиком. На столе как из скатерти-самобранки чудесным образом появились пирожки, колбаса и сыр.

— Не проблема! Договорюсь с учебным комбинатом. Сдашь экстерном. Тебе это обойдется в три пузыря подобного этому напитка, — Герман кивнул на бутылку пятизвездочного грузинского коньяка.

— У меня денег на такой дорогой коньяк нет.

— Будем считать, что это в долг. Потом отдашь. Но сразу скажу, поначалу придется много учиться и еще больше бегать. Осень пойдет, школы и садики захотят фотографироваться. И в салоне работы хватает. Девки к тебе молодые записываться будут. Плюс ты сам пленки проявляешь и печатаешь. Есть лаборанты, но зато, когда сам — деньги в семью. Сечешь поляну?

Иннокентий сек. Перед ним открывались перспективы. Нет, не так — ПЕРСПЕКТИВЫ! Чем он хуже деда этого оболтуса Васечкина? Только прыгать надо выше, а не в одну область. И вот здесь комсомол нам и поможет!

Глава 15

Сегодня работать лучше, чем вчера. Завтра лучше, чем сегодня. Л. И. Брежнев

И снова дежавю. Похмельное утро и проспал на работу.

«Постой, какая к едрени фени работа? Сегодня же суббота!»

Иннокентий привстал с постели, осторожно потянулся и спустил ноги на прохладный пол. Затем прислушался к собственному организму. Из открытой двери на балкон легонько поддувало утренней свежестью. Вроде голова цела, похмелья особого нет. Вот что значит качественный напиток, а не та дрянь, что вливает в себя пролетариат!

Кстати, тоже вопросик партийному начальству. Что же вы свой народ всяческим дерьмом потчуете? Это потеря здоровья, снижение продолжительности жизни, проблемы в семье. А ведь все решается просто — налогами и акцизами. На сухое вино снизить цены, а пойло сделать дорогим и невыгодным. Да и хорошее пиво наконец-то доступным. Хотя и от него лучше держаться подальше. Иннокентий искренне не понимал любителей полторашек. Это же ужас, сколько они в себя принимали по вечерам. И как быстро росли с них «пивные пуза»! Нет, и в будущем Кеша себя особо не запускал, ибо любил женский пол без оглядки. А дамы предпочитают подтянутых мужичков.

Уже в ванной он запоздало вспомнил, что обещал сегодня Макарычу прийти на халтуру. Время поджимало, но топать куда-то было неохота. Сказаться больным и отдохнуть как следует? Идея! На работе и конидохнут! А ему стоит перезагрузиться и как следует обдумать открывающиеся перспективы и возможности.

Ноги сами принесли его к холодильнику. Странно, что Васечкин прошлый озаботился сим предметом кухонной утвари. Видимо, жрать охота каждый день, да и пиво само себя не охладит. Но именно сегодня «ларь мороза» оказался девственно пуст. Даже хлебушка нет. Лопать серые магазинские макароны Кеше как-то не хотелось. Так что у него оставалась одна дорога — в стекляшку.

Сказано — сделано! Разношенные сандалии прямо на босу ногу, новый тренировочный костюм, кошелек и авоська. Много ли для шопинга семидесятых нужно? Улица встретила прохладой, прелой зеленью, лето перевалило за экватор. Иннокентий загрустил. Скоро

август, потом мокрая осень и серая зима. Работать придется на морозе. Пяять провода на холоде, да и лампочки начнут перегорать чаще. Перспективы работы в ЖЭКе не радовали. От слова совсем.

Настроение еще больше ухудшилось, когда он осмотрел прилавки «стекляшки». Взяв батон белого и упаковку соленого сливочного масла, Кеша застыл в раздумье. Придется топтать к продуктовому, что стоит на углу. А там Лариска. Ну и черт с ней! Он что-то ей обещал? Хватит с него соплей старого Васечкина. Этого деревенского увальня ушлая продавщица давно бы уболтала. И пошел бы Иннокентий под венец с этой коровой как миленький, и нес до конца жизни свою несчастливую планиду.

— Лариска сегодня выходная, — сообщила на входе уборщица, но обрадованный было Васечкин нос с носом столкнулся с Шошенским.

— А мы его на объекте дождемся, — нахмурился мастер.

— Я сегодня выходной.

— Кеша, ты опять? — Макарыч принялся.

— Отметил со старыми корешами одно дельце, но я в норме. Просто всего по дому накопилось. Я же не железный, Макарыч.

— Мы же договаривались...

— Макарыч, это ты с хозяином договаривался. Я обещался помочь. И, между прочим, аванса так и не увидел.

— Да ты!

— Да, я. И что?

Васечкину надоел покровительственный тон мастера. Таких наглых упырей надо сразу на место ставить! А то сел на шею и поехал. А он и без Шошенского всегда себе халтуру найдет. Хотя бы через Потапова. Ну, или Валеру.

— Так, значит, ты на боковую.

— Сегодня отдыхаю. Завтра приду. Фронт работы обеспечьте сначала. А то позавчера три часа зазря на объекте проторчал. А это уже твой косяк, Макарыч.

Шошенский насупился. Давно его так не отчитывали. Можно быть уверенным, что на следующую большую халтуру Кешу уже не возьмут.

— Ну, смотри. Дело житейское.

— Завтра с утра буду.

На том и разошлись.

— Привет, Кеша. Что, с Лариской разругались?

За прилавком сегодня стояла томная Тамара. Она уже была третий раз замужем, но все равно флиртовала со всеми мужчинами по страшной силе. Вот и сейчас она кидала в сторону Васечкина пронзительные взгляды. Глаза густо подведены, губы покрашены ярко-красной помадой. Из породы барышень — на одном мужике сижу, на второго выглядываю, третьего рукой ищу. Крутые бедра повернуты в выгодном ракурсе, бюст приоткрыт максимально скромно.

— Нормально все. Навады завистников!

Тамара захохотала, а потом заговорщески поведала:

— Кеш, к нам сардельки привезли. Свежие, телячьи.

Иннокентий не терялся и также шепотом ответил:

— Мне два кило привезенных. Сыр есть?

— Пошехонский.

— И этого полкило.

— Лида, пробей молодому человеку четыре двадцать две.

В итоге ему через прилавок передали уже упакованный сверток, чтобы не смущать остальных покупателей. Иннокентий мухой метнулся в соседний отдел, затарился там томатной пастой, помидорами не первой свежести и повядшей зеленью. Но и так сойдет. Устроим вечер итальянской кухни! Он еще подумал и зашел по пути в один скромный подвальчик. Гулять так гулять! Две бутылки Жигулевского дома отправились в холодильник. А что — суббота, имеет право!

Пока варились длинные макароны, он мелко нарезал лук, зелень, сардельки, закинув их на скворчащую сковородку. Помидоры были заранее надрезаны и брошены в кипящую воду. Охлаждаем их, оставляем мякоть без кожуры, шинкуем и также на сковороду. Немножко добавим томат-пасты и специй. По квартире потек ароматный запах, Кеша уже давился слюной, когда смешивал пасту с соусом.

Спагетти, а-ля Иннокентий готовы!

Насытившись, Васечкин некоторое время смотрел в окно, затем решительно встал и подошел к тумбочке. В универмаге, кроме фотопленок была закуплена необходимая в хозяйстве канцелярская мелочь. Школярские тетрадки, карандаш, линейка и две шариковые ручки. Последние еще были дефицитом. Кеша видел, что на работе многие пишут чернилами. Сам попробовал, но ему не понравилось. Капают, шкрябают по бумаге медленно, еще и

заправлять часто требуется. Он аккуратно расчертил тетрадные листы на несколько граф и начал прикидывать возможные планы по каждому из вероятных путей развития.

Не хотелось тупо плыть по течению, раз все так сложилось в его судьбе. Было, конечно, горько, что молодая жизнь прервалась из-за тупой ссоры в клубе. Наверняка этим любителям овец ничего за убийство не будет. За них заступится диаспора, распишет какие они отличные спортсмены, и вообще даже муху не обидят. А напал на них злобный русский нацик. За Петрова заступаться было некому. Ихтиандр тебе в бок! От этих мыслей захотелось накатить. Он посмотрел в сторону холодильника, но не встал с места. Еще вечер впереди. Сядет на балконе и будет смотреть на закат. Отлично так, кстати, релаксируется.

«Думай позитивно! У тебя новая жизнь, её бы не просрать».

Итак, первая графа. Лариса. Плюсы — всегда с хавкой и доступ к дефициту. С копченой колбасой и индийским чаем можно смело подходить к продавщицам из промтоварных магазинов, работникам всевозможных ателье и мест выдачи прочих ништяков. Записаться настройку, затем на завод. Через пару лет или даже раньше отдельная квартира. Не самая плохая зарплата, санатории, профилактории, продуктовые заказы. Епучие детишки, утренники в детсаду, школьные будни и родительские собрания, поступление в институт или техникум, дачная возня на пенсии, смерть от инфаркта или цирроза печени. Какая достойная судьба истинного пролетария!

Минус. Лариса вскорости превратится в толстую крикливую тетку. Характер из нее уже прет. На такую страхолюдину у него не встанет, придется заводить на стороне кого-то для легких потрахушек. А там и развод замаячит с алиментами в придачу и прочими вытекающими. Так что ни спокойной старости, ни щастья. Только горбатиться на заводе до пенсии. Учитывая перестроечное будущее, и после нее до самой смерти.

«Тьфу ты! Ну и картинка!»

Идем дальше. Настя свет Дмитриевна. Хороша и стройна, следит за собой. В будущем может кем-то стать. Судя по квартире, родаки по местным меркам упакованы. Она же упоминала, что ездила поступать в столицу, но баллов не хватило. Или чего-то иного. Наглости, чтобы обойти южан на повороте. Но учиться дальше все равно продолжила в области на заочном.

Плюсы — можно через её родителей поступить в техникум и получить образование по профилю, но рангом повыше. Нет, технарем ну его на фиг. Опять на завод идти? Или получить высшее образование заочно и строить карьеру в каком-нибудь ведомстве? Это же столько лет ишачить придется и жить впроголодь? Но, во всяком случае, родаки пропасть не дадут. Да и девка в кровати хороша, с такой никаких других не надо. Заставить только соблюдать диету и заниматься фитнесом. Или что тут у них есть?

Минус. Слишком большая зависимость от семьи. Один поход налево и к расстрельной стенке. А идти под венец придется обязательно. Это даже не подлежит сомнению. Настя девка правильная со всеми вытекающими тараканами. Её следует любить и лелеять. Потому что она на родителей всю жизнь смотрела. Кеша успел заметить кучу их фотографий в

обнимку на стенах квартиры. «Высокие отношения!» Засада!

Но как возможность оставим. Нужно больше информации.

И внезапно появился вариант третий. Поменять профессию. Старички-разбойники в принципе вчера ему достаточно четко все обрисовали. Даже после коньяка Васечкин помнил узкие моменты. Официальная зарплата в салоне не самая большая, но... существует масса законных и не очень способов подработать. Во-первых, не обязательно торчать днями деньскими в салоне. Обычно работа в нем расписана по сменам. И любят её брать две женщины, что трудятся в «Юпитере». Они же совмещают должности лаборантов.

Скоро начало учебного года. Школьные фотографии, детские садики и выезда в район всегда востребованы, хоть и сложны технически. Фрол обещал с ним поначалу покататься, показать и рассказать, познакомить с нужными людьми. То есть «сдать под ключ». А это чего-то стоило! И не сказать, чтобы Иннокентий Васечкин-Петров начинал с нуля. Тутушнего Кешу основательно погонял дед. То-то он так ловко вставил пленку в спираль. У Кеша из будущего такого бы не получилось. Здесь нужен навык.

Зато Петров в начале своих московских приключений успел поработать сезон свадебным фотографом. Кореш-зёма по случаю приобрел цифровую зеркалку со вспышкой и отдал ее за копейки Кеше. Тот вовремя вспомнил уроки деда и наострился гнать цифровые фотосессии потоком. Как раз начался подъем свадебной индустрии, и работы всем хватало. Иннокентию безумный креатив новорегов Майведа на фиг не сдался, и он тупо «бомбил».

Пока фотохудожнеги обсуждали свежие веяния западной мысли, стараясь подражать иностранцам в мелочах, снимали в цифровых негативах RAW, тратили гигантское время на обработку, Петров тупо гнал вал на Джипегах и отдавал диск с файлами описавшейся от счастья невесте буквально через пару дней. В сезон можно было неплохо подняться. Но... надоело.

Постоянно наблюдать пьяные рожи таких же провинциалов, изображать душку-пацана, руководя свадебным беспределом до тамады и банкета. Его хватило лишь на одно лето и часть осени. Да и работа нестабильная. Техника же имела свойство ломаться, что поняли многие новореге, отработав лишь один сезон. Вкалывать на одну фототехнику Кеше не улыбалось. Как раз замаячил перспективный автосалон, в котором к тому же нашелся земляк. И Кеша моментально перепрыгнул на крутую волну следующего московского бизнеса.

Но что-то в голове от креатива из будущего все равно осталось. Ведь и здесь снимают свадьбы. Так что «невеста на ладошке», «шарики вместо голов», «закрытые от счастья глаза» и прочие суперидеи еще успеют воплотиться в советскую реальность. Записав плюсы перспективного места работы, Иннокентий задумался о минусах и внезапно обнаружил новые плюсы.

А ведь его тутушный дед был вхож в областные газеты. Да и Герман упомянул, что можно запросто стать внештатником. А это, заметьте, корочки и законная подработка! Фамилию

Васечкин также могли не забыть в области. То есть налицо, так сказать, возможность перспективной карьеры. Уж он-то постарается! Но лучше метить в Москву.

«Там вся сила!»

А Москва — это партия и комсомол. То есть над чем подумать и над кем в поте лица своего потрудиться.

«Только вот жениться он не обещал!»

Глава 16

Экономика должна быть экономной!

Сказать, что конец лета был непростым для Васечкина-Петрова, значит, не сказать ничего. Давненько он так ударно не вкалывал. Мог бы и слечь от трудоголизма, если в прошлой будущей жизни не научился разделять труд и будни. А всего-то нужно придерживаться нескольких посконных правил:

— Работа не волк, в лес не убежит.

— От работы кони дохнут.

— Трудом не богат, а будешь горбат.

То есть нужно уметь распределять силы. Тем более что и по ночам случалась третья смена. Дело молодое, посмеивались в сторону Кеша соседи, а некоторые соседки начали даже строить глазки. Ну, вот казалось, куда этой глубоко замужней тетки окунаться в адюльтер. А все туда же... Или это были мечты о том, что не случилось? Одна из причин, отчего Кеша избегал семейных отношений. Все это быстро превращается в банальный быт. А в нем нет ничего интересного.

Но все по порядку. Известие о том, что Васечкин покидает родной ЖЭК номер восемь, произвело эффект разорвавшейся в сонном городке гранаты. Про бомбу будет, пожалуй, перебор. И особенно некоторые товарищи оказались недовольны именно тем фактом, что Кеша переходит на бластную работу в самый лучший фотосалон города. О последнем, кстати, и сам Иннокентий не ведал. Но обрадовался своему решению еще сильнее.

Последствия его опрометчивого по мнению работяг шага проявились незамедлительно. Зинаида Михайловна Строева тут же прекратила по отношению к Васечкину режим благоприятствования. Тем более что в ЖЭКе появился второй электрик, и Кеше начали доставаться самые тяжелые заявки в противоположных частях района. А ты поработай в древних, времен царя Гороха двухэтажках, выстроенных из говна и палок!

Там сверху течет, в подвале брызжет, проводка при товарище Берии проводилась. И публика зачастую проживает своеобразная. И вот здесь неожиданно Васечкину помог значок отряда ДНД, что он для понта нацепил на робу. Ребят Нечаева в округе знали и связываться с одним

из членов его дружины никто не захотел. Правда, за такую крышу раз или два в неделю приходилось отрабатывать. Но и тут находчивый Кеша нашел выход в совмещении дежурства и прогулок с Настей Дмитриевной. Петру же пришлось пообещать, что Васечкин по возможности бросать ДНД не будет. Ведь он останется жить в их районе. Сами дружинники работали от райкома.

Вторым недовольным ожидаемо оказался Шошенский. Важное звено в его хитромудро выстроенной цепи по заколачиванию грошей внезапно упорхнуло к соседям. И главное — что ничего он с этим сделать не мог. Васечкин всерьез нацелился на изучение фотодела и вечерами пропадал у стариков-разбойников. Да и УПК, то есть учебно-производственный комбинат, куда его устроили по благу, посещать ему еще несколько месяцев. Так что совмещать халтуры и учебу оказалось невероятно сложно.

Но Кеша из будущего не тушевался и сделал ход конем. Макарыч приглашал его на самые сложные электроработы, стараясь всю грязь оставить остальным членам бригады. Разве что пришлось подвинуться в деньгах. А вот они молодому специалисту остро понадобились. Мало того что растущему организму требовалась калорийная и богатая белком жрачка. Необходимы были дополнительные средства на конфеты и мороженое для комсомольского тела. Поэтому Иннокентий не гнушался выбивать рубли и трешки из прижимистых советских граждан. На него тут же потекли в ЖЭК жалобы.

В ответ молодой электрик нагло заявлял Зинаиде Михайловне, что и так делает сверх возможного. А деньги берет за лично им купленные розетки и выключатели. В ЖЭКе с новой фурнитурой и хорошими инструментами был постоянный напряг. Его заявки никогда не выполнялись полностью, должным образом не обеспечивая фронт работ. И как грамотный жук, Иннокентий все копии заявлений и наряды бережно хранил. Так что Строевой и профкомшу железно-бюрократические аргументы Васечкина крыть оказалось абсолютно нечем. Формально Кеша буквально выпрыгивал из штанов, стараясь поддерживать электрическую инфраструктуру района.

Не ценят на производстве грамотные кадры!

Вдобавок перед Иннокентием в полный рост встал еще один весьма насущный вопрос. Ведь с переходом в сферу обслуживания Васечкину придется оставить служебную квартиру. Это в капиталистическом будущем с жильем отчасти сложнее и одновременно проще. Нет, тебе не дадут ничего бесплатно. Разве что найм социального жилья, но в эту категорию такие, как Петров никогда не попадают. Власти скорее дадут новую хату в человейнике очередной яжмажке с кучей детишек от разных отцов или какому-нибудь откровенному, но близкому социально маргиналу. Но никак не молодому и перспективному холостяку.

Зарабатывай сам! Или мудри с наследством.

Но зато в светлом буржуазном будущем, особенно в Москве вырос огромный рынок съемного жилья. На любой вкус и цвет. Студии, бабушкины квартиры, внушительные апартаменты в Москва-сити. Кеша здорово сомневался, что подобное существовало в советском до мозга костей полуиндустриальном Заволжске. Так что нынче его дорога

лежала прямым в пятиэтажное общежитие, стоящее на берегу Свяги, притока Волги. Хоть их городок и назывался Заволжск, но до самой великой русской реки было полчаса езды. Плохо чего-то у предков оказалось с наименованиями.

Жить в общежитии Кеше особо не улыбалось, но выбирать было не из чего. Да и приходиться он туда станет лишь на ночь. Следующие полгода ему отдыхать будет некогда. Впереди маячила ясная и вполне достижимая цель. На поверку не все оказалось так страшно. Общежитие было продвинутого, блочного типа. То есть на четыре комнаты по два туалета и душа, и общая кухня. Семейные жили отдельно, и это обстоятельство радовало. К тому же в предложенной Васечкину комнате никто не проживал. Прописанный в ней сосед мотался домой к родителям, жившим в пригороде. Появлялся лишь в случае запоя, но вел себя тихо. Просто мечта, а не сосед!

Женщин в их блоке не было. Что вполне устраивало Васечкина. Никто мозги компостировать не будет. С соседями он уже малость познакомился, обещав проставиться при переезде. Народ тертый, блатных профессий. Два телевизионных мастера, сапожник, закройщик и даже целый дамский парикмахер. Всего, считая с соседом Андрюхой семь человек. Сапожник по чьей-то милости проживал один. Поговаривали, что временами он здорово подбухивал и денег ему давать в эти моменты не стоило. Так сапожник ведь!

Мебель в общежитии имелась, на кухне установлены газовые плиты, холодильник Кеша привезет свой. Здание было новеньким, как и сантехника. На первом этаже имелись общие стиральные машины. На каждом этаже встроен небольшой холл, в котором стояли телевизоры и лежали настольные игры. Иннокентий вспомнил, что нечто подобное в будущем называлось модным словечком «Коливинг». А оно она, когда изобретено!

Плюсы и минусы подобного проживания он оценит позже. Ничего, покамест перетерпит. Потому что его цель в новой и непривычной жизни уже была сформулирована — Вперед и выше любой ценой. Ну а что, Петров разве виноват в том, что попал именно сюда? Да еще и в тело неудачника и лодыря?

«Но раз, ребята, вы засунули меня сюда, тогда и мои претензии потерпите. Договорились?»

Программа минимум уже составлена:

Первое, освоиться в фотосалоне, зарекомендовать себя с наилучшей стороны. В этом обещали поспособствовать и уже помогают старички-разбойнички. Мартын Петрович Герман куковал на пенсии вдовцем, дети разъехались, скучал. Так что даже обрадовался потенциальному ученику. Фрол Никодимыч Брагин желал помочь по старой памяти внуку закадычного дружка. Да и в фотосалоне хотелось оставить не чужого ему человека.

Второй пункт — заработать денег. Старички-разбойнички уже успели ему напеть, каким образом это делается. Пока он не получит корочки с УПК, ему светит лишь ставка лаборанта, но затем Иннокентий сможет совмещать её со ставкой фотографа. За выезд «в поле» идет доплата, и очень неплохая. Падает определенный процент за объем выполненной работы. Особенно за выезд в отдалённые деревни. Ну и никто не отменял откровенные

«леваки» в сторонних организациях. Фотографии для Досок Почета, работу внештатником в газетах, коих было в Заволжске до удивления немало. Городская от горисполкома, районная от партии, плюс ведомственные. И далеко не у всех имелись ставки для штатного фотографа. А ведь можно было тиснуть в газету не только фотографии, но и текст. За это также вполне официально платили гонорары. По честному советскому закону.

Но самая засада случилась с Настей Дмитриевной. Её мама как-то вымела веником случайно попавшее за кровать засохшее противозачаточное изделие номер два. А мама, надо принять к сведению, была дамой из интеллигентной семьи. Черт знает, что это значит? То ли в подобных семьях сексом не занимаются, то ли брезгуют названием «Гондом». Или вообще извращенцы с ролевыми играми и плетками тройчатками. Уровень разврата в Союзе Кеше был неведом. Интеллигенция в будущих мемуарах упоминала об этом как-то вскользь.

Но, так или иначе, вечером Настену ждали суровые семейные разборки. Вполне в духе сицилийской мафии, каморры и прочих итальянских преступных сообществ. Всех не упомнишь. Русская интеллигенция на поверку оказалась подобием клана Капулетти. Кеша давно подозревал, что родители комсорга не самые простые люди города. Мама на поверку оказалась заведующей целым отделом в ГОРОНО, а папа сидел на весьма хлебной должности в горисполкоме.

Казалось бы, живи и радуйся. С такими родственниками будущее в шоколаде. Но, во-первых, у Кешы были собственные планы. Куда хотелки Настиных родителей никак не вписывались. Во-вторых, даже при социализме существовало классовое неравенство. И деревенский паренек без кола и двора никому не был интересен.

Очень вероятно, что и Настю Дмитриевну привлекал лишь секс с героем дня. Да и фотографии вышли совершенно для нее бесплатными. Разве что присутствовал некий бартер. На этом и разойдемся.

Глава 17

Кадры решают все!

Фрол Никодимыч Брагин сегодня вечером был откровенно трезв. То ли к дождю, то ли к премии. Прихлебывая чай, дедок терпеливо ожидал, когда проявленные пленки подсохнут, чтобы засесть за печать. В лаборатории было тихо. Кеша под сурдинку подьедал выданные пенсионером бутерброды и дремотно блаженствовал. Макарыч сегодня выжал из него последние соки, затем пришлось сдавать фотохимию в УПК. Там на ставке мастера сидел также пенсионер, но как-то злой и нелюдимый. Как такого ценного кадра занесло в преподаватели, было непонятно. Мастер УПК, похоже, подозревал, что Иннокентий не тот, за кого себя выдает. Так что бромиды и йодиды серебра вперемешку с гидрохиноном и метолом будут ему еще долго сниться.

Но, слава партии, основные зачеты позади, впереди практическая практика. Которая, к счастью, проходит в их краснознаменном гвардейском фотосалоне имени «Юпитера» под чутким руководством двух старых «кровавых чекистов». Осталось настроиться и приступить.

Ага, если только отдадут вовремя все документы в ЖЭКе. В кои веки он внезапно всем понадобился. Еще бы. Взять вторым электриком бывшего подводника, что не выныривает из «синевы», много ума не надо. Только вот кто за него нынче работать на участке будет? Строева слишком поздно спохватилась и сейчас кусала локти.

— Ты, Иннокентий, главное — не смущайся и не давай собой никому командовать. Строй мордой кирпичом, соглашайся для виду. Наше все — можно мне на минуточку, вас здесь не стояло, знать ничего не знаю. Как залезут на холку, так и скатятся.

— Угу, — Васечкин сосредоточенно пытался навести резкость на негативной проекции. — Сколько делаем?

— Три засечки. Начни от секунды. Пленка слабая, а это, значит, что?

— Контраста не будет.

— И?

— Повышаем температуру раствора.

— Правильно! Зачет. Коньяк сдашь комиссии.

Кеша заржал. Вот бы везде его так учили. Доходчиво с юмором и без претензий на мудрость. Но больше всего ему нравилось то обстоятельство, что ни Мартын Петрович, ни Фрол Никодимыч никогда не кичились перед ним своим возрастом и опытом. В их кругу главенствовал другие понятия — бери сколько можешь, тебе еще нальют от души. Эх и куда потом все подобные люди делись? В московских офисах и автосалонах вместо дружеской поддержки скорее получишь подсечку или навет.

— Двойка с половиной.

Кеша учился оценивать «пробы» на красном свете. Высший шик и блеск для лаборанта.

— Делай!

Васечкин сунул листок бумаги двадцать четыре на восемнадцать под фотоувеличитель и прижал края специальной рамкой. Реле уже было выставлено на нужное для засветки время, осталось лишь нажать кнопку. Пусть в будущем процесс обработки станет намного комфортней, зато исчезнет таинственная атмосфера настоящей «мокрой фотографии».

После экспонирования бумага ловко «рыбкой» ныряет в кювету. Аккуратно двигаем её с помощью пинцета в растворе. Переворачиваем. Проявитель перегрет, так что надо следить за проявкой, чтобы по краям бумаги не пошла вуаль. Есть! Брагин использовал фиксаж с квасцами, поэтому можно было обойтись без стоп-раствора. Ждем пять минут и перекидываем отпечаток в воду для промывки. Сейчас можно перекурить и доедать бутерброды. Кеша понимал, что подобная еда каждый день вредна, но пока ему на лыжи ЗОЖ становится было некогда.

— Годно! Но видишь по углам лёгкое затемнение? Что это значит?

Иннокентий угрюмо рассматривал блекловатое изображение, которое они совместными усилиями смогли вытянуть.

— Это значит, что свет в «Беларуси» не настроен.

— Ответ неправильный. Это означает лишь то, что ты завтра начинаешь затирать эту пластину, чтобы сделать её матовой! — ехидный дедок подал курсанту тоненькую стеклянную пластинку, завернутую в вощеную бумагу. Её Кеше предстоит сделать годной с помощью банальной наждачки. И ведь не откажешься! Ему самому работать на этом агрегате. Так что и Фрол Никодимыч прав. Обустроиваться везде нужно самому!

Около подъезда, где проживал свои последние дни Васечкин, его ждал сюрприз. На скамейке виднелась знакомая стройная фигура.

— Настасья Дмитриевна, какими судьбами! Решили проследить, чтобы я их служебной квартиры ничего не утащил?

— Все шутишь, Кеша?

— Тогда чего ждешь? Вроде все обговорили? — тон у Кешы был жесткий. Не до политесов. Последние недели дались ему нелегко. И меньше всего ему сейчас нужны были очередные романтические разборки. Даже от такой красотки с точеной фигурой.

— Мы можем поговорить?

«Ого, как глаза сверкают!»

— Ну, пошли. Только у меня ничего жрать нету. Некогда, понимаешь. Работаю по-стахановски за себя и того парня.

— Я пирожки напекла. С луком и яйцом, как ты любишь.

— С этого и надо было начинать.

Девушка фыркнула, а Иннокентий вежливо открыл дверь даме.

Но к пирожкам они смогли приступить лишь через полчаса. Васечкин пытался принять ваннные процедуры, но кто-то наглым образом их нарушил. Так, мокрыми и голожопыми и бухнулись на скрипучую кровать. Воздержание сыграло злую шутку с молодыми организмами обоих.

— Бери еще.

— Спасибо.

Васечкин жевал и думал. Не к добру этот визит.

— Кеша...

— Я двадцать третий год Кеша. И что?

— Я вот что подумала. Давай уедем?

Васечкин удивленно отставил чашку с чайным грузинским напитком и внимательно посмотрел на Настю.

— Это куда?

— В область. Я же там учусь заочно. Понимаешь, родители мне плешь проели в старших классах — поступай и поступай! И обязательно высшее! Ну и что? Приехала в Ленинград, а там вдоль аллеи около института сидят эти...

— Кто эти? — Кеша налил себе еще чаю. После трудного дня так здорово выпить горячего чаю, поесть вкуснящих пирожков и подвигать чреслами в жарком лоне.

— Южане! Сидят на скамейках целыми семьями и их так много. У меня сердце так и ёкнуло.

— Не поступила, потому что эти проплатили? — ситуация была знакома, но все равно удивила Иннокентия. Вон откуда ноги старой и доброй традиции растут! А ведь до конца советской власти еще шестнадцать лет. Это же еще целое поколение коррупционное вырастет!

— Как ты такое можешь говорить?

— Ладно, будем считать, что у них в Питере в среде масонской профессуры имелись связи.

— Возможно, — со вздохом согласилась Настя. — Вернулась домой ни с чем, там ругань, скандал. Никуда уже не хотела поступать, пошла работать.

— И?

— Папа устроил меня заочно в областной педагогический.

— Хочешь учителем работать? Отчасти у тебя получается.

Настя вспыхнула, а с плеча слетела полотенце.

— Не смейся! Это филологический факультет. Английский язык в современное время невероятно важен.

— Вот с этим я полностью согласен. Будешь меня учить? Так сказать, в порядке

педагогической практики? Начнем со слова ножка.

— Тебя, деревенского оболтуса?!

— За оболтуса накажу. Поворачивайся попкой.

— Кеееша!

— Нет, Настя. Я же с самого начала тебя предупреждал. У меня нет крепких отношений в планах. И никуда пока я не поеду. А тебе нужно учиться и устраиваться по жизни. Найдешь себе правильного парня, выйдешь замуж, нарожаешь детишек и будешь жить поживать, добра наживать.

Затем Иннокентий вспомнил, что рассказывали ему родители про девяностые, и замолчал.

«Да ну его на фиг. Живи, девочка, лучше для себя!!»

Насте Дмитриевне его мысли и голимое ёрничание жутко не понравились. Она начала молча собираться, совершенно не стесняясь наготы и разбросанной по полу одежды. Девушка, фыркая, натянула на себя трусики и юбку.

— Я хотела, как лучше.

— Лучше кому, Настя? Ты, как и твои родители, видишь только себя. А мои желания тебе побоку.

Комсорг порывисто повернулась:

— То есть ты серьезно... с фотографией?

— У меня же дед был известным в области фотографом. Чем я хуже?

Настя от удивления даже забыла надеть лифчик, щеголяя перед Васечкиным обнаженными полушариями титечек. И это его отвлекало от мыслей.

— Ты здорово изменился, Кеша.

Но в одном Кеша из двух миров совершенно не поменялся. Дают — бери.

— Ай! Юбку не порви!

В ЖЭКе его встретили подчеркнuto хмуро. Макарыч бросил на стол какую-то бумажку:

— Держи бегунок, и чтобы сдал все инструменты до конца рабочего дня!

Иннокентий не поверил своему счастью. Неужели сегодня последний день работы электриком в жилищно-коммунальном хозяйстве?

— Таки все?

— Васечкин, вот ты скажи, кто у тебя там наверху есть? Звонили с горисполкома.

— Наверное, по линии УПК. У меня ведь практика начинается.

— Ну-ну, — судя по взгляду, Шошенский ни разу не поверил в отговорку. Тот еще ушлый жук. — Но ты дорогу не забывай, если что.

— Спасибо на добром слове.

Сначала Васечкин сдал все имеющееся у него казенное добро. С этим в СССР было строго. И наказания за хищения социалистической собственности больше, чем украденное у частников. На стол легли относительно чистая роба, начищенные до блеска кирзачи и инструмент в потертой сумке. Новая уже была его собственная. Подарок соседа автомобилиста. Да и часть инструмента взята у пролетариата на стройке в результате «обмена опытом и жидкостями».

Помощник Макарыча с недовольным видом глянул на полупустую сумку, но возразить ему было нечем. По списку сдано все. Пусть и старое, и убитое. Какое уж выдали! Затем бухгалтерия, профком и комсорг. Везде нужны штампы. Если профкомша вздыхала по поводу утраты ценного молодого специалиста, то Настя Дмитриевна даже не подняла глаз. Тяжело с женщинами, но и без них хреново. Ни вставить, ни вынуть. И даже поругаться не с кем.

Выйдя из конторы, Васечкин выдохнул. Неужели первый этап квеста позади? В принципе он еще неплохо отделался. Попасть в иной, зачастую жутко непонятный мир. Как-то устроиться в нем, выжить и получить некие преференции. К тому же сделать успешный шаг вперед. Стрельнув у знакомого сантехника сигарету, Кеша присел на лавочке. Хотелось малость передохнуть и подумать. Что он имеет на данный момент?

Практически получены корочки лаборанта. Еще три месяца и будет диплом фотографа. Со всеми вытекающими.

Освоены навыки электрика. В жизни пригодится.

От деда местного Васечкина осталась раритетная немецкая техника. В столице за нее можно сменять много плюшек. Даже в этом времени. Кеша был в стопроцентно уверен.

Появился некоторый круг знакомств. Не все из них одинаково полезны, но своя ноша не тянет. Во всяком случае пока Кеша об этом думает. Реальность советского образа жизни сильно отличалась, как от воспоминаний дедов СССРовского разлива, так и воинствующих хипстеров. Временами Петрову из будущего казалось, что он все-таки лежит в дурдоме. Таким добродушном и пахнущим нафталином.

Пальцами и яйцами в солонку не макать!

Иннокентий выкатился из серого здания, в котором располагался Учпромкобинат и выдохнул. Сегодня мастер Николай Кузьмич знатно помучил Васечкина насчет знания предмета «Фотоаппаратура». Это вам не цифровые мыльницы и тем более, не смартфоны. Где нажал кнопку, потом переработал изображение через встроенный фильтр и вуаля — шедевр для Инстаграмм-самки готов! Хочешь — одним тычком пальца окрась в тон сепия, хочешь — преврати лицо в расплывчатое облако без морщин. Главное — что всегда под рукой и доступно в использовании неучам и прочим двоечникам.

Здесь же думать надо! Если с малоформатными фотокамерами под обычную 35 мм-вую пленку Кеша был отчасти знаком как в том будущем, так и в этом прошлом. То в отношении крупного формата пребывал в полном неведении. А в советских фотосалонах работали именно на подобных древних мастодонтах. Вернее, не были они такими уж древними для этой эпохи. И спокойно производились на заводах СССР. И даже имелась широкая номенклатура как самих аппаратов, так и объективов к ним. И Оптика была вполне на уровне мировых производителей.

ФКД 13×18, ФК 18×24, ФКП 18×24 и даже ФКР 30×40. И цифры обозначали здесь размер пленки, на которую снимал фотограф. Ага, вот так вот-вот! Представляете уровень качества с подобных негативов! Кеша и сам был в шоке. Потом вспомнил, как удивлялся проработке деталей в старых фотографиях. Это еще стоит учесть, что серебра в те времена на пленку не жалели. Потом пришли новые технологии, снимать на «Леечный» формат стало намного удобней. Особенно репортерам. Да и толпы любителей требовали больше и проще.

Но когда приходит массовость, уходит качество. Такой же парадокс произошел с автомобилями будущего.

Иннокентия поначалу поразил тот факт, что резкость на крупноформатных камерах велась напрямую на матовое стекло, что маячило перед тобой. И изображение на нем было перевернуто. Ну, так зеркальный фотоаппарат потому так и называется, что перевертывает картинку в привычном для человека формате. В принципе освоить фокусировку на ФКП несложно. Накрываешься с головой черной тканью, как в дореволюционных фильмах, крутишь кремальеры, сдвигая объектив туда или обратно. Резкость наводится легко и непринужденно.

А вот с кассетной частью и таким изобретением, как шибер, Иннокентий изрядно попотел. Шибер — это заслонка в деревянной кассете для плоской фотопленки. После фокусировки следовало очень быстро заменить матовое стекло этой самой кассетой, открыть шибер и произвести съемку. Это вам не на кнопку с режимом серийной съемки нажимать! Семь потов сошло, пока Васечкин научился делать это правильно и быстро.

Забыл открыть шибер — пленка не засветилась. Забыл закрыть, при съемке кассеты фотоматериал опять засвечен. И тут и там засада! Фотосъемка такими большими камерами требовали кропотливости и внимания. И главное — неспешности! Может, поэтому и снимки с них получалось такие... особенные. Кеша даже вошел во вкус, крутя туда-сюда

объективную доску, используя меха для искажения пространства.

Хотя в будущем для подобного извращения обычно требовался Фотошоп. Но так было прикольной.

Солнце пригревало довольно жарко для середины сентября. Настроение было отличным, будущее в СССР представлялось уже не таким черным, как поначалу. Хотя на ставку фотолаборанта в восемьдесят рублей особо не разбежишься, но сантехник Потапов регулярно поставлял халтуры. И с ним внезапно было работать выгодней, чем с Шошенским. Все на поверку оказалось проще пареной репы. По просьбе Кеша Василий подавал ему исключительно «жирных» клиентов.

В советскую эпоху под этим подразумевалось совсем иное. Не богатые и развращенные сервисом хмыри, а неприжимистые обыватели. Что любят комфорт в отношениях больше денег. То есть человек с легкостью отдавал трешку на сущую, по мнению Васечкина, ерунду. Зато не имел проблем в виде официальной заявки в ЖЭК, ожидания штатного электромонтера или необходимой фурнитуры. Которой, как назло, на складе в наличии нет.

В итоге по факту на получение виртуального червонца Васечкин тратил намного меньше времени, чем на наваристые халтуры с Шошенским. Тот гнал вал по плану, и каждый работяга был лишь винтиком в его масштабах. Соответственно, с отбором маржи в пользу организатора. Наглядно капиталистическая модель построения успешного бизнеса. Ха-ха, но, оказывается, буржуазные черты экономики никогда из «совка» не уходили. Не то чтобы Васечкин был сильно удивлен. Про НЭП они в школе учили. Но тот факт, что товарно-денежные отношения пропитали все слои местного общества, как сладкий крем коржи кондитерского изделия, его несколько удивил. В чем тогда глобальная разница между Союзом и Эрефией?

Размышления молодого оболтуса прервал знакомый голос:

— Ого, кого я вижу! Кеша не проходи мимо.

«Ба, да это Герыч!»

С той июньской пьянки они встречались разве что пару раз мимоходом. Все-таки Заволжск — городок маленький.

— Привет!

Васечкин поручкался с бывшим официантом и между делом заметил, что одежда на том форсистая, пусть и непримечательная. Поделки отечественного Легпрома от фирмы отличались разительно. Не то чтобы уж полное фуфло, но советским изделиям зачастую не хватало изысканности и законченности. Ботинки вроде крепкие, сносу нет. Но такие с виду кондовые, как будто лекала еще в древнем Новгороде изобретены. Только вот откуда у обычного дворника подобные возможности. Человек с двойным дном?

— Может, Кеша, по пивку? Свежее, только что завезли.

Иннокентий лишь сейчас заметил, что Герыч стоит в небольшой очереди к пивному ларьку. Васечкин в последнее время спиртным не злоупотреблял. Спорт, да и некогда было. И в той, будущей жизни он мог спокойно закерогазить на выхах, а мог и месяц ни грамма в рот не брать. Пример отца выпивохи был всегда перед глазами. Стоило того только вспомнить, как даже односолодовый выдержанный вискарь в горло не лез.

— Пива, а почему бы нет?

Они простояли минутку. Кеша даже снял с себя пиджак. Ибо солнце припекало не по-осеннему. Кстати, форма одежды «пинджак с карманами» по факту оказалась удобной. В нем можно везде: на работу, в магазин, выйти «в люди», даже за грибами в лес поехать. Эдакая униформа, да еще с карманами, куда много чего можно упихать. Знай, меняй себе рубашки и галстуки.

Они взяли по полулитровой основательной кружке и пристроились в теньке, заняв небольшой врытый в землю круглый столик.

— Держи тараньку. По случаю привезли.

Иннокентий к рыбе не питал особого пиетета, но отказываться не стал. Все надо попробовать! Особливо на халяву.

— Спасибо.

Пиво неожиданно оказалось вкусным. Таким легким, водянистым, но с интересным привкусом. Без излишней горечи и с нотками бархатистости.

— Хорошее пиво!

— А то! — Герыч довольно усмехнулся. — Я как узнал, что Пал Палыч с отпуска на смену вышел, так сразу сюда. Видишь, и Тонька недовольная. Она же знает, что если партию Палыча бодяжить начнет, тот сразу в Народный контроль маякнет. Он же у нас человек партийный, заслуженный.

Что такое Народный контроль Кеша не ведал. Но ему было интересно мнение, что члены партии имеют некоторый вес в обществе. В будущем участники разнообразных политических движений обычно использовали членство лишь себе во благо. Эдакая хреновая калька с прошлого опыта. И чем патриотичней партия, тем резче определённый акцент у её руководителей с двойным гражданством.

— Как бы то ни было, но пиво отличное.

— А то! — Герыч снова довольно осклабился, но что-то в его глазах Иннокентию не понравилось. — Говорят, ты из ЖЭКа ушел?

— Ага.

— А чего так?

Васечкин неспешно разделявал сухую рыбешку. Нет, лучше бы сушеных кальмаров или чипсов. Но где их тут возьмешь?

— Ушел в фотографии. Махнул не глядя.

— Вот оно как? Что-то ты раньше о своем увлечении не разорялся.

Кеша не был в курсе прошлых отношений старого Васечкина с этим мутным типом, и оттого был осторожен в словах. Что-то его сейчас здорово напрягало.

— Дурак был потому что. У меня же дед известный фотолюбитель. Учил меня в малолетстве.

— Ага, вон оно как? — Герыч снова осклабился. И чего этот хмырь сегодня такой довольный? — Ну, тоды правильно! Чего тебе в этой грязи копать? Глядишь, и в люди выйдешь.

Иннокентий с подспудным интересом наблюдал за Герычем. На словах тот был рад, а глаза оставались холодными, льдистыми. Что здесь не так? Потому на предложение продолжить в более уютной обстановке, Васечкин ответил положительно. Стоило разобраться с этим типом враз и навсегда. В будущих планах Иннокентия мутному прошлому не было места.

Герыч моментально «организовал» посуду в виде трехлитровой банки. Вернувшись от киоска, он показал пиво в вездесущей авоське и радостно прокомментировал:

— Живем!

У Кеша на следующий день была вторая смена, и наутро он ничего особо не планировал. Так что зашагал за бывшим официантом и нынешним дворником со спокойной совестью.

— Что насчет закуси?

— По пути заглянем в «стекляшку».

— Да там нет никогда ничего!

— Найдем чего-нибудь. Зато по пути. Не пижонь!

Иннокентий в последнее время затаривался у Тамары. Темноглазая вертихвостка отчего-то решила, что Кеша положил на нее взгляд, и потому помогала с продуктами. Да и по характеру была барышней веселой и заводной. Иннокентий, поглядывая на крутые бедра продавщицы, даже подумывал, чтобы «углубить» отношения. Но побаивался последствий. Влезать в семейные дразги было неохота. Это не Москва-сити будущего с её легкими

правами! Где ты мог запросто оказаться в одной постели с мужем и его женой, что любят «свободные отношения».

Как ни странно, но на прилавке глаз Кеша зацепился за яркую упаковку. Креветки! Замороженные в бумажной фирменной коробке. Каким ветром их сюда занесло? Васечкин даже не догадывался, что с рыбой в Союзе дела обстояли не так плохо. Просто народ еще не привык, и его буквально заставляли поедать полезный для организма морепродукт, устраивая рыбные четверги. Рубль семьдесят копеек. Однако это не минтая за сорок копеек!

— Чего встал! Ого, а ты у нас гурман, Кеша! Денег нет? Гуляем, я плачу!

— Да неудобно.

— Неудобно трусы с бабы через голову снимать!

Глава 19

Долой капиталистическое рабство!

Сидели в «балаганчике» у Герыча. Он в один момент поставил кастрюлю с водой на плитку, достал стаканы. Скептически их осмотрел и послал Кешу помыть. Вода была в соседнем помещении, где стояла мойка и одинокий унитаз. А неплохо этот хмырь тут устроился! Неужели и живет здесь? Странный товарищ. Как дворнику ему же вроде как положено жилье. В жилкпомплексе будущего, где купил квартиру Петров, семья таджиков имела служебную квартиру.

А при социализме тем более человека не оставили бы вовсе без жилья. Иннокентий, когда устраивал переезд, подробно об этой части местного бытия поинтересовался. И был даже несколько ошарашен. Нет, никто не предлагал сразу тебе апартаменты. С жилплощадью имелись некоторые проблемы. Но совсем остаться без угла было сложно. И самое главное — у каждого гражданина СССР имелись перспективы. Завел семью — получай от предприятия место в общежитии. А это как никак, но своя комната. За копейки. Пусть и с коммунальными проблемами.

Но тебе не надо бегать по всему городу в поисках съемного жилья и отдавать чуть ли не половину заработанного какого-нибудь дауншиферу. Недоедать, недосыпать, отказывать себе во многом. А еще копить гроши на первоначальный ипотечный взнос и годами жить в рабстве. Это Кеше повезло с хатой, да и он сам не оплошал. А сколько его знакомых мыкаются по углам, сдавая вроде бы уже вы купленную квартиру за хорошие деньги, чтобы отбить взносы за ипотеку.

Но и в СССР квест с получением собственной квартиры имел некоторые присущие переходному периоду от дикого капитализма к коммунизму нюансы. Взять тот же Заволжск. Комсомольско-ударная стройка или обычное бюджетное учреждение? Колхоз или городское автотранспортное предприятие? Везде имелись свои особенности и тонкости. Иногда весьма странные. На стройках подобного масштаба получить квартиру было проще. А почему?

А потому что на них выделялись ресурсы. Впечатляющие ресурсы согласно спущенного сверху плана. И туда умными людьми в правительстве в обязательном порядке вносились жилые метры. Почему спросите вы? Потому что работников проще всего было прикрепить к себе жильем. А что — логично! Плюшки в виде собственных детских садов, санаториев, профилакториев и активной социальной жизни имели в Союзе большое значение, чем характер самой работы. Вот люди и срывались с места, ехали в епюня, чтобы добиться лучшего. Во всяком случае им так казалось.

А в заурядном городском бюджете денег вечно не хватало как в будущем, так и здесь в Союзе. И, соответственно, жилья для обычной очереди строилось меньше. Плюс всевозможные хитросплетения внутри порядка очередности. Ну, с этим как раз понятно. Всегда есть люди, которые равнее остальных и которым надобно по зарезу. Вдобавок подключаются нужные связи, бронь горкома и КГБ. Да и многодетные, инвалиды и прочие ветераны тут как тут. Так что простой врач из районной поликлиники или учитель из средней школы будет долго уютиться в каком-нибудь старом фонде. С метрами, да не такими. Хотя формально он жильем обеспечен.

И еще существовала хитрая система прописки. В ней еще человек будущего не разобрался. И это могло стать проблемой в его намечаемых планах.

— Давай, что ли, за встречу и твои успехи!

Они неспешно пили пиво, уже больше смакуя его. Говорили ни о чем, затем с толком и расстановкой дегустировали креветки.

— Давно я их такого не вкушал, — закатил глаза хозяин. — Это ты хорошо придумал с креветками. Неплохо идут к пивасику

— Угу.

Иннокентий только сейчас понял, как соскучился по морепродуктам. Он не был особым ценителем рыбы, кальмаров и прочих гадов, но все равно регулярно их потреблял. Они просто, так или иначе, присутствовали в меню почти всех столичных заведений. Разве что шаурмечные рыбу игнорировали. Ну не понимали чучмеки в ней ничего. Но приглашая манерную девушку в приличное заведение, можно было ожидать, что она скорее захочет что-то рыбное, например, суши, чем банальную мясную котлету.

Банка с пивом уже ополовинилась. В теле разлилась сытость и сонность. И именно в этот момент Герыч подловил Кешу. Так и правильно — гостя сначала обогрей, накорми, а потом пытай себе на здоровье. Ну или в печь на лопате сажай.

— Кеша, ты ничего мне сказать не хочешь?

— О чем?

— Да как-то ты подозрительно быстро пропал с радара. То не выгонишь, то вообще, как

будто далеко уехал.

— И что?

У Иннокентия засосало под ложечкой. А предчувствия его редко обманывали. Не просто так этот хмырь серьезный разговор затеял.

— А то что, должок за тобой. Или забыл? Так не это нехорошо.

— Не помню.

— Вот как?

А глаза у Герыча совсем не пьяные, серьезные. Злости в них нет. Скорее интерес лаборанта к белой мыши. Какого черта она трепыхается под скальпелем?

«Сука, вот попадалово! Что этот Васечкин натворил?»

— Извини. Упал, очнулся, гипс. Так что не стесняйся, напомни. Денег задолжал?

Наглая позиция Кеши Герыча заметно удивила. Видимо, он после своего наезда рассчитывал на иной ответ.

— А ты, бивень, изменился. Раньше попроще был. Неужели все забыл?

— Таки да!

А вот здесь глаза хозяина его и выдали. Удивил его Иннокентий. Или старый Кеша меньше разговаривал, или обороты употреблял более просторечные. С этим как раз понятно. Петров будущий поначалу частенько себя выдавал странными словечками и сленгом. Кое-что даже ушло в народ.

Герыч же взял паузу для размышлений, делая вид, что пьет пиво. Иннокентий нарочито спокойно чистил руками креветки. Он любил накопить горку и разом скушать. А вот дальнейшее поведение хозяина его все-таки удивило. Подловив момент, Герыч ловко подскочил вплотную к молодому человеку и хриплым голосом, похожим на странный шепот, выдал:

— Ты кто, фрайер? Откуда взялся? Какой интерес ко мне?

Только быстрая реакция столичного жителя спасла Кешу от более тяжелых разборок. В следующий миг он сграбастал Герыча за шкуру и вскочил с места. Мужчина явно не ожидал такого от обычно спокойного увальня и потому безвольно повис на сильных руках Кеши. В глазах Герыча плескануло откровенным страхом.

«Вопрос — отчего?»

— Ты мне никак что-то предъявить пытаешься?

Через минутную паузу Герыч прохрипел:

— Отпусти. Побазарим без шума.

— Лады.

С тем же нарочито спокойным видом, как будто ничего и не бывало, Иннокентий опустился на кресло. Но сейчас он был готов.

В этот раз Герыч смотрел на него откровенно злобно:

— Ты так мне и не ответил, Кеша. Ты кто такой по жизни?

— Иннокентий.

— Не шути так со мной. Ты точно не тот деревенский Кеша, под личиной которого прятался ранее. И ко мне зачем ходил? Что вынюхивал?

Васечкин уже понял, что вляпался в большую кучу дерьма. И отмыться просто так не получится. Кеша, Кеша, во что же ты ввязался?

— До тебя мне дела нет. Поверь уж на слово.

Герыч осклабился:

— Вот просто так, да?

Иннокентий повел плечами:

— Тебе хочется по-иному?

— Да нет. Лучше краями разойтись. Мне шум не нужен.

Намек был понятен. Расспрашивать про мутные делишки ухаря не хотелось. Меньше знаешь, крепче срьшь.

— Что с должком?

— Проехали.

— Вот и хорошо.

Герыч задумчиво налил себе пиво, в этот раз не предложив Кеше:

— И все-таки любопытно кто ты такой на самом деле. Так меня провести...

— Тебя это как раз не касается.

— Чего тогда ко мне приперся?

— Пива попить!

Кеша решил придерживаться наглой до предела тактике. В Москве она обычно работала. Аборигены так себя обычно вели, самые продвинутые приезжие копировали. Так и узнавали друг друга. Заволжск же завсегда был провинцией. И судя по реакции этого странного дворника, такая тактика работала.

Внезапно глаза Герыча нехорошо сузились.

— Блять, сука! Я же видел фото твое в газете. Ты маньячину заезжего побил и ментам сдал. Говорят, здоровый был утырок, девок резал почему зря. А ты его урыл одной левой.

— Было дело, — флегматично заметил Иннокентий, внутренне похолодев. Если этот хмырь из блатных, то можно запросто получить заточку в печень. — Даже не думай.

— Я тебе дурак что ли? Не знаю кто ты Кеша на самом деле и уже знать не хочу. На кого тебя завербовали в армии служить.

«Ек макарёк, вот легенда о службе в разведке сработала! Ничего не понятно, но звучит громко»

Иннокентий пронизывающе посмотрел на хозяина дворницкой, тот не выдержал и отвел взгляд.

— Тебе и не нужно знать Герыч. Лишнее это, поверь.

— Понимаю. Но у нас есть одна проблема.

Васечкин быстро соображал. Чего тогда они несли, когда он нажрался чернил? Вован возит чего-то налево. И вывозит много, можно сказать, внаглую. Так получается, что Герыч не простой дворник, а один из махинаторов или даже организаторов? Чего там по телевизору про «цеховиков» в СССР рассказывали? Тогда все ясно. Кешу на чем-то подловили и хотели использовать как «живца». Вот суки! Но своим поведением новый Васечкин им планы конкретно поломал, оставив «простого дворника» в непонятках. На залетного фрайера Кеша не смахивает, вот Герыч и задумался.

Так, думаем дальше — кто может человека из разведки вербануть? Так ясно — кровавая Гэбня! То-то этот урод и перессался. Ну что ж, придется узел рубить, раз развязать не получается. К ментам пойти? Да на фиг. Лишние вопросы. А они ему нужны? Ему тишина нужна, пока планы не собраны. И Герычу по ходу тоже.

— Про проблемы согласен. Но ты мне не нужен. Как и я тебе. Что будем делать?

Герыч также лихорадочно соображал и на конфликт явно не напрашивался. Видимо, у него шарики за ролики убежали, пока размышлял — на кой хрен он КГБ сдался? Органы бдили, но обычно более крупную рыбешку.

— Может, разойдемся краями?

— Правильно мыслишь.

— Я просто уеду?

— Хорошее намерение. Лучше с концами.

Герыч заметно расслабился. Если Кеша агент под прикрытием, то и решения мог принимать самостоятельно. Ему можно было верить.

— Сколько у меня времени?

Иннокентий взял театральную паузу, доедая креветки:

— Два дня хватит?

— Да.

— И я тебя забываю.

— Без базара.

— Лады, заметано. И закончим на этом.

Многозначительный взгляд на прощание и бывай знакомей по неизвестной старой жизни.

Хорошо, что он у дворника облегчился. В голове шумело вовсе не от алкоголя. Хмель как рукой сняло. По краю ведь прошел, буквально на понтах и базаре. А вдруг там люди серьезные замешаны? Эти же блатные — придурки полные! Что сейчас, что в будущем. Понятия у них какие-то нечеловеческие, епанутые. Хрен просышь, что им на самом деле нужно? Не так глянул и ты уже на «пере». Ценности в жизни перевернуты. На том и держатся.

Иннокентий никогда не понимал блатной романтики и культа АУЕ. Насмотрелся в подростковом возрасте на последствия вхождения в «группировки». Или зарежут в подворотне ни за грош, ил подставят «на вилы, или шестерить на воров. Итог все равно один. Тюрьма и смерть. А жить, интересно, когда? И самое поганое, что пока тебя начнут ‘разводить’ на понятия, на тебе или с помощью тебя умные люди будут стричь бабло. Вот и весь секрет «романтики». Все это для лохов. Но даже краем пройтись по топкому болоту может стоить тебе крови. Так что придется сейчас ходить да оглядываться. И думать. Много думать.

«Валить отсюда надо побыстрее!»

Общага встретила Иннокентия сонным покоем и соседом Генкой. Тот второй день керогазил и безо всякого политеса предложил Кеше сухача. Сам сосед употреблял беленькую, а красного купил для дамы. Но с дамой сегодня не срослось. Так не пропадать же добру! Иннокентий долго не упирался и согласился. Ничего, завтра вторая смена, проспится. Утро вечера мудренее.

Глава 20

Комсомольцы, если делать — так по-большому!

— Иннокентий! Инноокеентий!

Да что такое снова? Дежа вю а ля советикус и не думало заканчиваться. Кеша поспешно вытер руки и вышел из «темной комнаты». По коридору к нему бодрым аллюром неслась пухловатая Люся Иванова. Их приемщица нещадно трясла целлюлитом и выглядела весьма взволнованной.

— Что случилось?

— Вот именно. Случилось! Там такое... Как же ты мог! Так опорочить честь нашего фотосалона! К нам аж целая комиссия с горкома пожаловала. Пойдем, разбираться. Да давай быстрее, олух царя небесного!

— Ничего не понимаю,- голосом одного из мультяшных братьев сыщиков ответил Иннокентий. Он и в самом деле ничего не понимал. Комиссия, да еще с горкома. Каким местом обычный фотограф-лаборант к всесильной КПСС? Хотя хрен их знает советских граждан этого времени. Все не как у людей.

Сначала ты обязан быть октябренок, потом тебе повязывали красный галстук, затем вешали значок ВЛКСМ. Без такого антуража ты не мог себя ощущать полноценным членом общества. Это как в будущем не пользоваться соцсетями, платить за все наличкой вместо кюаркодов и всевозможных кешбэков. Будешь выглядеть таким же изгоем. В двадцать первом веке без интернета даже не познакомишься ни с кем для проведения культурного отдыха.

На прошлой неделе у Васечкина успешно закончилась учеба и он, наконец, получил вожделенные корочки фотографа четвертого разряда и мог законно работать в фотосалоне. И на тебе! И главное — за что? В голове буйными табунами поскакали мысли. Вроде как косяков за ним в последние недели не наблюдалось. Не пил, морды никому не бил, девок в общагу не водил. Да и некогда было — учеба, работа, плюс постоянно таскался за стариками-разбойниками. Если и выпивал, то в основном с ними и в меру.

Женский пол? Да, местные стервы любят кляузничать. В советскую эпоху дело с этим обстояло намного хуже, чем с самыми отчаянными феминистками двадцать первого века. Те

только орать умели и акции с голыми сиськами проводить. А вот советские женщины устраивали обструкцию по полной программе, с чувством и расстановкой. С заседаниями, товарищеским судом и жалобами в органы власти. Но позвольте! Хоть Алена, их вторая и более молодая приемщица, заодно студентка-заочница и крутила перед ним своими худощавыми телесами, но Кеша мужественно устоял. Не гадь там, где работаешь! Это первое правило мужского клуба! Ну, если ты не босс, конечно, и можешь себе позволить длинноногую секретаршу с надутыми для разнузданных оргий губами.

С Ларисой давно покончено. Та уже нашла себе обычного работягу с завода и довольна положением потенциальной невесты. Варит ему щи-борщи и ублажает в постели расширяющимися во все стороны телесами. Кеша честно не понимал, зачем столько жрать в себя? Местные тумбоподобные тетеньки возрастом всего лишь за тридцать были первым кошмаром Васечкина, что преследовал его в новом мире. Так запускать себя с молодости. И ведь не сказать, что с бытом все плохо. Стиральные машины, плиты, холодильники, кулинарии, полуфабрикаты в магазинах. Все это уже есть.

Тамара? Ну, было пару раз. Не удержался. Так, ты еще удержись! От такого поистине коммунистического задора. Но это ведь всего лишь секс? Продавщица оказалась, как говорят в народе — «слаба на передок». Тут и не хочешь, но заскочишь. Но Тамарка вряд ли будет жаловаться. Тогда к ней уже никто не подойдет. А мужиков она любила и совершенно искренне. Потому они к ней и тянулись. И все!

Тлять, неужели Настя Дмитриевна? Васечкин внутренне похолодел. Только при чем здесь горком? Или это комсомол? Залетела и накатала на молодого ухажера заявку в горком комсомола. Мол, попользовался комсомольским телом и обесчестил юную деву. А что? Доказательства в виде некоторых фривольных фотографий на руках. Не удержался Васечкин, снял пару кадров Настены в полупрозрачной ночнушке.

Так, а ВЛКСМ разве занимается половым воспитанием? Или это не их стезя? Кеша дал себе зарок провентилировать сей насущный вопрос в ближайшее время. Вдруг там в Уставе написано, что если ты чпокнул комсомолку, то должен или положить билет на стол, или идти с ней в ЗАГС. Ну или бежать на край света.

Как многого он еще про Советский Союз, оказывается, не знает.

— Вот он, полюбуйтесь на голубчика!

В просторном не по статусу кабинете директора фотосалона было на редкость тесно. Сам Абрам Савельевич Корзон, в будни обычно покуистический начальник нынче с предельно грозным видом Малюты Скуратова взирал на Васечкина. Рядом с ним возвышался незнакомый Кеше важный тип в хорошем деловом костюме. Сердце у Васечкина в этот момент ёкнуло. Высокое начальство он узнавал в любом обличье. И судя по многозначительному виду и хорошей одежде, человек этот в городе был не последним.

Его сопровождали две дамы. Одна невзрачная оплывшая от постбальзаковского возраста «мышь» в мешковатом сереньком. Зато вторая партийка, моложавая и подтянутая женщина в

терракотовом брючном костюме притягивала к себе взгляд. Вернее, притягивал взгляд раздвигающий ее пиджачок вширь замечательный бюст. Дама направление Кешиного взгляда просекла и мило ему улыбнулась. Васечкин не удержался, и ответно расплылся в улыбке.

— Вы только гляньте! Молодчик, делов натворил, еще и лыбится!

Подтянутая и модно прикинутая брюнетка Оксана Федорчук с нескрываемым ехидством поглядывала на новичка. Смахивающая не нестареющую Софию Ротару нагловатая профурсетка видела в нем конкурента и не упустила шанс подпустить шпильку. Из-за её стройной фигуры выглядывали остальные работники фотосалона. Пухленькая, но зато добросердечная Нина Андреевна Ковалева держала в руках платок и выглядела тревожной.

Если первая дама была основной работницей в фотосалоне после стариков-разбойников, снимая фото на документы и детей. То вторая работала лаборантом, но брала время от времени на полставки смены и в салоне, снимая только на документы. В фотографию Нина попала, в общем-то, случайно, но со временем привыкла и звезд с неба не хватала. Кешу она по-бабьи жалела и временами подкармливала.

Их шпатный ретушер и неудавшийся в прошлом художник с интересным именем Ипатий Коловратов ободряюще подмигнул Кеше, а затем сразу сделал нарочито скорбное лицо. Это его выходку заметила бухгалтер «Юпитера», ту же сурово сдвинув покрытые густой красной помадой губы. Ирина Никифоровна Зудова считала, что в ней она неотразима. Как и в нелепой сиреневой кофточке.

— Да, это я. А в чем, собственно, проблема?

Деловой тон Васечкина тут же сбил намечавшийся спич их хитрожопого директора. Любит начальство по любому поводу наезжать на персонал. Да и в самом деле, надо сначала узнать, в чем же проблема? Важный гость еле заметно улыбнулся. Было ему на вид лет под сорок. Хотя отчего-то в этом времени все люди выглядели старше. Подтянут, прическа модная с длинными баками, чисто выбрит. Галстук тщательно подобран под рубашку. И обувь. Обувь на нем была брендовая. Откуда дровишки? Чувак явно не так прост даже для горкома.

— Так это вы Иннокентий Васечкин?

— Да.

— И вы фотографировали на партбилет товарища Кириленко?

Кеша пожал плечами.

— Я не помню всех по именам. Мне говорят размеры, а я снимаю и печатаю под них.

Горкомовский босс с интересом глянул на Васечкина.

— Вы, получается, совмещаете?

— В салоне я пока на правах стажера. Получил корочки фотографа совсем недавно.

— Ясно, — гость обернулся к директору.

Абрам Савельевич вытирал с лысины выступивший пот, осознав, что свалить все на молодого не удастся. Кеше же было интересно, что же он такого страшного натворил? Неужели на кляузы обычного обывателя, недовольного результатом съемки, каждый раз прибывает целая высокая комиссия? Или этот Кириленко — важная персона?

— Виноват, недоглядели, Семен Семенович. Молодой...специалист. Надо учить и учить.

— Да не волнуйтесь вы так, товарищ Корзон. Мы же не происки врага расследуем?

Партийный работник высказался вроде и мягко, но так, что понять его слова можно было и совершенно иначе. Потому что бедного директора аж всего передернуло. Грудастая блондинка взирала на Кешу уже более снисходительно, можно считать, даже с интересом. Она и прояснила ситуацию:

— Ну что, товарищи, налицо, так сказать, не идеологическая диверсия, а недоработка с молодыми кадрами.

Семен Семенович обернулся к ней, подумал и согласился:

— Не довели до молодого специалиста... Иннокентий, вы комсомолец?

— Конечно! — вытянулся во фронт Васечкин. Начальству его поведение явно понравилось. Партийный босс снисходительно сверкнул глазами.

— Вот, просто нашему будущему пополнению не все нюансы фотографии объяснили. А это уже недоработка ваша, Абрам Савельевич. Работать надо с молодыми кадрами. Ибо они наше будущее!

Если в словах партийного босса и был пафос, то какой-то не такой циничный, что использовался в обществе будущего, а скорее душевный и понятный окружающим. Во всяком случае, все присутствующие его именно так понимали. Иннокентий же преданно взирал на важного гостя, но по-прежнему терялся в догадках. Он никогда не был ни октябренок, ни пионером, ни тем более комсомольцем. Эта сторона жизни прошла мимо парня из девяностых. И потому он в ней ничегошеньки не понимал.

Помнится, случились в их городке какие-то «Наши». Но по мнению пацана с района эти приближенные к власти напомаженные пидарасы шли какой-то своей радужной дорогой и думали лишь о себе и собственной карьере. Перевернутый мир политики из будущего мешал Васечкину адекватно воспринимать местные реалии. Там был лишь суррогат, над которым все нормальные люди смеялись. Здесь, похоже, это была неотъемлемая часть власти и даже общества. Так что манкировать ни партией, ни комсомолом, пожалуй, не следовало.

Если правила игры придуманы не тобой, то сначала изучи их внимательно.

Грудастая блондинка и подвела итог внеурочному собранию.

— Думаю, что все извлекли уроки из ситуации. Да, Семен Семенович? Не будем очернять наш прославленный коллектив, а сделаем внутри него выводы. Так, товарищи?

Товарищи совершенно искренне кивали, а Кеша от всего сердца восхитился:

«Как белобрысая хитро виляет жопкой! И шефа вроде как спросила и сделала реверанс в сторону коллектива!»

Семен Семенович важно осмотрел всех и принял решение:

— Я тоже считаю, что выносить рядовую ситуацию из стен салона не стоит. Идеологической диверсии не было. Молодой специалист банально ошибся. Со всеми бывает.

Партийный босс снисходительно глянул в сторону Кешу, тот так и стоял с глупой улыбкой. Уж лучше выглядеть недалеким идиотом, чем получать люлей незнамо за что.

— Но товарищи, все равно не забываем, что враг не дремлет! Так, Абрам Савельевич?

Бедный директор уже извел весь платок, вытирая постоянно потевшую лысину. И выглядел он крайне неважно. Затем Васечкина незаметно увлекли в сторону.

— Иннокентий, — важно посмотрел на него Семен Семенович, — вы же комсомолец?

— Да.

— Какую общественную деятельность ведете?

Не успел Кеша раскрыть рот, как за него ответила комсорг комбината быта Оксана Федорчук:

— Он у нас в районной народной дружине состоит.

— Хорошее дело, — многозначительно кивнул партийный босс, а грудастая оценила широкие плечи молодого специалиста. Даже под синим халатом они были заметны.

«Интересно, что она еще бы в нем оценила?» — закралась совершенно вредная идеологически мысль в голову Васечкина. Оксана между тем что-то горячо втирала на ухо разомлевшему Семен Семеновичу. Партийный босс уже взирал в сторону комсорга совсем некоммунистическим маслянистым взглядом. То бишь совершал идеологически вредный поступок.

— Так это вы у нас герой города! Как я сразу не признал. Хорошо!

Что было в этом хорошего, Иннокентий так и не врубился. Но в глазах партийца он заметил некоторую скрытую заинтересованность и тут же решил сыграть скромного работягу.

— А что я? Так не только я был!

— Вот такая наша молодежь! Героическая, но скромная. Отличные кадры воспитываете, товарищи!

«Умеет дядя в пафос. И как органично у него это получается! Усам президента учиться и учиться!»

Блондинка в это время подперла бюстом Кешин торс и тихо проговорила:

— Иннокентий, заходите послезавтра после работы в методический кабинет горкома комсомола. Это на втором этаже. У меня к вам деловое предложение.

Кеша также тихо ответил:

— Это к вам?

— Да.

— Обязательно буду!

Комсомольский босс ободряюще улыбнулась, а Кеше, наконец, удалось поднять взгляд на ее лицо.

После невольной встряски директор туту ж уехал домой приводить нервы в порядке. Женская часть коллектива еще полчаса пошутукались, обсуждая делегацию, наряд грудастой комсомолки и бестолкового Кешу в придачу. И лишь вечером появившиеся старики-разбойники, наконец, объяснили комсомольцу в чем, собственно, была его промашка.

— Герман, друг, что же ты не пояснил юному дарованию такой тонкий политический вопрос. В итоге налицо подлая идеологическая диверсия. Мы играем на руку американскому империализму и сионизму. А также, не побоюсь этого слова, маоизму.

— Ты мне Мао не привлекай. Я рис не люблю.

Брагин после выезда принял с чаем толику самолепного бальзама и был малость навеселе. Кеша же все не мог понять, как при всем при этом у него всегда получается кристальная резкость? Молодой специалист прервал дружеские препирания и спросил:

— А можно все-таки пояснительную бригаду?

Шутку из будущего поняли правильно и вмиг втолковали молодому дарованию, что фотографии для партийного билета печатаются на специальной, производимой лишь для этого фотобумаге. А хранится она в сейфе у директора и выдается под роспись.

— Кто заказ у тебя принял? Люся?

— Вроде, — напряг память Васечкин.

— Вот с нее и пирожок. Она-то должна была знать, что к чему! — пояснил добродушно Герман.

— Тогда выпьем за битого! — тут же поддержал товарища Брагин.

— Я пас. Мне на тренировку.

— И правильно! Силы тебе понадобятся — завтра со мной на съемку в школу поедем. Там одних софитов четыре штуки. Не мне же их тащить?

Глава 21

Трудом дело Ленина крепи!

— А сейчас взялись за руки, идем в мою сторону. Быстрее!

Нет ничего хуже свадьбы поздней осенью. Уже нет озорной осенней позолоты и красот бабьего лета и еще не зима. Слякоть и холодрыга! Только сопли морозить. Но «по залету» даты не выбирают. Ладно хоть эти молодые играют свадьбу совершенно искренне. Просто «получилось» быстрее, чем планировалось. По команде они бегут к фотографу, распугивая клюющих пшено голубей. Крупа для этого было заранее положена в карман Иннокентия и рассыпана по дорожке. Метод апробирован и принят на вооружение будущим поколением видеооператоров. Для семидесятых дичайший креатиф!

На камеру заранее поставлен широкоугольный объектив «Мир». И да. Васечкин снимает уже не на дедовский «Контакс», а на «Зенит Е». Самый массовый любительский зеркальный фотоаппарат СССР. Его суммарный выпуск составил в итоге семь миллионов экземпляров. Вот умели клепать в Союзе тоннами кубометров!

Сам Васечкин предпочел бы более профессиональный «Киев 15», только недавно вышедший с Киевского завода «Арсенал». Но губу пока стоит закатать. Но на «Зенит Е» не имелось полного визирования кадра, и на нем был установлен устаревший шторный затвор от «Зоркого», отрабатывающий всего пять выдержек. Да и со шторками в морозы стоило снимать аккуратней. Не ровен час — замерзнут! Но что ты хочешь от массовой любительской камеры? Стоимость в сотню рублей со штатным «Гелиос44» вполне подходила для заштатного провинциального фотосалона. Зато в этой камере имеется встроенный экспонометр с селеновым фотоэлементом. А это придает «Зениту» большей оперативности.

«Киев» с его линейкой первоклассных объективов уже прерогатива профи от издательств или богатых фотохудожников. Стоил этот аппаратик с завода 360 рубликов, что было им не по карману. «Зенит» же взяли в фотосалон «Юпитер» для дальних выездов и репортажей. Для более серьезной работы имелся среднеформатный весьма увесистый «Салют». Эдакий трансформер, в котором Кеше еще разбираться и разбираться. Пока им доверяли снимать

лишь Никодимычу и Оксане.

Правда, последняя не любила таскаться с ним. Больно уж тяжелая получалась сумка с самим фотоаппаратом, объективами, сменными кассетами и прочим. Молодая профурсетка, вообще, не любила выездную съемку. И потому их отношения с Кешей несколько потеплели, когда она узнала, что старички именно для этого его и готовят. Конкуренции в салоне она откровенно боялась, потому что в съемке использовала набившие оскомину штампы.

— А здесь замерли! Повернулись друг к другу! Смотрим влюбленно, пожирая друг друга глазами. Поцелуй! Не так, романтичный. Ночью вдоволь насосетесь.

Свидетели хохочут, подначивая молодых. Полный набор обязательных в будущем свадебных фотографий мудро скомпилирован и щедро урезан. Ибо пленка не флеш-карта, она не бесконечна, а всего 36 кадров. И еще сюда надо включить неминуемый брак, нефокус и прочее. Хотя все равно, к съемке на пленку стоило подходить ответственной, готовясь тщательней. Планировать кадры заранее и ставить много постановки в ущерб репортажу. Ибо рисковать собственным рублем не хотелось.

А рубли сегодня у Васечкина отчасти шли в его карман. Такие вот правила были у местных дельцов свадебного бизнеса. Официально фотографов приглашали только в ЗАГС. Там проходила серия обязательных снимков. Затем по предварительной договоренности фотограф или возвращался в салон, или ехал дальше с молодыми работать «в черную». Официально фотосалоны подобных услуг не предоставляли. И не потому, что не хотели. А не было для такого вида фотографирования ни расценок, ни официально утвержденных рамок расходов. Вот так вот государство на голубом глазу теряло часть доходов по причине своей неповоротливости. Естественно, ушлые людишки тут же подхватывали инициативу и поднимали с пола ждущие их рублики.

Это была уже вторая свадьба Кешы. Первую он почти бесплатно снял знакомым ребятам из общаги. Оттуда и пошел сарафан. Ибо именно в общежитиях обитали будущие потенциальные клиенты Васечкина. Брагин свадебным и Новогодним чесом давно не занимался, но обстоятельно рассказал все нюансы Иннокентию. Потому в ЗАГСе молодой фотограф вел себя уверенно и нагло. Усатому мужичку с потертым кофром, что попытался наехать на него еще в «предбаннике», сунул в красную морду удостоверение фотосалона «Юпитер». Тот ожидаемо заныл, ибо лишился левака:

— Никодимыч небось прислал?

— Он самый.

— Теперь ты тут на постоянку?

— А что — есть проблемы?

Васечкин расправил свои широкие плечи, и вопрос был решен окончательно. Вот уж никак он не думал, что в советском прошлом за место под солнцем будут драться не только

таксисты.

— Холодно же. Когда закончим? Водка стынет!

Друзья жениха недобро посматривали на Васечкина, но невеста показала им увесистый пролетарский кулак и все живо успокоились.

— Ребята, последний кадр. Все, снято!

Задубевшие как пингвины, жених и невеста стремглав несутся к черной «Волге». Невесте давно пора в туалет, а жениху «причаститься». Друзья маячат Кеше початой бутылкой, но тот отвергает щедрое предложение.

— Пацаны, мне же еще пленки проявлять. Вы там уж за меня на банкете догоните.

— Бывай, братан!

На свадьбе главное — быть на позитиве. Ведь фотограф до начала работы тамады фактически выполняет его функцию. Для этого времени такое поведение левого человека необычно, потому народу интересно. А Кеше интересно за зиму набить «портфель» заказами. Но чувствуется, что лето будет «горчим». Никодимыч хочет уйти на покой, и все выезды в район достанутся Васечкину. По выходным свадьбы. И никто не отменял смены в салоне и лаборатории. Придется как-то договариваться с Оксаной.

— Интересный у тебя подход к построению кадра. Какой-то ненашенский.

Герман внимательно рассматривает стандартный набор кадров жениха и невесты из будущего. И тогда Иннокентий ничего не придумывал ничего сам, тупо содрал идеи с известного свадебного портала «Майвед». Там истово мерялись письками фотограферы, возомнившие себя великими художниками. Только зачастую забыли при этом упомянуть, что сами беззастенчиво крали идеи у западных мастеров.

— Подсмотрел в журналах, — Васечкин мучительно вспоминал, какие в этом времени у советской богемы ценились страны. Америка однозначно отпадает, ибо идеологически неправильно. Кто там еще был под пятой Союза? ГДР, Болгария. — Чешский вроде.

— А не польский?

— Может, и польский, — легко согласился Кеша. — Один фиг не по-русски написано.

— Эх, молодежь, — покачал головой Мартын Петрович. — Мы в твоём возрасте польский от чешского враз отличали! — мастер посмотрел кадры, где невеста в полуобороте глядела на отвернувшегося жениха. — Поляки, однозначно! Они любят эдакий романтический флер. Ну что ж, очень даже ничего. Для первого раза. Но следи за выдержкой. Здесь чуть смазал и тут не попал в фокус. Этот кадр на широк снимал?

— Ага.

— Неплохой ракурс. Определенно у тебя от деда что-то в башке осталось.

Пока готовые отпечатки промывались в огромной ванне, они пили чай. Добросердечные гости свадьбы одарили фотографа напоследок пирогами и бутербродами. А Кеша пахал сегодня без обеда и ужина. Не самое полезное питание, но пока можно и перетерпеть. Было уже поздно, «Юпитер» как два часа закрыт. Но с разрешения Германа Кеша частенько оставался допоздна, оттачивая навыки и обрабатывая больше снимков, чем ему было положено по штату. Это уже старики отдавали ему свою долю печати.

Герман быстро устава от работы, все чаще задумываясь о пенсии. Брагин и вовсе никогда любил торчать в лаборатории. После первой выездной съемки в школе, куда Иннокентий на своем горбу тащил кучу штативов и световых приборов, мастер оценил качество проявки и печати. А затем полностью переложил печать со своих съемок на молодое дарование.

В итоге к концу первого рабочего месяца у Васечкина оказалась в наличии полная ставка фотографа 4 разряда. А это, между прочим, 124 полновесных советских рублика. Только в салоне он брал меньше смен, чаще таскаясь с Никодимычем по различным заказным мероприятиям. Что полностью устраивало Оксану, которая мнила себя большим художником и имела собственную клиентуру. Старички над ней втихаря посмеивались, но учитывая вздорный характер хохлушки, в ссоры старались не влезать.

Вдобавок Васечкин обрабатывал две ставки лаборанта. За себя и Брагина. Понятно, что в бухгалтерии это провели иначе. Но работы хватало. Временами даже очень. Хотя Кеша не жаловался. Полученные в конце месяца денежки в сумме далеко за двести определенно грели его душу. Фотография оказалась раза в три выгодней, чем работа в ЖЭКе с халтурами. Да и не приходилось копать в грязи и холоде. Так что Потапову пришлось искать другого электромонтера.

Вот и сейчас в субботний вечер Иннокентий сидел в уютном уголке студии со стариком и слушал под чай его дивные истории. Петров-Васечкин умел быть терпеливым и впитывать любую нужную информации. А старички-разбойники ею точно обладали, давая бесценные сведения буквально обо всем.

Разве что не любили говорить о политике.

— А что от тебя комсомолу нужно?

Иннокентий чуть не уронил пирожок на пол от неожиданного вопроса. Это откуда деду известно?

— Хотят привлечь...

— К ответственности? — съехидничал Герман.

— Типун вам на язык, милейший! — Кеша потихоньку перенимал тон стариков-разбойников. Он даже как-то наглядно представил, что творили эти два чудика и дед

Васечкина в молодости. Наверняка девкам прохода не было, да ответственным товарищам тоже доставалось. — К общественной деятельности хотят привлечь.

— Тебе ДНД мало?

— Да я там больше числюсь. Выбираюсь, когда время есть. Вот и сегодня прогулял. Серый будет недоволен.

— Вот оно тебе надо? Работой мало нагрузили, чтобы дрянь всякая в голову не лезла?

Иннокентий не согласился с мастером:

— Так это горком. Там дела-делишки посерьезней будут. Близость к газете и прочим издательским заведениям.

— Вот оно что! — Герман даже отвлекся от чая. — А ты времени зря не теряешь. Да и небось, титьки Светки Рязановой покоя не дают?

— Мартын Петрович!

— Да ладно тебе. Все мы когда-то были рысаками!

— Так что скажете — стоит того?

— Титьки или комсомол?

— Сейчас не посмотрю на ваши седины...

— Если хочешь карьеры, то без комсомола никак. Тебе, получается, работы в фотосалоне мало?

Васечкин помолчал некоторое время, решаясь — говорить ли о своих планах и в каком объеме.

— Есть мысли двигаться дальше.

— Понятно, — старик вздохнул. — Бродит в тебе кровь Васечкина старшего, да колобродит. Тоже перцу не сиделось на месте.

— Так что скажете?

— Да ничего не скажу, Кеша! Дело твое и решать лишь тебе. И судьба твоя собственная. Так что мнение чужих людей учитывать никак не стоит. Только Фролу не говори раньше времени. Он хотел студию на тебя оставить. Не вертихвостке же Оксанке передавать клиентуру?

Иннокентию стало неудобно. Старики отнеслись к нему по-доброму. Но из Заволжска надо

было валить поскорее. Поначалу он планировал годика два отсидеться и жирка подкопить. Но судьба распорядилась по-другому. И дело даже было не в неизвестной ему подноготной аферы Герыча. Это болото чем дальше, тем больше будет засасывать. Это Иннокентий по прошлой жизни в будущем знал. Те, кто сразу не уехал в Москву, так в Заволжске и остались навсегда. Хотя каждый год собирались переехать.

Куй железо, пока горячо!

— Что так долго сегодня, Кешенька?

— Я же говорил, что задержусь, Светик.

— Там на кухне котлеты на тарелке.

— Я перекусил, но от десерта бы не отказался.

Васечкин облизнулся, взирая на верхнюю часть комсомольского тела, закрытую лишь легкомысленной комбинашкой.

— Тогда быстро в душ!

Иннокентий проводил взглядом покачивающую бедрами Светлану и начала очень быстро раздеваться. Ни одна женщина в этом мире его еще так не возбуждала. Все-таки приятно совмещать полезное и приятное в одном флаконе!

Глава 22

Отстоим завоевания Октября!

Иннокентий в своем детстве не застал этот знаковый для советских людей праздник. Один из двух, когда проводились так называемые Демонстрации. То есть народ по всему необъятному СССР в обязательном порядке загоняли в стройные колонны трудящихся, что проходили затем по улицам и площадям великой страны Советов, приветствуя стоящих на трибуне «небожителей».

Если в мае пройтись под весенним солнышком было отчасти даже весело, то в холодный и дождливый ноябрь спасал лишь внутренняя «сугрев». И непонятно почему, но с самого утра Иннокентий был наполнен хорошим настроением. То ли виной тому была бравурная музыка, звучащая спозаранку из громкоговорителей. То ли радостный настрой соседей по общаге, дружной собиравшихся на праздничное шествие. То тут, то там слышались хлопки дверей, возбужденные разговоры. Занимались друг у друга утюги, галстуки и даже ботинки.

С кухни потянулись вкусные запахи. Народ заранее готовился к праздничному банкету, что начнется сразу после демонстрации. Кто-то уже начал праздновать с вечера и сейчас с мрачноватой решимостью похмелялся пивом. Кеша глянул на наручные часы, подарок от областного МВД, и мухой нырнул в освободившуюся оказией ванну. Помыться, побриться, надеть чистую рубашку, подобрать галстук. Ага, еще зарядить две пленки! Для этого не

стоило занимать санузел. Какая-нибудь зараза обязательно не вовремя включит свет. Пригодится «темный мешок», взятый из фотосалона.

Скептически оглядев себя в вестибюле в большое зеркало, Васечкин вздохнул. Одежонка из промтоварного магазина не радовала. Серые невзрачные брюки, кондовые полусапожки. Пальто ему от щедрот своих отдал Никодимыч. Пусть и старое, но зато стильное. Настоящее ретро! К нему бы еще шляпу в стиль да брюки дудочкой. Пора бы уже о себе любимом позаботиться! Тем более что и деньги в кармане появились. Не зря же он пашет второй месяц как проклятый! Хорошо хоть тело Васечкина крепкое и выносливое. Вырос парень на экологически чистых деревенских харчах. Ох, не голодали советские колхозники.

Но об этом потом! На улице его встречает бодрый северо-западный ветерок. Васечкин запахивает крепче ворот пальто и, придерживая на весу небольшой кофр с фотоаппаратурой, несется напрямки к главной площади города. Гремят марши, какие-то революционные, пропахшие нафталином песни. Но на душе все равно радостно.

Разновозрастный народ спешит или на демонстрацию, или на площадь, понаблюдать за процессом. В глаза бросается обилие всевозможного кумача. Флаги на зданиях, ленты, растяжки, плакаты, транспаранты. Красные гвоздики в петлицах или руках людей, маленькие флажки и шарики у детей. И над всем этим летит праздник. Нет, не так — Праздник!

«А ведь пробило! Как они умудряются столько десятилетий сохранить дух торжества? Мы в будущем это напрочь утратили!»

Но настроение настроением, а работать надо! Благодаря протекции Светланы Михайловны Иннокентий сегодня в первый раз будет участвовать в политически важном мероприятии. Ну а если перевести на русский язык — то снимет праздничный репортаж для местной комсомольской газетки в качестве внештатного корреспондента. Сверху одобрено, так что теряться не стоит. Корочки греют душу в кармане и дают пропуск в большой мир.

Васечкин уверенно направляется к трибуне, где на подходе его останавливает милицейский офицер:

— Вы куда, товарищ?

— Я от газеты «Молодежный Заволжск».

Иннокентий важно показывает на кофр, тянет руку во внутренний карман, но милиционер кивает:

— Опаздываете. Ваши уже все там. Проходите, не мешайте!

«И это все?»

Ни проверки документов, ни личного обыска и прозвонки мудренными аппаратами! Страна непуганых идиотов, или здесь еще нет нужды опасаться разного нехорошего вроде

террористов или бандитов? Хотя Герман рассказывал, что именно таким образом дед настоящего Васечкина пролезал везде, где хотел. Повесил камеру на шею и проходи с важным видом через милицейское оцепление! Надо же...

Около трибуны уже прохаживались несколько человек с фотоаппаратами и копошились телевизионщики с области. Только вместо телекамеры на плече крепкого мужичка топорщилась кинокамера. Васечкин даже не знал, что репортажи в этом времени снимали именно на них и с интересом наблюдал за их действиями.

— Иннокентий, привет! — протянувший руку долговязый пожилой мужчина тут же снял подозрения у остальных «причастных». — Это протеже Брагина.

Фотокоры покивали в ответ и занялись своими делами, копаясь в аппаратуре. Ничего нового. Пусть сначала парень покажет себя в деле, а потом уже будет более близкое знакомство. Васечкин также решил не теряться и открыл кофр из добротной кожи. А то в самом деле неудобно. Пришел фотографировать, а фотоаппарат даже не достал.

— Вот здесь они будут стоять. А отсюда удобней снимать демонстрантов.

Лев Борисович Мещерский являлся патриархом местной журналистики, выполняя в городской газете сразу несколько функций. Редактора новостного отдела, корреспондента и фоторепортера. Он знал деда Васечкина, поэтому безо всяких политесов взял его под крыло.

— А где будут стоять комсомольцы?

— Слева. Ты от них?

— Да.

— Тогда делай общий план трибуны и крупно выдели секретаря горкома. Есть телевик? Среди демонстрантов лови в первую очередь транспаранты учебных заведений.

— Понял, спасибо.

— Спасибо не булькает, — засмеялся Мещерский и кивнул в сторону своего оттопыренного кармана.

— Лев Борисович, я еще не фигура такого масштаба, чтобы принимать на работе.

— Ну и правильно! Включайтесь, молодой человек, начальство на подходе.

Васечкин сделал вид, что примеряется и наводит резкость. Щелкать проходные кадры он вовсе не собирался. Пленка куплена за собственные средства, а не казенная. Так что будем экономить. Он минут двадцать смотрел, как работают остальные фотокоры, сделал несколько общих кадров площади с идущими демонстрантами. Сначала проходили работники важнейших предприятий Заволжска. Затем обратил внимание не трибуну. В момент разрыва между колоннами он наглым образом выскочил перед трибуной, сделал

несколько кадров.

Этим он точно обратил на себя внимание. Городское начальство тут же выпрямилось, выдавив из себя улыбки. Улыбнулся и милицейский капитан, затем снисходительно покачав головой. Но Кеше было все равно. Кадр сделан! Сейчас осталось поменять штатный объектив на телевик и снять крупным планом комсомольское начальство. Он заметил среди него Светлану. Та ободряюще улыбнулась Кеше, и тут же ее лицо снова стало серьезным. Она стояла рядом с Семёном Семеновичем. Шпаков был целым главой отдела, вторым человеком в горкоме партии.

А Светик хитрая лиса. Это вам не простушки Лариска и Тамара. Но все равно по-своему несчастная баба. Разница в десять лет делала их мезальянс еще более противоречивым. Так что у блондинки было два пути — искать себе ответственного одинокого товарища в возрасте или втихаря баловаться с молодыми да ранними. Не позавидуешь. Но пока Иннокентия их отношения устраивали. Есть куда выпустить пар, выспаться в комфортном месте, получить готовый завтрак. И мозг не выносит. Да и в постели Светик была чудо, как хороша. Мысль о предстоящем вечере взволновали молодого человека, и он чуть не пропустил нужный кадр.

«Так, а это у нас что?»

Шпаков перехватил Кешин взгляд и молча кивает на группу стоящих рядом с ним важно выглядевших товарищей. Васечкин понятливо кивает и наводит фотоаппарат. Семен Семенычу нужен этот кадр? Сделаем! От Светланы Кеша знал, что Шпаков в их провинциальном городке временно, и имеет связи, с которыми можно вернуться обратно в «синекуру». Сюда его сослали то ли для отбывания партийной повинности, то ли за некие шалости. Так или иначе, но ответственный работник горкома выделялся среди остальных некоторым лоском и образованностью.

Иннокентий скосил взгляд на журналистскую братию. Они уже расслабились. Кто-то поблескивал глазками, приняв «сугрев» на грудь. Было все-таки довольно холодно. Жесткий ветер бил в лицо, временами вырывая воздушные шарики из ручек детишек. Кешу пока спасало пальто с дополнительной подкладкой. Фирменный секрет Брагина.

Основные колонны демонстрантов уже прошли. На трибуне народ также застыл в ожидании. Телевизионщики отвалили, гремя штативами. Гремела бравурная музыка, кто-то кидал в толпу речевки. Раздавался нестройный приветственный гул демонстрантов. А Васечкин полностью погрузился в атмосферу праздника. Даже было неважно, чье имя он несет. Ленин, Сталин, Брежнев. Людям просто хотелось веселья и отдохновения. А тут заодно и выходной день. Будет еще вроде 5 декабря в день конституции.

«Вот так вот. Ты понемногу погружаешься в этот мир? И что дальше?»

Мысль была довольно необычна, и Кеша чуть не пропустил проходивших мимо студентов техникума. Впереди шли дюжие парни, что держали в руках транспаранты и флаги. Они были так горды собой! Кеша же зацепился взглядом за несколько симпатичных учениц,

улыбнувшись им во все тридцать три. Девчонки засмеялись, помахав ему флажками. Васечкин тут же вскинул фотоаппарат и щелкнул несколько снимков.

Пригодятся для архива. Мещерский первым делом ему об этом рассказал. У каждого городского фотокорреспондента должен быть собственный фотоархив. Подобный есть и в редакциях. Но им чаще всего заведуют разные люди. Фотографии могут потеряться, испортиться или просто не понравится редактору из-за плохой печати. А тут появляешься ты с архивной пленкой, на которой отмечено нужное название и спасаешь номер.

Такое обычно запоминают, и твоя репутация поднимается на небывалую высоту. Потому что ты останешься для редактора тем, на кого можно положиться, и кто выручит в трудную минуту. Судьба внештатника — быть посланным далеко и срочно. Но это какая-никакая, но известность и энное количество честно заработанных денег. К такому типу заработка никто не прицепится. Он почетен и вполне уважаем и в обществе, и в бухгалтерии. С него платится налог. Так что здесь все чисто. В отличие от свадебных халтур, где до тебя могут докопаться люди с «холодной головой» и незамутненными глазами.

Все! Идут последние колонны малозначащих предприятий. С трибуны уже спускаются, милиция вышла на площадь, окидывая её цепким взглядом. Никто не потерялся? Бывает, что некоторые несознательные личности так излишне набираются, что потом ныкаются по углам. А это неправильно! Не может советский человек в такой праздник валяться пьяным где попало.

— Иннокентий!

Васечкин оборачивается.

— Семен Семенович.

Шпаков отчего-то весел, смотрит доброжелательно.

— Можно тебя попросить кое, о чем?

— Слушаю.

Хоть его сюда и пригласила Светлана, но отказывать партийному боссу негоже.

— Тут такое дело, Иннокентий. Вот нравится мне твое имя, — Семен Семенович широко улыбнулся. — К нам важная делегация пожаловала. Аж с самой Москвы. Они по поводу строящегося завода прибыли. И остались тут на праздник. Сможешь сейчас нас сопроводить и щелкнуть на фоне строительства. Ну и еще где-нибудь в интересных местах города?

Васечкин прикидывает, что у него в запасе имеется целая пленка и кивает.

— Могу.

— А фотографии к вечеру сделать. У нас банкет с пяти часов, потом их на поезд посадим. И

если отдать перед этим каждому по пачке фотографий, то они это обязательно запомнят. Соображаешь?

Иннокентий соображал быстро и потому ответил согласием.

— Сделаю.

Шпаков весело хлопнул Кешу по плечу:

— Я вот в тебе ни разу не сомневался. Расходы возместим, не бойся.

Васечкин уверенно залез к водителю в обкомовский «Рафик» с надписью «Латвия» впереди. Шофер тут же поинтересовался:

— Куда едем?

— На стройку. Только не в самую грязь. Есть там место, где что-нибудь уже построено?

— Котельная и первый цех.

— Отлично. Туда и поехали!

— Понял, командир.

— Потом в город вернемся.

Судя по шуму из салона, там уже закусывали. И принимали внутрь то, что закусывали. Кеша вздохнул, сам он успел с утра проглотить лишь пару бутербродов. Отвык держать много продуктов в общаге со Светиными харчами. А калории на холоде тратятся быстро. Надо было что-нибудь прихватить с собой. Выручил водитель «Рафика», что успел залезть в «общий котел». Кеша моментально схомячил пару халявных бутербродов с копченой колбасой, порезанной наискось, чтобы закрыть весь хлеб, и запив все горячим чаем из термоса. В ответ пообещал водителю фотографию на фоне микроавтобуса. Для семидесятих годов очень даже классный обмен.

Делегаты уже были в предвкушении банкета, потому нигде особо не задерживались. Кеша быстро строил их в нужную позицию и делал пару кадров. После строительных площадок поехали к «Вечному огню» и театру. Последний снимок был сделан у горкома. На том и расстались. Водитель по доброте душевной и за фотографии быстро довез Васечкина до фотосалона. Ключи у него были. Он, скидывая на ходу одежду, помчался... Нет, не в лабораторию, а в кухонный уголок. Включить чайник, чтобы затем подогреть проявитель. Пожалуй, пора смастерить специальный подогреватель из подручных материалов. Знания об электрике у него имелись, да и опыт.

Выпив заодно чаю с сушками, кои постоянно приносила Людмила Васильевна, Иннокентий побежал в темную комнату заправлять отснятые пленки в специальные спирали. Три бачка стояли наготове, термометр в бачке показывал двадцать один градус. Проявитель он

составил еще вчера. День был пасмурный, пленку тянуть было не надо. Можно обойтись стандартным Д-76.

Вода (30—45°C) — 750 мл;

Метол — 2 г;

Сульфит натрия б/в — 100 г;

Гидрохинон — 5 г;

Тетраборат натрия кристаллический, в просторечии бура 10-водный — 2 г;

Процесс проявления был прост. В бачок с заправленной пленкой через специальное отверстие заливался проявитель, ставился будильник. Хватало шести минут. После его срабатывания раствор сливался, заливался кислый стоп, что сразу останавливало проявление. Затем продолжаем процедуру и заливаем в бачок с пленкой фиксаж. И то же самое с остальными двумя уже заправленными пленками.

Вентилятор в сушилке уже включен, в помещении тепло, отфиксированная пленка вешается на держатель. Минут двадцать можно передохнуть и подготовиться к печати. Иннокентий идет к шкафчику Германа и достает оттуда две пятидесяти листовых пачки стандартного «Униброма» 13×18. Это их общая заначка из «сэкономленных» материалов. Кеше разрешили ею пользоваться для дела. Сейчас он занимается именно им.

Проявитель в кювете уже подогрет, фиксаж свежий, все на месте. Работаем!

Глава 23

Кадры решают все!

Иннокентий не отвертелся от съемки на банкете. Но он примерно так и рассчитывал, прихватив с собой дедовский «Контакс» со светосильным объективом. Снимать без вспышки в ресторане не получится. Ладно хоть кадров надо совсем немного. Народ с холода подозрительно быстро окосел. Если бы не культурная программа, которую проводила шумная тетенька с пятым размером бюста, то получилась заурядная пьянка.

Хотя, чем партийные люди отличаются от обычного гражданина? Кроме излишнего самомнения абсолютно ничем. Во всяком случае по мнению Иннокентий. Парень из будущего на советский классовые различия взирал с изрядным скепсисом. Человек, по его мнению, мог идти в партию лишь ради карьеры или по принуждению. Это золотая фишка так называемого «Развитого социализма». Что в здешнем СССР, что в будущем будто бы коммунистическом Китае. Там от коммунизма разве что красные флаги и почитание Мао остались.

— Фотограф. Сними нас!

Вот чего Кеша не мог терпеть на свадьбах и подобных этому мероприятиях. Ты нанят и будь добр отрабатывать, отзываясь на просьбы подвыпивших приятелей. А уж от начальства душевного отношения и вовсе не дождешься. Они себя сегодня ощущают королями. Живут на халяву, возят их везде, угощают, заискивают. Но ради собственного светлого будущего стоит потерпеть. Заодно создать впечатления человека, на которого можно положиться. Ведь Семен Семеновичу явно от него что-то нужно. Не зря тот заметил молодого и никому на самом деле ненужного работника. Деревенский, ни кола, ни двора. Но зато ничем особенно и не запятнан!

— Встаем сюда, улыбочку. Снято!

— Спасибо, товарищ фотограф!

Пожилой мужчина еще не утратил чувства меры и благодарит фотографа за всех.

Иннокентий ловит молодого паренька из обкомовских, что в ресторане распорядителем, и интересуется:

— Слушай, а от кого комиссия?

Тот морщится, но отвечает:

— Знаю, что из Совмина. Стройка наша на карандаше у Самого.

Кто такой «Сам» было неясно, а парень быстро исчезает. Разгоняющийся паровоз праздника перешел на уровень «танцевальный». Ресторанные лабухи начали бацать нечто свежее, заводное, народ потянулся на танцпол. Похоже, что съемка заканчивается. Рожи пьяные никому не нужны.

Васечкин поискал глазами Светлану и нашел её за крайнем столиком. А похоже, что барышня не кисло так накидалась шампанским. Вон как вокруг какой-то нерусский хрен прыгает. Он откуда, вообще, здесь на закрытом мероприятии взялся? Или они и в Союзе везде в партию пролезли.

— Тебе чего надо, мужик? Барышня занята.

Кавказец, а судя по усам и носу это был именно он, враз поменялся в лице. Видимо, не привык, что такие молодые хлыщи делают ему замечания.

— Слюшай, ты кто такой вааще? Иди своей дорогой, да?

Джигиты по ходу от эпохи к эпохе не менялись. Разве что акцент другой. Лицо Иннокентия налилось кровью, а кулак начал делать замах.

— Кеша!

Васечкин заметил испуганный взгляд Светланы и тут же остыл. Не хватало еще позорной

драки на глазах у партийного начальства. Васечкин сменил тему и начал показательно уничижительно разговаривать с грузином:

— Слышь сюда. Здесь тебе не базар и не лавка. Тут собрались уважаемые люди оттуда, — он указал наверх, а грузин только сейчас заметил на молодом человеке фотоаппаратуру и начал давать заднюю.

— Да я что? Я так... Иду, вижу девушк скучает.

— Ну и вали себе мимо.

В последний момент Иннокентий замечает злобный отблеск в глазах кавказца. Ничего тот не понял и не простил.

«Ну что за люди? Они когда-нибудь научатся вести себя прилично!»

— Кеша, посиди со мной, пожалуйста.

Светлану Михайловну развезло конкретно. Что же ты, милая, так на шампанское налегала?

— У меня работа, Светик. Подожди, я сейчас.

Семен Семенович нашел Кешу быстрее:

— Иннокентий, дорогой, сворачивайся. Хватит работать, все-таки сегодня праздник. И большое спасибо за фотографии. Товарищи были впечатлены. И не только сервисом, но и качеством, — Шпаков достал пачку снимков, оставленных для горкома. — А у тебя определенно талант. Подожди, что-то случилось?

«Как так он умеет читать по глазам!»

— Семен Семенович, там Светлана Михайловна малость шампанским усугубила. Проследить бы за ней. А тот всякие темные личности вокруг прыгают.

В глазах Шпакова заплясали чертики:

— Я её со своим водителем домой отправлю. Не беспокойся. А личности...К директору ресторана будут вопросы. Мы заказали зал для себя полностью.

По лицу партийца прошла тень неудовольствия. И Кеша не сомневался, что завтра ресторанный будет иметь весьма бледный вид.

— Тогда я пойду?

— Зачем? — Шпаков был удивлен. — Не скромничай никогда излишне, Иннокентий. Иди садись за мой стол, перекуси. Ты заслужил. Я сейчас буду.

Ну что ж, раз угощают, то отказываться грех. Иннокентий присел на краешек стола, перед ним тут же оказался официант с чистыми тарелками и приборами. Во как обслуживают партийную элиту! Парень накидал себе салатиков, заливного и схомячил все буквально в минуту.

«Задавил удава, можно и осмотреться»

Шпаков и паренек-распорядитель из обкома в этот момент провожали на вокзал делегацию. Последнему, видимо, и загружать её в поезд. Кеша невольно поерзал. Пожалуй, у помощника работенка еще похуже. Делегаты уже хорошо накушавшись, некоторые не против продолжения банкета за казенный счет. У кого-то движение пошло дальше, такие кидали двусмысленные взгляды в сторону сидящих за столами дам. Да и местные после плясок и хорового пения выглядят не лучше. Хотя вроде как день торжественный. Значит, и в Союзе у всевозможного начальства собственные взгляды на жизнь. Отличающиеся от общепринятых.

И почему он нисколечки не удивлен? Ничегошеньки в Росиюшке не меняется.

— Скучаем? Присаживайся сюда, — Семен Семенович показал место рядом с собой. Напротив них сидел полный дядька с вислыми усами и начислял сам себе водочки.

— Наливай, не стесняйся.

— Мне же завтра работать.

— Ах да. Репортаж делать. Но сухого, думаю, и спортсмену можно?

Шпаков налили красного вина в свободный бокал и подал Кеше.

— Спасибо, не откажусь.

— Ну что, Иннокентий, с почином тебя. И вроде как удачным.

Они выпили, официант моментально принес горячего. Гуляш с картофельным пюре. Все очень вкусное и украшенное зеленью.

— Кстати, один из твоих потенциальных работодателей. Познакомься. Самуил Иванович Марченко. Главный редактор нашей городской газеты.

Вислоусый прямо через стол подал руку и довольно хмыкнул:

— А ты силач. Мог бы и молотобойцем работать. Но и в корреспондентах сила и выносливость требуется.

— Занимаюсь помаленьку.

— Тоже хорошо, — он недрогнувшей рукой долил Кеше в бокал. — Не трясись, красное вино и спортсменам полезно. В меру, конечно. Нам на флоте его в обязательном порядке

выписывали.

Шпаков откинулся на стуле, расслабив галстук:

— Самуил Иванович, как вам новичок?

Марченко опытным взглядом оценил фотографии:

— Техническое качество на высоте. Но надо еще проверить каков Иннокентий в репортаже.

— Так и проверь. Дай задание молодому, но перспективному специалисту.

Последние слова начальник из горкома наособицу выделил голосом.

Главред понял его правильно и достал из кармана визитку и передал Кеше:

— Позвони послезавтра в обед. Как раз после планерки будет ясно, куда тебя можно послать в первую очередь.

— Спасибо.

— Благодарить пока рано, молодой человек.

«А взгляд у дяди не простой. Кем он там, говорите, служил?»

Дальше разговор зашел о редакционной работе, требованиям к репортажным фотографиям. Эх, дядя, знал бы ты, какие странные просьбы порой предъявляли заказчики в будущем.

— Нарисуйте три кота и букву «Ж».

— Это зачем?

— Как зачем. Получится слово «ТрикотаЖ». Это де так креативно!

И попробовал бы этот важный дядя продать допы к автомобилям тысяч так на двести. По мнению Васечкина, местные СМИ — это сонное царство, ведомое крепкой партийной рукой к обрыву. Но он мог и ошибаться. Так что стоит знакомиться с особенностями работы местной прессы постепенно. А знакомство с главредом главной городской газеты, да еще через горкомовского босса дорогого стоит. Усталость как рукой сняло. Мысли плавно перетекли на горячее продолжение вечера.

«Как там у нас Светик?»

— Пойдем, перекурим.

— Не вопрос.

Похоже, что Шпакину от него еще что-то нужно. Какой насыщенный сегодня день! В самом

ресторане не курили, для этого была сооружена комната недалеко от туалетов. В углу стояли два приличных кресла, рядом высилась кадучка с невзрачным фикусом. Народу почти не было.

— Садись. Есть разговор, — Семен Семенович огляделся и резко придвинулся к Васечкину. — Иннокентий, у меня вот какой к тебе вопрос. Серьезный вопрос. Ты наверняка в курсе, что я в вашем городишке ненадолго. Требовалось отсидеться в тихом месте. Ничего серьезного, не поделил с коллегами поляну. Но все в жизни меняется и бывает, что к лучшему. Так что к весне я съеду обратно в столицу. Скажем так, близко к ней. Городок намного лучше этого, научного пошиба с соответствующим населением и зданиями. Ну ты меня понимаешь. И возглавлять я там буду одно интересное издание. Возможно, два или три. И мне потребуются верные люди. Светлана Михайловна уже в деле. Как ты смотришь на это? Тебя же тут ничего не держит? Не желаешь идти дальше?

Вот оно и свершилось. Васечкин попытался унять дыхание и перед ответом успокоиться. Но пазу не затягивать.

— Положительно смотрю, Семен Семенович.

Шпаков затянулся сигаретой, выдохнув ароматный дым. Он внимательно все это время наблюдал за Васечкиным.

— Значит, я в тебе не ошибся. Ты человек решительный и предприимчивый. А такими шансами не разбрасываются. Молоток! Тогда договоримся так. Завтра принесешь Светлане фотографии с демонстрации. Оплатим тебе из специального фонда, и очень прилично. Чтобы и за ресторан разошлись. Ты ведь старался на совесть. Затем свяжешься с Марченко. Пусть введет тебя в курс дела. Набирайся у него опыта помаленьку. У тебя вся зима впереди. Учти - в столице трудиться придется много и быстро. Там такие зубры работают — схарчат и не заметишь!

— Так вы говорите, что издательство будет в Подмосковье?

— Но работать мы будем в Москве. Там она буквально через дорогу.

— Понял.

Москва будущего давно перешагнула все границы, став городом-монстром.

— Жилья у тебя своего нет?

— Нет, — вздохнул Васечкин.

— Сообразим что-нибудь. Ведь главное в нашем деле — прописка! Она у тебя точно будет. А с ней ты король! — Семен Семенович наклонился ближе. — Ты главное — меня держись.

Он похлопал Кешу по плечу и вышел, оставив того наедине с мыслями.

А как ловко партиец завербовал его в свою команду! Понятно, что в столице партийному боссу нужны люди, которые ему должны. И в которых он уверен. Ну а что? Васечкин и сам собирался покорять столицу. Зато сейчас будет сделать это проще. И Светлана будет там. Ага, разбежался! Шпакин берет её не только за красивые глазки. Но и за красивые ножки и сиськи. Вот и сейчас наверняка поехал к ней. Будет пользоваться комиссарским телом.

Отчего-то Кеше стало тошно. Делиться женщиной ему остро не хотелось. Но таковые правила игры. Так что придется со Светой завязать. Некрасиво, говорите? Так он не просил его сюда в махровый Союз закидывать. Так что ничего и никому Иннокентий Петров-Васечкин в этом мире не должен! Ему надо о будущем думать и решать собственные проблемы. Прорвемся!

На улице его ожидал неприятный сюрприз. От стоящей у лестницы черной «Волги» отделились три фигуры. Впереди вышагивал коренастый крепыш в кожанке, видимо, водитель. За ним виднелся тот самый «грузин». Хотя точно грузин, вон какой «аэродром» на голове! Как в старом кино с дурацкой песней. Отчего его так любили его родители? Только вот Кеша сейчас не в кино и может получить по морде совсем нефигурально. Васечкин передвинул кофр назад и подобрался, встав в боковую стойку.

— Слышь, парень, ты зачем уважаемого человека обидел?

Васечкин отвечать не торопился, оценивая ситуацию. На криминал непохоже. Скорее всего подельники «базарного» бизнеса гостя с юга. Кеша уже был в курсе, что горячие кавказские парни в семидесятые подвизались на почве продажи фруктов, зелени, мандаринов и особенно цветов. Рассказывали, что в солнечной республике под последние были отданы тысячи теплиц. Которых как бы не существовало на бумаге. Как и доходов с них. Вот откуда корни невиданной коррупции!

— Эй, оглох, что ли?

Третий из подошедших, худощавый, молодой мужик с прыщавой мордой был самым наглым. «Кожаный» с недовольным видом зыркнул в его сторону, тот сразу отступил назад. Зато понятно, кого надо бить первым. В принципе, если «кожаный» не КМС какой, то Кеша со всеми тремя справится.

«Во дурак!»

Иннокентий криво усмехнулся и показательно размял шею и руки. «Кожаный» внимательно наблюдал за ним и наверняка заметил сбитые костяшки. Это были следы тренировок. Васечкин усмехнулся:

— Этот уважаемый в курсе к кому он в ресторане подкатывал?

Грузин пылко ответил:

— Что ты такое говоришь! К женщине, да? А ты влез в наши отношения. Нехорошо, слушай!»

Иннокентий сплюнул сквозь зубы. Вот это привычка была не Петрова, а чисто Васечкина.

— Не по рангу тебе эта дама, клоп базарный.

— Слюшай, ты видишь, что он меня совсем не уважает? Да?

«Кожаный» поморщился. Видимо, разговор ему не понравился. Но то ли должен был грузину или мутил с ним что-то.

— А вот это ты зря парень. Не тебе такое решать. А за неуважение у нас наказывают.

— Кто? Ты что ли? Со своими шмякодявками. Сначала позырь сюда и хорошенько подумай.

Корочки ДНД у Кеши всегда были с собой. Такой он был предусмотрительный человек. «Кожаный», заметив красную книжицу, разом сник. Одно дело подраться с обычным посетителем ресторана, другое с дружинником. Это верная статья. Менты такое точно не любили.

Но больше всех удивил «прыщавый».

— Ежмень меть, Сидор! Да это ведь тот пацан, что Галку из-под маньяка вытащил. То-то думаю рожа знакомая. Не, я на такое не подписывался. С Галкой я с детства знаком, а этого генацвале второй раз вижу. Пацан правильный, не зассал против маньяка идти.

По лицу Сидора заходили желваки, это он так думал. Ситуация поменялась кардинально. Бить героя точно не по понятиям.

— Тогда проехали. Я не могу тронуть человека, что нашей девчонке жизнь спас. Так что извини, Гиви, но разбирайся сам. Из-за баб с законом ссориться не буду. Расходимся.

Грузин еще постоял некоторое время с раскрытым ртом, но заметив выражение на лице Иннокентия смиренно потрусил за остальными.

«Вот он момент славы!»

Около подъезда, где жила Светлана, остановилась «Волга» Семен Семеныча. Номера были горкомовские. Васечкин сбавил шаг и со злостью наблюдал, как партиец зашагал к двери. Затем на втором этаже зажегся свет. Затем погас. Все ясно. Вопрос закрыт навсегда.

— Сука!

Сразу захотелось накатить, но Иннокентий быстро отбросил эту мысль. К черту, он им ничего не должен! Пусть сначала вытащат отсюда и дадут заработать. Нечего расслабляться! А то напридумывал себе всякое. Парень, ты не в том месте и времени. Но зато знаешь, что предстоит вынести этой стране.

Хамство мажора реально достало? Бей нарушительню прямо в хлебало!

Мороз и солнце, день чудесный! Вот любил Иннокентий такую погоду! После осенней хмари выпадает первый снежок, следом приударяет морозец, а солнце розовыми лучами раскрашивает заиндевелый мир в изумительную праздничную картину. И ты забываешь о стуже, радостно изучая окружающее великолепие по дороге в школу или по другим своим делам. Как все-таки чудесно жить в детстве в небольшом городке, замечая все мелочи!

В Москве все по-иному. Она постоянно довлеет над тобой серой громадой, грязью зимних улиц, постоянным суетливым течением, не оставляя времени на то, чтобы оглядеться и передохнуть. В редкие зимние дни удавалось с друзьями выбраться за город. Да и то по причине молодечества Иннокентий зачастую менял лыжные прогулки на баню, пиво и девок. Да и сейчас на аллее около универмага он вовсе не просто так, а по делу. Петр Нечаев из Народной дружины категорически потребовал от него помощи в большом рейде против спекулянтов. Кто-то накатыл в ЦК клязу и теперь власти Заволжска кипятком писали, борясь с буржуазной «заразой».

Иннокентий неторопливо оглянулся. Милиция должна начать работать с направления проспекта Коммунаров, а дружинники со стороны аллеи вылавливать бегущую мелкую рыбешку. Для крупной существует ОБХСС и КГБ. Опаньки! А что за знакомая фигура стремительно кидает шмотки в огромные сумки и начинает движение в ближайшую подворотню?

— Стоять, бояться! Работает ОМОН!

Шутку Васечкина не оценили. Вован поначалу сыкливо дернулся, затем недоуменно обернулся на парня.

— Ты?!!

Иннокентий продолжал глумиться?

— Как ты угадал? Даже не представляю!

Глаза у мажора гневно сверкнули:

— И чего тебе надо?

— Шоколада!

Васечкин быстро соображал, как использовать их неожиданную встречу. Сдать ментам? А что он с этого получит? Случайная поимка кровожадного придурка в принципе ничего ему не дала, кроме подарочных часов, что вручили ему без еще в сентябре всякого пафоса и шума в СМИ. Начальство решило замять неприятный для них инцидент. Кешу не то чтобы сделали популярным, а наоборот, посоветовали ему лишний раз помалкивать. До свободы соцсетей и движения блогеров было еще далеко. Никому он, как настоящий герой не нужен оказался.

Так что пошли они на фиг! Это знакомство Кеша использует для собственной выгоды. И ему жутко интересно узнать, что находится в поклаже Вована. Не просто же так тот оказался на аллее, где обычно спекулировали товаром. Как Петя назвал их? Фарца! Знакомое словечко.

— Кеша, валил бы ты отсюда по-хорошему.

— Да ладно? А вот это видел?

Рассмотрев книжицу, Вован моментально потух. Одно дело бодаться с шапочным знакомым, другое — с представителем власти. Дунет в свисток и финита ля комедия!

— Твоя взяла!

Иннокентий огляделся. Никто их не видел. Проходим до двух стоящих в подворотне молодых людей дела нет. Холодно, все спешат.

— И что делать с тобой будем?

— Веди, давай уж!

Вован зло пнул сумки и засунул озябшие руки в карман. Да и у Кеша ноги замерзли. Эти боты совершенно не годились для зимы. Не валенки же одевать модному парню? В той будущей жизни у него было несколько пар обуви на все случаи. На обычную сырую зиму непромокаемые высокие ботинки, боты с толстой подошвой на морозец и отдельно самые теплые для выезда на покатушки в лес. Общество потребления, мать его за ногу!

— Сумки хватай и пошли.

Мажора уговаривать было не надо. Уловив что-то в Кешином взгляде, парень живо подхватил тару и потрусил за ним вслед. Для начала надо отойти подальше, чтобы не замели.

— Короче, разойдемся так. Мне шмотки нужны. Куртка, штаны, блузон или что там нынче в моде. Обувь хорошая также не помешала бы.

— Фирма? Джинсы?

Как ни странно, но правила новой игры Вован воспринял моментально. То ли так был уверен в том, что дефицит нужен всем. То ли верил в свою звезду и не считал Кешу правильным по жизни комсомольцем. Жить ведь хорошо и приятно хотят все?

— Джинсы однозначно нет. Слишком вызывающе. Я же в прессе нынче околачиваюсь. Партия, Комсомол, — Вован осклабился, а Иннокентий размышлял. — Можно и братьев по соцлагерю.

— Короче, шмот идеологически выдержанный?

— Типа того.

— По обуви лучше финские.

— Это уж как, ты знаешь. Но все исключительно по госцене.

Мажор вскинулся. Жадный все-таки фрайер.

— Кеша, ты не охренел часом?

— Вова, может, пройдем до участка? У тебя там всего на цельную статью в сумках заваялось. Да не бойсь. Это разовая акция. Ты же мне должен? Не я бы, тебя другие схватили. Но уже не отпустили просто так.

Вован соображал быстро. Дураком он точно не был. Лучше поделиться, чем потерять все.

— Заметано.

— Товар понравится, покупателем постоянным стану. Деньги у меня сейчас есть.

Вован задумался, затем согласился:

— Пошли.

— Куда?

— Здесь, — спекулянт кивнул в сторону сумок, — не тот товар. Все на хазе. Проверенная. Туда менты точно не сунутся!

Иннокентий оценивающе оглядел мажора. Какой же тот все-таки наглый тип! Только что был на грани истерики, а уже начинает понтоваться. Эх, ничему таких обормотов жизнь не учит! Видал он и в будущем подобных субчиков. Мама-папа присели на бюджетные денюжки, или сколотили базарный бизнес в мутные времена. А их золотые юнцы затем радостно просирают семейный капитал. И обычно из потомства ничего хорошего в итоге не выходит.

Но хуже все, если подобных оболтусов родители сажают в руководство компанией. Такой «эффективный менеджер» начинает здорово доставать подчиненных, незаслуженно третирует их, принимает дебильные решения, а затем обычно успешно разваливает мамкин' бизнес. Работники бегут, клиенты уходят, прибыль исчезает, но виноваты все, кроме них.

Так что не следует особо уповать на Вована. Он на свободе ненадолго и чисто случайно. А вот познакомится с его окружением, пожалуй, стоит. И потому Васечкин послушно заструсил за мажором следом. Ему бы еще на глаза кого-то из своих позже показаться. Мол, догонял, да поскользнулся. Упал, упустил врага. Всякое бывает.

Идти оказалось недалеко, буквально в соседний квартал. Центр города был застроен

зданиями, которых в народе прозывали «сталинками». В престижных домах типа таких обычно проживали не самые простые люди города. Это Кеша еще с детства помнил. Были у него тут знакомые. Ба, и в доме этом он бывал во времена своего отрочества. Да быть этого не может! Третий этаж и двенадцатая квартира! Вован нажал на звонок три раза и вскоре обитая кожей дерматины дверь распахнулась. Кешу живо утянули внутрь в просторную и хорошо освещенную прихожую.

— Володь, а ты кого с собой привел?

Иннокентий чуть не впал в ступор. Голос был таким до боли знакомым и незнакомым одновременно. Да быть такого не может! Он во все глаза уставился на молодую хозяйку престижной квартиры. Классическая блондинка в стиле Барби. Джинсы в обтяжку лишь подчеркивали стройность фигуры и невероятно длинные ноги девушки. Светлые волосы роскошной волной падали на красивые плечи. Голубые глаза с интересом рассматривали Иннокентия. И тот отлично знал, что под сиреневой блузкой аккуратно расположились симпатичные титочки второго размера с розовыми сосочками. Плотоядный взгляд гостя не скользнул от внимания девушки.

Она фыркнула и показательно повернулась к Вовану, встав к Кеше в профиль. Вылитая Алиса, мечта всей его пубертатной юности! Он все-таки её добился и даже пребывал несколько месяцев в суматошной близости. Им было по семнадцать, в крови как в бульоне на плите яростно кипели гормоны, а впереди ждало счастье. Затем их пути дорожки разбежались. Кешу забрали в армию, они потеряли связь. Алиса по совету мамы уехала в Питер, а затем в Европу, где выгодно вышла замуж. Ну, так яблоко от яблоньки. Но надо же, как Алиса похожа на маму! Почти один в один.

— Анжела, это мой старый знакомый Иннокентий. У него ко мне дело.

— Иннокентий, значит?

Девушка снова фыркнула и неспешно удалилась. Кеша лишь взглотнул, разглядывая обтянутую джинсой попку. Он же отчетливо помнил без одежды и в разных пикантных позициях. Эй, кто там наверху над ним издевается? Вован развел руками и показал в сторону ближайшей комнаты. Кеша поспешил за ним, попутно рассматривая квартиру. И в семидесятые эта семейка жила на широкую ногу. Богатым и успешным быть хорошо в любую эпоху! Стало обидно. Почему же его самого занесло в тело неудачника? Чем он такое заслужил?

Ого! Отдать целую комнату под кладовку! Вован поставил сумки в угол и начал копаться в тюках и коробках с товаром. Минут через десять он выставил перед Кешей несколько вещей на выбор. Васечкин оценил польские клетчатые брюки из плотного материала и вдобавок себе отобрал вторые — коричневый вельвет в рубчик.

— Слушай, может, тебе дубленку предложить? Но она финская, а это и так дорого. Извини, подвинуться не могу.

Иннокентий с удивлением посмотрел на обычный на его взгляд невзрачный тулупчик и отказался. Тяжело и неудобно.

— Тогда пальто из лакированной кожи. Стильно и броско.

— Вот броско мне как раз не нужно, — хотя Кеше блестящее, черное кожаное пальто на самом деле дико понравилось. К нему еще форсистую шляпу, длинный шарф и все девки твои!

— Володь, ты лучше ему югославское пальто предложи. Не видишь, товарищу нужен выдержанный стиль. И я вам тут кофе принесла.

Ангела деловито закатила в комнату сервисный столик с дымящимися чашками, блюдами и розетками.

— Очень кстати, Анжелочка. Спасибо, я немного задубел, — вежливо поблагодарил Васечкин и широко улыбнулся девушке. А по лицу Вован, наоборот, прошла тень неудовольствия. Видимо, он имел на эту смазливую девицу виды. Хотя непохоже, что она его девушка. Френдзона?

Пальто Кеше понравилось. Темно-коричневое из драпа в крупную клетку и с капюшоном. Оно скорее смахивало на шинель, модные во времена его юности. Васечкин покрасовался в нем перед высоким зеркалом, как будто случайно стоящим у двери и заметил оценивающий взгляд Анжелы. Ну да, в этой семье любили крупных и крепких мужчин. Он приценился к светлой водолазке «лапша», но та была откровенно мала, на дрища.

— Извини, обуви на твой размер сейчас нет. Я поспрашаю у народа. Батники возьмешь?

Иннокентий некоторое время соображал, что это такое. Потом вспомнил, что так в эти годы называли модные рубахи под стиль «диско».

— Давай, только не самые яркие.

— Да я уж понял, комсомолец, — съехидничал мажор, залезая в большую коробку.

Ангела также взглянула на Кешу с потаенной подколкой, и тот насупился.

— В прессе я работаю. А там официальные мероприятия со всеми вытекающими. Так что цветастым хиппи бегать мне не резон.

— Ну, вы гляньте, какие слова он знает! Давно ли лапоть из ПТУ вышел?

Ангела не обратил внимания на подколку кореша:

— Иннокентий, ты журналист?

— Бери выше. Фотокорреспондент!

Кеша кокетничать и скромничать не стал, скинул с себя свитер с рубашкой и примерял батники прямо на майку. Рубашки в обликку с остроконечными воротниками. Ему понравилась одна бело-синяя клетчатая и желтая в рубчик, с расписными карманами. К тому же он заметил явный интерес к нему девушки, которая вовсе не собиралась отворачиваться. Так было на что посмотреть! Полгода физических упражнений и природные данные Васечкина сделали его торс поистине атлетичным.

«Как у этой потаскухи глазки загорелись!»

Со Светланой с того проклятого ноябрьского вечера не заладилось. Качать права и изображать ревность Иннокентий не хотел. Кто он такой? Но чувства и страсть сам собой испарились. Да и Света себя странно вела. Видимо, Семен Семенович также сделал ей предложение и окучивал молодую пассию по полной программе в виде щедрого аванса. Видимо, сексуальный голод во взгляде Иннокентия хозяйка квартиры четко уловила, потому что характер её поведения изменился. Спина выпрямилась, выкатив вперед бюст, руки то и дело поправляли локоны. К кофе внезапно нашлась плитка шоколада. Вован эти сигналы также заметил и заметно нервничал. Хотя не похоже, что они были парой. Все-таки френдзона. Знакомое явление. Иннокентий и сам несколько лет проходил в подобной у смазливой соседки. Правда, после армии он её все-таки поимел. Дура залетела «по большой любви» и искали отца для маленького сынули. Но поезд ушел, как и Кеша, свалил в столицу. И почему-то ему не было стыдно.

— Держи общую сумму, — Вован победно глянул на Кешу, сунув тому в лицо листочек с цифрой. — Все по закупу, можешь проверить. Но они и так дорогие. Особенно пальто. Потянешь?

Васечкин чуть не присвистнул, не обращая внимания на ехидный взгляд мажорчика. Нет, деньги у него имелись, но выглядеть хорошо в этой эпохе довольно затратно. Хотя и двадцать первом веке вещи из бутиков стоят немало. Он достал бумажник и отсчитал оттуда несколько сиреневых и красных купюр, оставив пару рублевков.

— Пока есть с собой лишь половина. Как разойдемся?

Ухмылка сползла с лица Вована. Вот так просто этот увалень расстался с полуторной зарплатой советского трудящегося. В глазах вместо иронии появилась спекулянтская корысть. Хм, а Кеша внезапно стал ему интересен, как потенциальный покупатель. Это же минимум риска и хорошие деньги.

— Позже занесешь. Ты ведь тут живешь?

Вмешалась, заграбастав деньги Ангела, показав, кто в доме хозяин.

— Доверяешь?

Девушка усмехнулась:

— А куда ты денешься? Расписку пиши и проваливай. А к тебе, Володя, — Анжела указала пальчиком на мажора, — есть вопросы.

Васечкин быстро чиркнул оставшуюся сумму, поставил подпись, допил кофе и был невежливо выпровожен Вованом из квартиры.

«Черт, куда эти свертки девать? Надо было сумку попросить!»

Его, как всегда, выручила смекалка. Рядом вокзал, а в нем автоматические камеры хранения. Все это обойдется ему в пятнадцать копеек. Заодно забежит в универмаг и купит себе сумку. Еще надо засветится перед дружинниками и что-то придумать.

«Но Анжела. До чего хороша чертовка! Она будет обязательно моей!»

Мысль о том, что он поймет, помимо дочери и ее молодую мамочку, прибавила хорошего настроения. Жизнь понемногу налаживалась. Но сколько же для этого надо потрудиться!

Глава 25

А ты записался добровольцем?

Васечкин не был бы Петровым, если не поставил в казалось потерянный для общества день жирную галочку. Какая-то наглая спекулянтская морда выждала, когда основная облава уйдет, и развесила на скамейке цветастые «вырвиглаз» платки. Васечкин оглядел картинное нарушение мирного великолепия, непринужденно хмыкнул, натянул на рукав красную повязку и неспешным шагом подошел к хозяйке безобразия.

— Гражданочка, а вы не оборзели часом? Ай-ай-ай! Посреди белого дня занимаемся спекуляцией.

— А? Что? Да я...

Вскинувшиеся было в гнев черные глаза наглай тетки тут же потухли под напором холодного взгляда человека из будущего. Москва слезам не верит, а Кеша и подавно! Видал он таких прошаренных в столице светлого капиталистического будущего. Я не я и хата не моя!

— Собирайтесь, гражданочка, пройдемте.

— Да что же это люди добрые творится! Невинного человека...

— Тебе что, дура набитая — пендаля дать? — грубым образом оборвал тетку Иннокентий. Подобный типаж спекулянтов ему было хорошо известен. Золотая фикса да фирменная одежда говорили о многом. Не просто так от безысходности мадам здесь на аллее устроилась. Постоянная точка у нее. Вон и упаковки колготок из сумки торчат. — Сейчас ментов вызову и еще за сопротивление властям ответишь.

Васечкин аккуратно, но крепко прихватил чернявую спекулянтку за локоток и двинул в сторону проспекта. Там должен был находиться «штаб» облавы. Народ, шедший по аллее, замечал крепкого парня с красной повязкой, тащившего тетку с баулами, но помалкивал. Лишь один старичок крикнул ему вслед:

— Вот так вот! Правильно их. При Сталине такого не было!

Тетка уже потекла и срывающимся голосом упрашивала:

— Касатик, отпусти, дорогой. Дети малые дома. Ну что тебе стоит? Я тебе весь товар отдам.

«Ага, и сама ментам и настучит. Я эту породу знаю. Брата родного за гроши продадут!»

Со стороны проспекта как раз вырулил Петр Нечаев с двумя архаровцами, и заметив Кешу с товаркой, присвистнул:

— Вот он где прохлаждается!

Иннокентий лениво процедил в ответ:

— Пакуйте, товарищи добровольцы. Клиент с полным фаршем.

Нечаев заглянул в увесистый баул спекулянтки и присвистнул:

— Порядок! Митька, зови понятых и капитана.

Они подошли к неприметному зеленому «Москвичу», стоящему на углу. Оттуда выкатился знакомый уже Кеше по делу с маньяком следователь.

— Что у нас тут? О, привет, Васечкин. Какими судьбами?

— Он вам клиента доставил, товарищ капитан.

— Манана, ты опять за свое? Ну пойдём, милая, оформляться будем. Ребята, тащите баулы.

Спекулянтка надулась, но напоследок метнула в сторону Кешы гневный взгляд. Он спокойно его выдержал. Не на того нарвалась, морда спекулянтская!

Минут через пять Нечаев и следователь подошли к Васечкину.

— Нормально ты отстрелялся, Васечкин. Будет, что в отчёте написать. Сегодня в целом как-то дохленько вышло. Предупредили их, что ли?

«Так сами вы, как слоны в посудной лавке. А нам втирали, что в СССР органы работать умели. Значит, не все и не везде!»

— Так стараемся, Петр. Просто иногда потихоньку можно сделать больше, чем громко.

Дружинник засмеялся, а капитан трезво заметил:

— В прошлый раз у тебя также вышло потихоньку?

Кеша зло зыркнул:

— А вам не все равно, товарищ капитан? Официально этого как бы и ни было.

Следователь надулся:

— Ну, ты это — не обобщай. Тебя же наградили за героический поступок, Именными часами, между прочим. Кому положено, все знают и уважают. Нам, знаешь, тоже сверху припекло.

«Ага, не мы такие, время такое. Слышали, плавали!»

Но ссорится ему сейчас со старыми товарищами не резон, потому Иннокентий улыбнулся:

— Проехали! Сегодня, братцы, у меня дембельский аккорд. Так что не серчайте.

Петр, нахмурился:

— Ты что, уходишь от нас?

— Придется, — притворно вздохнул Васечкин. — Я же сейчас вдобавок к основной работе еще и внештатный корреспондент городской газеты. Да комсомольской в придачу. Как видишь, общественной нагрузки и так с лихвой. Придется мотаться по району, а то и области. Когда мне с вами дежурить?

Нечаев покачал головой, а капитан внезапно поддержал новоявленного общественника:

— Молодец, растешь! Хорошее занятие и интересное. Я же знал твоего деда, Иннокентий. То же был ухарь будь здоров! В каждой бочке затычка. Такие дела в районе продвигал. Так что не бойсь. Со стороны органов заверяю, что поддержим и поможем, чем сможем.

— Спасибо, — растерянно ответил Васечкин.

— И тренировки не забывай. Приходи, когда удобно.

Неожиданное участие полужнакомых ему по существу людей теплом отозвалось в сердце молодого человека. Все-таки в этом времени народ в целом добрее и терпимей. Неужели шмотки и вещи так затмевают разум, что люди позже потеряют душу?

Бросок к вокзалу за купленными у Вована вещами и затем на автобусе в общежитие прошел быстро и без проблем. На вокзале Кеша закупил впрок пирожки, в общаге готовить не хотелось. По причине воскресенья привычные столовые не работали, так что обойдемся чаем. Он поставил чайник на кухне и начал вытаскивать вещи из пакетов. Все разом

надевать, пожалуй, не стоит. Иннокентий уже осознал один из императивов советской действительности — Не выделяйся!

При всем общем добродушии местных граждан никто не отменял таких понятий, как зависть и корысть. Откуда у этого парня деньги на импортные шмотки? Не занимается ли он какими-либо незаконными делишками? Не много ли товарищ Васечкин на себя берет? Мало ли у кого на Иннокентия жаба завелась? Всем ведь по нраву не придешься?

Так что сейчас хватит шерстяных штанов, для такой погоды лучше не придумать и батник под джемпер. Пальто можно через недельку с вельветом примерить. Конец года, народу премии выписывают. У Кеши семьи нет, так что никто не удивится, если он деньги на себя потратит. Хотя в одиночестве и бездетности был при Союзе один конкретный овеществленный минус — с него каждый месяц «налог на яйца» вычитывали. Обидно прямо, понимаешь.

Васечкин немного подумал и подошел к шкафу. У того благодаря его очумелым ручкам появилось двойное дно. Там запасы Иннокентия и находились. Вроде как по общагам не воровали, но все бывает в первый раз. А торопиться в сберкассу он не желал. Стоять в очереди, чтобы положить, и чтобы затем снять. Банкинга здесь еще долго не предвиделось, так что все ручками и ножками. Хотя книжку он себе в сберкассе все-таки завел и даже что-то туда положил для порядка. Чтобы не привлекать лишнего внимания. А так все чину по чину.

Достав заветную жестяную коробку, Иннокентий отсчитал сто двадцать шесть рублей, вздохнул и взял со дна еще червонец. Однако, как быстро опустошилась его записка! Ладно, до весны время есть, он еще заработает. Тем более, мысль появилась, где это сделать проще. Кстати, партия через комсомол отсыпала ему за снимки, снятые 7 ноября изрядно. Семен Семенович, получается, действовал и через прямой подкуп. Просто так за фотографии столько не платят. Чем он, интересно, Светлану взял? Что пообещал?

«К черту эти мысли. Сейчас в душ и собираться!»

Зачем откладывать на завтра то, что можно поиметь сегодня? Анжела. Вот любители давать дочкам вычурные имена! Воображение уже достаточно распалило Васечкина, подстегивая к более широкому шагу. По пути он забежал в кулинарию, где, к счастью, оказался неплохой выбор пирожных. Однако, почти трешка на них ушла. Ладно, такой стройняшке не помешает немного лишних калорий.

«Надеюсь, что Анжелочке будет, где их с лихвой потратить!»

Знакомый двор, знакомый подъезд. Только в этом времени он новее и чище. Дверь, звонок. Открыли уже не сразу, а чуть спустя.

«Вот будет засада, если Вован еще там!»

Но от сердца отлегло, в проеме возникла удивленная физиономия Анжелы. Девушка уже

была в легкой домашней одежде. Приталенные брюки и свободный блузон.

— Пустим?

Ответа он не ждал, нагло отодвинув девушку и внимательно прислушавшись. Нет, никого нет, только тихо бормочет телевизор.

— Ты чего?

Кеша широко улыбнулся. У этого нового тела были отличные деревенские зубы. Даже в темноте сверкали белизной.

— Да вот подумал, что скучаешь. Заодно должок принес. Чего откладывать на потом? Давай, за чаем их посчитаем. Я тут вкусняшек купил.

Анжела кинула взгляд на упаковку, затем глянула в наглые глаза Васечкина, фыркнула и кивнула в сторону кухни.

— Туда. Только руки помой!

— Есть, мэм!

Снова удивленный взгляд. Он точно её заинтересовал.

Деньги были пересчитаны ловкими пальчиками стремительно, как и моментальным образом куда-то исчезли. Анжела у нас, оказывается, деловая дама. Теперь понятно, кто здесь главный. Кто бишь там папой был? То есть дедушкой Алисы. В горисполкоме вроде трудился. Не зря всем детишкам по квартире выделил. И совершенно для них бесплатно. Блатная семейка. Такие и поднимались в более поздние времена. Умели устроиться по жизни.

Анжела многообещающе улыбнулась:

— Наглый ты тип, Иннокентий. Но зато имя редкое и красивое.

— Да и сам, как видишь, неплох.

Вот сейчас глаза у девушки ярко заиграли. Она пантерой метнулась к плите, вовремя сдвинув противень с песком, на которой стояли две маленькие турки. Кофе уже был готов.

— Папа был у арабов в командировке, там научился делать кофе по-турецки.

— Ого!

Вот откуда ноги растут! Папаша попал в струю, заработал валюту и дальше пошел вверх. А может кто оттуда до сих пор и возит шмот для дочки? Связи-то остались. Квартира упакована по самое не балуй. Кухонный гарнитур явно не из обычного магазина.

Холодильник и маленький телевизор импортные. В здешних марках Кеша не разобрался, но по дизайну сразу распознал — ненашенские. Советский Союз мог производить качественную технику, но с внешним видом у него никак не получалось.

— Предлагаю по знакомству хлопнуть по рюмашке.

Ангела лихо подмигнула и достала две маленькие рюмочки и пузатую бутылку. К вящему удивлению Васечкина, это был не импорт, а армянский коньяк «Наири». Всплыли слова из какого-то фильма:

— Заметьте, не я это предложил! Но только по рюмочке.

— Не пьешь совсем?

— Завтра на тренировку.

Кеша отставил руку и показал накачанный бицепс.

— Ого, да ты у нас силач!

— Еще какой! И во многих местах.

Иннокентий дождался, когда девушка поставит все на стол и с легкостью подхватил её на руки и поднял к потолку.

— Ты чего? Нахал! Отпусти сейчас же!

Кеша опустил Анжелу пониже, но держал на руках, как малыша.

— Признайся, тебе же нравится?

Хитро смотрел он на девушку, и та не отводила взгляда. Ей определенно льстило, что её так легко подняли.

— Возможно.

— Или тебе по нраву Вован!

Девушка фыркнула и безапелляционно приказала:

— Немедленно поставь меня на пол и садись!

«Ого, узнаю маму Анжелу!»

Коньяк оказался лучше опробованных им в будущем сортов французского. Вторым удивлением стало кофе. В задницу кофемашины! Вот он божественный напиток!

— Обалденно, как в сказке. Ты у нас воистину кудесница.

Кухня была освещена по-модному, зонально — торшерами и бра, погружая пространство в полумрак. Девушка смаковала под кофе пирожные, плотоядно поглядывая и на Иннокентия. Видимо, все-таки он её впечатлил.

— Вкусные?

— Да.

— Ты тоже вкусная.

— Ого, а ты у нас ловелас выходит?

— Почему сразу ловелас? Свободный художник.

— Знаем мы вас, художников, — притворно вздохнула Анжела.

— Зато с нами весело! Не то что с некоторыми Вовочками.

— Ты чего к нему прицепился? Парню и так сейчас непросто.

— Ага, ты еще ему нос вытри, мамочка, — Кеша продолжал глумиться и топить соперника. Девушка мудро перевела стрелки:

— А ты и вправду фотокор?

— Пока внештатно, а так я в «Юпитере» работаю.

— Хороший фотосалон, — кивнула девушка и с хитрецей посмотрела на молодого человека.

— Снимешь меня?

— Обязательно. Но не сейчас.

— Почему? — Анжела надула красивее губки.

— Сейчас я хочу пить вкусный кофе и наслаждаться общению с красивой и умной девушкой. Может, перейдем на диванчик? Там удобнее...разговаривать.

— Жарко!

Анжела, не стесняясь собственной наготы, поднялась с кровати и подошла к окну, открыла форточку, затем достала сигарету и закурила. Кеша лежал удобно на подушках и любовался её фигурой. Он не ошибся. Алиса точь-в-точь копия мамы. Разве что у Анжелы грудь чуть больше. Да и то это, может, его память подвела. Короче, посмотреть есть на что. Стройные ноги, прямая спина, попка поджарая и крепкая как орех. Это он уже проверил на практике. Хотя в постели она его ничем особым не удивила. Так откуда провинциальной девчонке знать то, что будут ведать девушки из столицы будущего. Нет здесь ни Кама сутры, ни гигов разнообразной порнухи.

— Насмотрелся? Жеребец! Не ожидала. Или у деревенских парней такие причиндалы и навыки от природы?

«Прячет за развязностью смущение».

Вид стоячих девичьих титечек и светлого треугольника в паху подействовал на молодой организм незамедлительно. Кеша откинул простынь, открыв взгляду девушки процесс «восхождения Эвереста».

— Я как пионер, всегда готов. Не уморил тебя часом?

— Я бегом занималась, так что выносливей тебя буду.

— Давай, проверим? Марафонский забег?

— А ты уверен в своих силах?

— Как никогда! Иди ко мне, кобылочка.

Глава 26

Ни одного отстающего рядом!

— Нина Андреевна, ну как же так? Все блекло!

Иннокентий сумрачно рассматривал явно недопроявленный негатив. А клиенты придут уже скоро. С утра они печатали то, что выдавали после обеда.

— Кешенька, даже не знаю, как так вышло! — всплеснула руками Ковалева.

«Ох, дурра набитая! Опять не померяла температура проявителя!»

— Со всеми бывает.

— Ты выправишь?

— Постараюсь.

Даже отъявленные скептики в фотосалоне признали, что Васечкин мог творить чудеса. Старики-разбойники лишь посмеивались. Они-то знали откуда ноги росли. Вернее, подозревали. Кеша внезапно стал ярым посетителем городской библиотеки, особенно отдела «Искусство», где выписывались специализированные журналы. В том числе и по фотографии. В том числе не только советские. Но молодой фотограф не сидел над ними часами, а подошел к вопросу творчески.

Колготки девчонкам в зале, набор польской косметики заведующей отделом. И настырному парню разрешили тихонько в углу переснимать интересующие его страницы. На сменах в

салоне было время внимательно их рассмотреть. Советские фотографы, как и их коллеги из соцлагеря щедро делились приемами мастерства. Оригинальными проявителями, способами печати и конечно же фотографирования.

А Кеша всегда обожал эксперименты. Особенно, когда они сулили ему скорый барыш. Постепенно в районе узнавали, что молодой парень в «Юпитере» снимает как бог. Это в свою очередь вызвало конфликт с салонной «Софией Ротару». Уж очень точно Оксана подражала вечно молодой певице. Кеше конфликт был вовсе не нужен, и они разделили «сферы влияния». Авангард, молодежь и часть девушек достались Васечкину. Дети, семейные фото и старомодные барышни Федорчук. Все были довольны и даже обменивались сменами.

Иннокентий достал из ящика с записками пачку выписанной по блату контрастной бумаги «Унибром» и поставил самодельный нагреватель на самую большую мощность. Затем плеснул свежего проявителя и положил в кювету градусник. Пора! Пробы показали требуемое время засветки и скорости проявления, и через полчаса искусник вкушал плоды своего творчества. Вернее, вкушал он винегрет, приготовленный заботливыми руками Нины Андреевны. А что? Заслужил!

— Чего сидишь? Клиенты ждут, — с ворчанием забежала в их закуток их молодая приемщица Алена. Трикотажное платье плотно облегло фигуру девушки, но Кешу это нисколько не задевало. Он скользнул взглядом по аппетитной заднице и со вздохом поднялся. Не был Иннокентий по натуре бабником. Хотя удобного случая никогда не упускал. Чего теряться-то, если само в руки плывет? Так что Аленка подожди до весны, когда все станет ясно. Прощальный аккорд в исполнении лучшего друга Иннокентия Васечкина! А потом вуаля!

«Сволочь ты, Иннокентий!»

Вторая смена в пятницу сложная. Все торопятся закрыть гешталты. Сделать снимки на документы или, наконец, собрать вместе семью, запечатлеть фамильный образ и свалить праздновать конец недели. Но там творила историю Оксана. Она брала заказы под запись, а случайных посетителей перехватывал уже Иннокентий. Ему срочно нужны были деньги, и молодой творец хватался разом за все. Ухаживание за девушкой и постоянное обновление гардероба требовали много вливаний.

Старички-разбойники лишь качали головами, но помалкивали. Видимо, сами такими когда-то были. Только не за длинным рублем гнались, а за искусством и поиском своего места в мире. Правда, Никодимыч в последнее время много болел. Но от ухода на пенсию отказался.

«Захирею в конец!»

Брагин записывал смены в «Юпитере», но по факту отработывал их чаще всего Иннокентий. Они частенько менялись обязанностями. Старый фотограф брал утренние смены в салоне, а Васечкин бежал на мероприятия или ехал в район. От их Бытового комбината туда моталась «Буханка». Заказы в провинции были временами весьма странными.

*

— Где покойный?

Васечкина предельно удивил обычай местных фотографироваться рядом с усопшими. Особенно любили так делать в деревнях. Какой в этом был сакральный смысл, человеку двадцать первого века было совершенно непонятно. Но заявляемые расценки заставляли хватать фотоаппарат и трястись по проселку. Пейзане обычно заказывали четыре фотографии 18 на 24 и столько же 13 на 18. А это сразу несколько рублёв на руки фотографу. За выездные съемки в деревни расценки шли выше. А то и премии выписывались.

— Так уже это... — старик в телогрейке замахал руками, как полоумный.

— Чего это, пенек трухлявый, — разозлился Кеша. — Покойник где?

— На машину, милок, его погрузили. На улице стоят, прощаются.

И точно! В той стороне слышались стенания и громкие рыдания. Покойника принято провожать слезами. Иначе не поймут. Ради этого в былые времена даже специальных теток плакальщиц нанимали. Неужели этот обычай еще силен в Союзе? Хотя, чего он удивляется после сонма кабинетов потомственных гадалок и прочих шарлатанов.

«Лох не мамонт...»

Размышлять некогда. Надо решать, как снять. Кеша, недолго думая, лезет на кабину грузовика и примеривается. Если на «Зенит» поставить ширик, то все влезут. Он достает фотоаппарат, меняет штатный объектив на широкоугольный и громко командует:

— Встали по обе стороны и ближе к машине. Самые близкие вперед. Стоим, в камеру не смотрим.

Мужик с папиросой в зубах тут же дисциплинированное повернул голову к покойному, изобразив вселенскую скорбь. Артист! Фотографа в деревне уважают. Как и любого мастера из города. Местные хоть и рукастые, но не все умеют. Чаще всего Васечкин ездил в район в составе бригады. Телемеханик, сапожник, парикмахер и приемщица. Работы хватало всем, вдобавок еще и ломаной бытой техникой загружали всю машину.

Ездили весело, с шутками, прибаутками. Мужики на обратном пути употребляли. Некоторые и перед работой, но такое не приветствовалось. Да и не заработаешь ничего. Деревенские ведь хитрые. Зачем платить пьянице за кривой ремонт? Хотя иные сапожники в любом состоянии могли починить обувь. Ты только успевай наливать.

Васечкин быстро вливался в дружный коллектив комбината. Его уже знали в районе, зачастую заказывая — «Этого давай, молодого да здорового!». Кто-то в районе пронюхал, что Кеша парень деревенский и его принимали за своего. Но с соответствующим уважением. Мол, пробился паренек сам и в городе не последний человек! Кешино самолюбие это тешило. И без заказов он не сидел. Проехав один раз с Брагиным по разработанным точкам,

он понял особенности съёмки и дальше работал сам.

Для фотографирования классов в школах и групп в детсадах ему поручили таскать «Салют». Человек из будущего быстро проникся уважением к этой солидной фотокамере и начал ту же осваивать, изучив все дотошно и в деталях. Пленка заряжалась в сменные металлические кассеты, что затем крепилось к кубику собственно фотоаппарата. Непосредственно перед съёмкой требовалось убрать металлический шиббер. Кадры на пленке можно было увидеть сзади через глазок.

Затвор был шторный фокальный с металлическими гофрированными шторками из нержавеющей стали с диапазоном выдержек от $\frac{1}{2}$ до $1/1000$ с и «В». Наводка на резкость осуществлялось в шахте по матовому стеклу. Пентапризму Брагин принципиально отвергал, да и Кеша быстро привык смотреть сверху вниз на перевёрнутое изображение. И ставить камеру в обязательном порядке полагалось на тяжелый штатив. Зато снимки выходили четкие и резкие. Все-таки кадр шесть на шесть! Пленка шла среднеформатная типа рольфильм. Особенно Кеше нравилось крутить рукоятку взведения затвора, он же перемотка плёнки. Выглядело это круто. Так цена в 456 рублей также вызывала почтение. И это без кассет и объективов. Но в свободной продаже эти аппараты не бывали. Особенности плановой экономики.

— Не получится. Такой тремор.

Васечкин думал. Им уже уезжать пора, когда привезли бабку, которой требовался новый паспорт. Как назло, у нее оказалась какая-то трясушка и выдержки не хватало. Снимали он, как водится в приемном пункте на фоне выбеленной печки. Свет держал Серега, водитель их буханки. Была бы вспышка, то возможно получилось. Но при выдержке одна тридцатая гарантирован смаз кадра.

— Чего делать будем?

— Снимать штаны и бегать!

Мужики дружно заржали.

— Чего лыбьтесь? Тащите бабку на улицу. За минуту не замерзнет. В снег табурет ставьте и ровней!

Чего только не придумаешь для удовлетворения заявок посетителей. Но деваться некуда! Мужики ловко устроили бабулю прямо посреди улицы, выправляя ножки табурета с помощью сугроба. Иннокентий прикинул, что на фоне белесого неба выдержка получится подходящей. Надеяться на встроенный экспонометр не стоило. Лицо намного темнее неба и будет безбожно врать. Но Васечкин уже наработал опыт, поэтому ставить экспозицию по своему разумению. На то фотографу и голова, а сейчас важнее короткая выдержка.

— Снято! Тащите бабулю обратно.

Пенсионерку ждут на улице сани, привезли из дальней деревушки. Туда автомобилю хода нет. Реалии сельской жизни. Автолавка раз в неделю, снег чистить самому, рубить дрова, носить воду. Видимо, прошлый Васечкин не ушел из этого тела до конца, и какая-то ностальгия по такой простой жизни оставалась.

«Так и непонятно, отчего он умер. Отравление или сука Герыч постарался?»

Настроение сразу испортилось. В город Кеша тогда возвращался в мрачноватом молчании. Зачем он здесь? Почему?

*

В большую приемную фотосалона «Юпитер» королевской походкой вошла Анжела, введя в оторопь ждущих очереди двух дядечек. В светлой дубленке, меховой шапочке «а-ля барыня» и финских высоких сапожках девушка была поистине неотразима. На лице «полный боевой набор» по мерке семидесятых. Иннокентий как раз вышел из съемочного зала и с улыбкой направился к ней. Он успел заметить негодующий взгляд Алены и завистливые дядек. Им такие красотки уже не светили никогда. Не бывает такого, чтобы юная нимфа вспылала любовью к лысому пузану с зарплатой инженера.

— Привет. Придется подождать немного. У меня пока, как видишь, народ.

«Да и Оксана второй зал для художественной съемки не освободила».

— Я не тороплюсь. У нас впереди целый вечер.

Многообещающая улыбка Анжелы тут же отозвалась в теле Кеша:

«И ночь!»

У них сложились странные отношения. Вроде бы и не пара. Во всяком случае Анжела так не считает. У нее на жизнь собственные планы, у Иннокентия также. Они оба это чувствуют и потому не суются друг другу в личное пространство. Обоих такой порядок вещей вполне устраивает. Наверное, Анжела — это девушка прообраз из будущего. Её поведение было отчасти похоже на то, что Петров наблюдал в столице будущей Постмодерновой России. Самостоятельные, ценящие себя и собственную свободу. Они не видели в мужчинах ничего такого, что заставило бы их отказаться от себя. Девушка двадцать первого века и дочку свою воспитала под себя.

«Эх. Где же ты сейчас Алиса?»

Наверное, оттого ему было с этой девушкой комфортно. Получив удовлетворение от осознания того, что он максимально поймел маму сексуального символа его юности, Васечкин подошел к делу основательно. То есть провел переговоры и получил согласие. Как сразу стало все проще! Ничего не надо выдумывать и размышлять. Но стало несколько скучнее без интриги.

— Анжелочка, ты не забыла, что я говорил, что макияж?

— Но пупсик, — Девушка манерно покрутила пуговицу его вязаного кардигана. У нее же и купленного на днях. Она сейчас играет роль недалекой блондинки. Но как заискрились глаза у приемщицы Алены! Любо-дорого посмотреть. Их новичок завел такую фифу!

— Пупсик у тебя в кроватке. Иди все смывай к чертям, будем заново накладывать. Я тебе фотографию покажу. Набор с тобой?

— Ага, — Анжела приоткрывает сумочку, — настоящий французский. Себе оставила.

Кеша заметил в сумке также тонкую фляжечку и сделал страшные глаза:

— Пошли!

— Посторонним нельзя!

Алена высокой грудью встала на защиту святого святых. Внутренних помещений фотосалона Юпитер'. Кеша подошел максимально близко к девушке, так что самую малость вмял титьки неугомонной приемщицы, ощутив их упругость. Он облизал губы, не отрывая своих наглых глаз от е растерянных:

— Во-первых, она не посторонняя, а клиент. Во-вторых, мы идем в примерную. Мне же надо подготовить клиентку.

Примерная громко сказано, но здесь Иннокентий в кои веки нашел общий язык с Оксаной. И руководству пришлось устроить отдельный закуток с переодевалкой и зеркалом. Где взыскательные клиенты, вернее, клиентки могли переодеться, и навести «последние штрихи» к образу. Благо, пространства в фотосалоне хватало. В будущем такой зал для художественной съемки могла арендовать не каждая фотостудия в столице.

— Ну, Кеша! Это дорогой польский лифчик. Вечером получишь свое.

— Точно?

— Досрочно! Это тебя ваша приемщица так завела? Крутишь с ней небось?

Анжела бесстыдно наблюдает за ним через зеркало.

— Мне как-то дали полезный совет — не заниматься прелюбодеяниями на работе. И я ему верно следую.

— Ты гляди! Наш умный мальчик из деревни. Прямо Ломоносов. Далек пойдешь!

— Сомневаешься?

Девушки стала серьезной буквально на миг:

— Абсолютно нет. Ты не от мира сего и потому с тобой интересно, Кеша. И откуда только такие и берутся?

«Из Заволжска!»

Оборудование фотосалона «Юпитер» для семидесятых было на высоте. Новое помещение, современная аппаратура, задники, фоны. Свет висит на потолочном креплении, поэтому его очень удобно двигать в любом направлении. Даже в будущем такое устройство было весьма дорогим удовольствием. Зато можно сделать оригинальный световой рисунок.

— Ты скоро?

— Сиди не двигайся! Опять мех упал.

Анжела сидела на высоком барном стуле в лифчике, все остальное прикрывалось принесенными заранее мехами. Неизвестно, где она столько их взяла, но смотрелось это здорово. Хотя на рекламу фотосалона пойти не могло.

«Пошло и буржуазно!»

Хотя безумно сексуально. Или плюнуть на все? До закрытия еще полчаса. Но все привыкли, что Васечкин постоянно задерживается. Дверь в зал Кеша запер, но Алена может запросто накатать заяву директору на порочное поведение их фотографа. А с Абрамом Савельевичем отношения портить не хотелось. Он и так закрывал глаза на многочисленные и не всегда законные гешефты Иннокентия. Ладно, подождем вечера.

— Вот так, взгляд сюда. Эротичней. Губки! Как я тебя учил!

Приходится все показывать самому. Тик-тока в 75 нет. Анжела смеется. Мех падает, обнажая лифчик персикового цвета. Эх, чертовка, до чего же хороша!

— Кееееша, прекрааатиини...

— Все. Это авансом. Замерла.

«Салют» установлен на штативе, на громоздком фотоаппарате стоит портретный объектив Вега-28. Васечкин пытался снимать портреты на студийный ФКП, но быстро понял, что это не его. Да и один листовой кадр влетал в копейчку, используя даже пленку 13 на 18. В «Салюте» в пленке было 12 кадров 6 на 6. Хватило бы и одной, но когда еще получится вот так собраться? Потому они продолжили фотосессию уже в другом образе. Закончат где-то через час. Ничего, завтра у него вторая смена. Придет пораньше, проявит пленки, а вечером напечатает. Он уже может позволить себе такси. А это уже прорыв вперед.

«Как потопаешь, так и полопаешь!»

Решения XXV съезда в жизнь!

— Ваасечкин!

«И почему я не удивлен?»

Кеша остановился в коридоре редакции, поджидая суматошную Ирину Владимировну. Догонявшая его Ириночка подвизалась на стезе ответственного секретаря, и потому ей до всего было дело. Но начала она с совсем не с той фразы, что можно было ожидать:

— У тебя опять обновка?

Все-таки женщины предельно внимательны к чужой одежде, и потому коричневая финская дубленка привлекла к себе интерес. Пальто Юговское Кеша продал, да еще с выгодой, не пришлось оно ему по вкусу. В дубленке было пусть и не так удобно, но зато тепло. Да и к обладателям подобной одежды относились иначе. Это как «Мерс» или «Ауди» в будущем. По одежке встречают.

— Оказией купил.

— Знаем мы твои оказии.

«Вот до всего у нее есть дело!»

Наверное, в любом большом коллективе случались подобные личности. Даже в ЖЭКе номер 8 имелась Нина Петровна, возглавлявшая профком и постоянно лезшая в чужие дела. Досужее любопытство и попытка доминировать на чужом поле превращала их в весьма докучливых людей. В будущем к таким личностям прикрепились меткое название — Токсичные. В Союзе — это уважаемые начальством активистки. Так и живем.

— Ирина, ты что хотела?

Секретарь ожидаемо скуксилась. Не любила, когда её называли без отчества. Так еще рангом и возрастом не вышла. Иннокентий сразу поставил на место великовозрастную пигалицу, пробившуюся в газету по блату. Пусть на других отыгрывается, а он креатура горкома. Человек оттуда!

— Тебя Изольдин очень, очень сильно искал, — обидчиво пискнула широкоскулая и курносая барышня, мнящая себя записной красавицей.

— И чего ему надо?

— Снимки с новой постановки театра. Посвященной двадцать пятому съезду партии.

Васечкин внутренне взвыл. Чего они так все носятся с этим проклятым съездом? Он уже раз двадцать сбегал на предприятия, учебные заведения, где проводились мероприятия, приуроченные к открытию важнейшего события пятилетки. Это уже здорово смахивает на

некое языческое поклонение. Шумеры, а не люди века НТР! Даже среди знакомых ему по той жизни сектантов не было подобного пиетета и преклонения к своим идолам. Вся эта партийная суэта временами напоминала суицидный бред.

«Пропади он все пропадом!»

— Я же предупредил его вчера, что у меня новогодний чёс. Вы не забываете, что у меня есть основанная работа? А у вас я внештатником.

— Иннокентий, а ты сам не забыл, что у нас газета горкома партии и это поручение от его имени.

Серьезно, но Васечкин честно не понимал таких тупых раскладов. Какого поручения, при чем здесь партия? Есть работа, есть честная оплата. Все, базар окончен. Благотворительностью он не нанимался заниматься. И потому эдакие нюансы советской действительности молодого человека конкретно вымораживали. И ведь все всё знают. Но делают вид, что так и надо. Это же сколько в обычном советском человеке существует доньшек? Пока там до его нутра доберешься. Уже забудешь, зачем и лез.

Привычка анализировать и просчитывать людей так и осталась в характере Васечкина нынешнего от Петрова будущего. И малейшую фальшь он ощущал сразу. В двадцать первом веке этот навык помогал банально выживать, а затем забашлять неплохие деньги на разводе лохов. Здесь же Иннокентий временами впадал в ступор. Как правильно понимать то или иное действие? Откуда в голове обычного пролетария деревенского происхождения может появиться коммунистическая идея фикс? С какого перепуга работник бытового обслуживания должен тратить свое драгоценное время на никому не нужные аллюзии?

Изольдин был неумолим:

— Это даже не обсуждается, Васечкин. Капитолин Евграфович в больнице на операции. Так что все на тебе.

— А Деточкин?

— А что Деточкин... — завотделом культуры обидчиво нахмурился. — Сам знаешь, где этот шнырь прохлаждается.

«Нормально, один отлежаться отъехал, второй бухает, как не в себя. А я, значит, отрабатывай!»

— Так, вы его проработайте.

— Иннокентий, не забывайся! Без году неделя, а учить меня будет!

— Хорошо, не учу. Но у меня чёс!

На самом деле любой вид культуры в Советском Союзе имел явный пропагандистский

уклон, потому Изольдин был поставлен на место редактора культурного отдела именно тем, кто имел право сюда его поставить. То есть ответственным товарищем с идеологического фронта. Кстати, здесь так часто использовались военные формулировки, как будто до сих пор шла война. Только вот с кем? Америкой на самом деле все восхищались. Джинсы, жрачка, доллары.

«Живут, как у Христа за пазухой и представляют себя героями фронта!»

Видимо, неудовольствие так явно отразилось на лице Васечкина, что Изольдин поспешил подсыпать плюшек.

— Иннокентий, после Нового года к нам столичные знаменитости приезжают. Могу организовать тебе контрамарку.

— Две?

— Договорились. Рад, что ты не один, — усмехнулся глава отдела. — Ты куда побежал? А взять редакционное задание? Эх, молодежь. И снимки завтра утром нужны!

Нетривиальная задача отнять разом два мероприятия решилась до банальности просто. Они проходили в одном и то же заведении — драматическом театре. Здание являлось гордостью городской архитектуры и на самом деле впечатляло. Отделанный мрамором холл и лестница. Огромное количество светильников и настенных ламп. И все это великолепие сверкало еще больше среди новогодних украшений. А посреди огромного зала величественно возвышалась красавица ёлка. Нет, не так. ЁЛКА!

И где только они выкопали такое чудо? Кто тот чудесный дровосек, что смог её сюда притащить? Разлапистая, без малейшего изъяна лесная красавица была королевой бала. Вокруг нее и водили хороводы детишки младшего возраста, принимающие новогодний праздник со всей чистотой юного сердца. Затем должны были подойти ребята постарше. Им уже интересней подарки и спектакль-сказка. Именно последний и был посвящен 25 съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Какие хитрые деятели работают в здешнем заведении! Одним выстрелом два зайца. Кеше же так просто два дела сразу не дались. Пришлось метаться между залом, где проходил бал и сценой, где шли приготовления к спектаклю, а потом он сам. И еще забегать за кулисы, в гримерки к актерам и даже в кабинет директора. В котором собрались важные гости. Вперед спортсмен!

Новогоднее настроение понемногу передалось и злостному цинику из будущего. Кеша уже и забыл, насколько раньше был дорог ему этот семейный праздник. Пока была жива мама, он сначала отмечал его дома, а уже затем бежал к друзьям. Потом все куда-то ушло, испарилось, вместе с остатками чуткого сердца. Видимо, праздник передал ему дополнительной энергии, так как Васечкин порхал аки пчелка. Вот он в гримерной, где пожилые артисты уже начали отмечать. По доброте душевной они предлагают выпить и Кеше, но тот в мыле бежит на сцену.

Меняем объектив, диафрагму. Чертова вспышка! Сумка, где лежит мощная батарея «Молния» болтается за спиной, от нее идет провод до небольшого рефлектора вспышки, что стоит на камере. И по сравнению с гаджетами из будущего жутко неудобно и тяжело. Купить её к праздникам посоветовали старики-разбойники. Имеющиеся в салоне для выезда дохлые «Фил-12» для репортажа не годились. Так что пришлось раскошелиться. И

Да и батарея стоила трешку, а пришлось взять сразу три. И то по блату. С области в универмаг привезли. Все-таки хорошо иметь подругу со связями. Куда там Лариске с её колбасой! Зато заряжается быстро, и ты не привязан к розетке. А в репортаже это самое важное! К тому же он снимал сразу на два аппарата — «Зенит» и «Контактс», используя на последнем светосильную портретную оптику. Сцены спектакля были неплохо освещены. Зато какой будет световой рисунок!

— Товарищ фотограф, ну где вас носит?

Снегурочка уже немолода, её и так приходится несладко. Тащить на себе праздник. Дед Мороз уже подшофе, он с утра на утренниках. Устамши!

— Да я тут рядом, снимаю действие со стороны.

— Со стороны не нужно. Давайте сделаем групповое фото.

Кеша грустно вздыхает. Выставить неуправляемую толпу детишек — значит потерять кучу времени. Но к его удивлению Снегурочка справляется с этим очень быстро. Детишки радуются мощной вспышке, а Кеша количеству будущих заказчиков. Каждый родитель захочет себе фотографию со своим чадом. Но это одновременно означает, что пахать ему до 31 числа включительно! А душа требует праздника.

— Не стесняйтесь, молодой человек. В балете еще не такое бывает. Проходите. Тут все свои!

В женской гримерке ржут. Актрисы тоже начали отмечать. Не стесняясь Кеши, они переодеваются к следующей сцене. Васечкин мимоходом замечает несколько приятных глазу фигур и множество любопытных взглядов. Новая прическа и батник положительно сказываются на его имидже. Что и говорить — богема всегда являлась оплотом толерантности и демократии. Дух праздничного разврата уже витает между столиками.

— Не выпьете с дамами на брудершафт? — хмельные глаза симпатичной рыжей актрисы не мешают ей на виду поправлять чулки, показывая аппетитные ножки. На вид ей тридцатник с хвостиком, фигура подтянута, бюст наполовину открыт, а поза показывает его в донельзя соблазнительном облике. У Иннокентия перехватывает дыхание. В глазах рыжей резвятся чертики.

«Так, вдох-выдох, взяли себя в руки!»

— Красавица, не сегодня. А так совершенно не возражаю!

Дамы смеются и охотно позируют перед выходом на сцену. Иннокентий смахивает прямо

рукавом пот. Хорошо, что надел старый, хоть и приличный костюм. Только рубашка и галстук новый.

‘Фигаро... я здесь. Эй... Фигаро... я там,

Фигаро здесь, Фигаро здесь, Фигаро там...!’

Как-то они застряли в одном лесном коттедже. Дороги замело, делать было нечего. Интернет не ловил и по телевизору показывало всего несколько центральных каналов. В том числе и «Культуру». Иннокентия этот спектакль зацепил, потому что в нем играл знакомый актер. Ну, кто не знает Миронова? Он же сделал фильм «Бриллиантовая рука». Понемногу к просмотру присоединились и остальные, подавив первоначальный скепсис ко всему совковому. Пьеса про ловкого Фигаро пришлась всем по душе. Так что позже они удивляли на работе коллег знанием классики.

Но сейчас именно Иннокентий являлся непосредственным героем сюжета. В зал! По пути его перехватывает директор театра и зовет к себе в кабинет. Там уже накрыт стол и против желания в Кешу впихивают несколько бутербродов с бужениной, правда, от вина удалось отвертеться. Но закуски в пакете с собой прихватить получилось. Ну и сделать пару пафосных кадров самого директора и главного режиссера с инструктором из горкома в придачу.

Фу, дело сделано! По мероприятию он отчитался. Сейчас предстоит чрезвычайно сложная задача — выловить и отснять самый оголтелый контингент от девяти до двенадцати.

— Дедушка Мороз! Дедушка Мороз!

Дети уже охрипли кричать. Наконец, из-за ёлки показалась фигура с красном. Эге, да вы, товарищ артист, конкретно нажрамшись. Деда Мороза хватило лишь на пять шагов, и он свалился под шикарной еловой лапой.

— Нашего дедушку заколдовали! — резво нашлась Снегурочка и повела детишек петь песенки про Бабу-Ягу и злого Кащея. Двух русских монстров из сказок.

«Ну да. Водичка была заколдованной!» — цинично заметил Кеша и начал сматывать пленку.
— «Зайти что ли к актрисам, чаю попить?»

Целый пакет разнообразных конфет лежал у него в кофре. Каждый Дед Мороз и Снегурка считали своим долгом угостить фотографа. Правда, последний дедушка не рассчитал сил. И ведь часть дедов отсюда, из театра, артисты. Как там в анекдоте.

— «Звонят артисту из Голливуда, приглашают на съёмки к Спилбергу, а он и отвечает: ‘Не могу! У меня Ёлки!’»

— Не стесняйся, заходи! У нас для тебя много чудесных кадров.

— Да я и не особо стеснительный.

Женская часть коллектива уже оттопыривалась не по децки. Шипело открытое шампанское, на столиках лежали бутерброды и блюдечки со сладким. Пахло мандаринами и духами. От этого запаха и множества блестящих глаз можно было поплыть. Отчего-то Кешу обдало предчувствием того, что ночь сегодня он проведет не один. И даже не вдвоем.

«Умерьте ваши аппетиты, сударь. Чему вы учите предков?»

Глава 28

Искусство принадлежит народу

— Господа, давайте играть в фанты!

— Боже помилуй, какие фанты? Мы еще не так пьяны, дражайшая Марианна Ивановна.

— Друзья, тогда почитаем стихи.

— Я целиком и полностью поддерживаю предложение, Нинель. К черту мещанство! Давайте стихи и высокий стиль!

— Где Вера Петровна? У нее был отличный номер с Цветаевой.

— О, я обожаю ту эпоху. Какая ужасная судьба!

— Так режимс. Сами понимаете, тогда никого не щадили.

— Евгений Николаевич, помилуйте, сегодня праздник. Давайте без политики

— Вера Петровна, просим!

Верочка, так она умоляла её называть, все это время тихонько обжималась с Иннокентием в темном коридоре. Вот чем хороша квартира в старом фонде, к которому принадлежал этот дореволюционный особняк. Планировка совершенно сумасшедшая и довольно много места. В огромной кухне можно спокойно разместиться всех гостей, оставив большую комнату для художественных мероприятий.

Правда, сквозь древние разошедшиеся окна поддувает, пол скрипит, да обои давно пора заменить. Но богема такие мелочи не замечает. Она искрит идеями и устраивает в старом доме версию с театром абсурда. Шум, гам, песни, танца. «Господа, диссида». В этот вечер старинный особняк полон радости и торжества. В пику официальной власти, что не одобряет этот праздник.

— Вера Петровна, ваш выход!

— Сейчас иду! Прости, Кешенька, но без меня никак! Мы еще увидимся.

Верочка закидывает вокруг шеи отороченный мехом боа, достает мундштук и походкой

голливудской дивы движется к гостям. Как будто делает им огромное одолжение. Звезда!

Иннокентий, чуть помедлив, идет за ней следом. Ему было все любопытно. В прошлой жизни он почти не сталкивался с миром богемы. Где обычный менеджер автосалона и где столичные знаменитости? Но хоть их городок рангом пожиже, но светская жизнь в нем все-таки существовала. И даже временами бурлила.

Спасибо советской власти за образование и культуру!

Если сам Новый год Васечкин провел вполне обыденно, то зато сейчас отрывался. Предновогодний чес таки сказался на его крепком организме. После знаменательного Фигаро-забега Кеша накоротке сошелся с Верой, потому в лабораторию попал лишь под утро и сильно устал. Там и проснулся в комнате отдыха к обеду, в ужасе осознав, что все проспал, в том числе и материал в номер газеты.

«Все пропало! Гипс снимают, клиент уезжает!»

Затем чудесным образом перед его взором появилась чашечка кофе, пакет бутербродов, выданных в дорогу директором театра и конфеты от Люси. Рядом аккуратно лежала пачка готовых фоток. И сидели с неизбывной заботой в глазах старички-разбойники.

— Молодой человек, в следующий раз необходимо рассчитывать свои силы.

— Да я... — у Кеша стояли в глазах слезы. Никто давно так о нем не беспокоился.

— Мы все понимаем. Три дела сразу.

Васечкин окончательно проснулся и осуждающе глянул на коллег:

— Два. Бал и материал в газету.

— Угу, — Никодимыч лихо подмигнул, — и рубашка в помаде. Снегурка оставила?

Кеша отвел глаза. Было дело, горячая оказалась актрисуля. Не смог устоять. Слабый он человек, далек от коммунистических идеалов.

— Вот силы и закончилась, — заржал аки конь Герман.

— Пей кофе и дуй в газету. Оттуда уже звонили какая-то наглая пигалица.

— Ириночка. Их ответственный секретарь. А пленки с балом проявили?

— Висят в сушилке. Театральные даже напечатали. Их директор также названивал. Тебя отбрехали, мол в лаборатории, очень занят. И знаешь, даже не соврали. Какая из них? — Брагин хитро подмигнул, вывалив на стол последние из снятых Кешей фотографии из артистической уборной.

Васечкин лишь махнул рукой на двух ёрничающих дедов, подхватил пачку со снимками для газеты и побежал на автобус. Хорошо, что Заволжск не Москва. Из центр можно попасть в любую точку города минут за пятнадцать — двадцать.

Сам Новый год он провел в общаге. Анжела умотала с родителями за город. Там была своя компания. Да и кто она ему по сути? Так что без претензий! Толком друзей он в этом мире не завел. Ни к чему было, да и некогда. Но и в общежитии все прошло довольно весело, да так, что под утро давно непьющий фотограф конкретно захмелел и был препровожден спать. Народ здесь жил в целом добрый и общительный. Друг за другом следили и ухаживали.

Утром ему от щедрот налили похмельного супчика, выставили бутылку пивка, и потому Иннокентий в кои веки провел целый день за телевизором и общением с простыми советскими гражданами. Второго в салон идти не надо. Это хоть и был рабочий день, но Кеше ввиду переработок дали отгул. Вот тогда и можно заняться неотложными бытовыми вещами, отодвинутыми из-за дикой загрузки. Ну и заодно денюжки посчитать честным трудом заработанные.

Ставка фотографа, плюс повышенные выездные, плюс гонорары из газеты, добавим к этому полставки лаборанта. Да еще добавим неплохие наличные за новогодние халтуры и выданную в последний момент неожиданную Кешей квартальную премию в половину оклада. Так что должно выйти не хило для грядущей заначки. Жизнь в столице дорогая. Покупка финской дубленки и других шмоток здорово подкосила его бюджет. К тому же вскоре Анжела подкатит с новыми вещичками и впечатлениями.

От приятных фантазий на тему проведения времени со стройной блондинкой Иннокентия отвлек голос парня со второго этажа:

— Васечкин, тебя там кто-то по телефону спрашивает.

Евдокия Ниловна кивнула в сторону лежащей трубки. Строгая донельзя дежурная бабуля на самом деле оказалась страшной сластеной. Васечкин быстро раскусил её тайное пристрастие и время от времени подгонял в будку дежурной редкие сладости — зефир, мармелад, а то и шоколадные конфеты.

Зато он всегда знал, кто и когда ему звонил. А если был в это время в общежитии, то Евдокия Ниловна организовывала гонца.

— Иннокентий у телефона.

В трубке послышался смешок, а затем проникновенный бархатный голос:

— Кеша, ты не забыл, что обещал мне фотографии?

— Вера?

Вот так он и попал в лапы рыжей ведьмы. А точнее, актрисы городского драматического театра. Но с ней хотя бы весело. Бурлеск неоднозначных впечатлений и желаний. А

Васечкин-Петров всегда был человеком любопытным. И раз он в новом для себя мире, то стоит попользоваться все, что идет в руки. В том числе и поджарое тело молодящейся дамочки. Заодно знакомства нужные завести в иной сфере.

Так он и попал на тайное празднование Рождества. Это торжество советская власть нисколько не поддерживала, считая старорежимным и контрреволюционным выпадом в ее сторону. Что, в свою очередь, придавало заурядному действию некоторой таинственности и диссидентства. Да и публика была под стать. Актеры, художники, адвокаты и ушлые деятели с местного «черного рынка».

Вера стояла посреди освобожденной от мебели комнаты и декламировала стихи:

Хочу у зеркала, где муть

И сон туманящий,

Я выпытать — куда Вам путь

И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,

И Вы — на палубе...

Вы — в дыме поезда... Поля

В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,

Над ними — вороны...

— Благословляю Вас на все

Четыре стороны!

Боа на шее и сигарета в мундштуке придавили Вере нездешней изысканности. Глаза с потусторонним взором смотрели поверх голов, а голос жил отдельно от человека. Иннокентия всерьез зацепила за душу волшебная сила искусства. Какой бы актрисой Вера ни была, но актрисой была точно. Она умела владеть публикой и играть с нею. Но сейчас глаза рыжей ведьмы уставились прямо не него, как будто залезая ему под кожу и возбуждая низменные инстинкты.

«Гребаный Экибастуз! Да с ней быть рядом уже опасно. Приворожит и использует!»

Умные мысли иногда приходят вовремя. Кеша попятился тихонько назад и вышел из комнаты. В горле пересохло, и он двинулся на кухню. Фуршет был устроен по-советски

просто и довольно убого с точки зрения человека двадцать первого века, пресыщенного сервисом кейтеринга.

Посредине огромного стола виселись похожие на тазы миски с салатами и винегретом. Каждый брал сколько хотел. Колбасу и жареную курицу съели в первую очередь. Черный хлебушек жалко ютился с краю. И никаких деликатесов, морепродуктов и бутербродов с икрой. Такое приберегали для семейных посиделок.

«Не трогай! Это на Новый год!»

Тут же за столом уютно расположились истинные любители Бахуса. Среди богемной публики таких хватало. Неразделенная любовь к искусству, прерванная на взлете карьера, непонятый почитателями и ценителями. Оправданий можно было придумать много. Это проще, чем идти вперед, невзирая на сопротивление времени.

— Молодой человек, не чинитесь, присаживайтесь! У нас все по-простому.

Бородач с красным лицом тут же сделал предложение Иннокентию:

— Водочки?

Васечкин тоскливо осмотрел убогий стол. Коньяку ему в этом странном местечке точно не нальют.

— Вино хоть есть приятное? Водочки мне уже намедни хватило.

«Ну да! В сам Новый год он употреблял исключительно общенародное пойло».

— Попробуйте вот это!

Мужчина с претензией на богемность в виде приличного пиджака и шейного платка подал бутылку с «Букетом Молдавии». Иннокентий налил и попробовал.

— «А ничего!»

Шестнадцать градусов, виноматериал и какие-то травы. Пойдет!

— За что пьем, уважаемые?

— А разве обязательно нужна причина, чтобы выпить?

Сидящие за столом граждане захохотали. Иннокентий же не нашел, что ответить бородачу и просто выдохнул:

— Будем!

— Вы тут в первый раз?

— Да. Случайно пригласили.

— Эту случайность ненароком не Верой зовут? — мрачный молодой человек в темном костюме, сильно смахивающий на «Гота» с каждой рюмкой мрачнел еще больше.

— Может, и так.

— Бойтесь её, она ведьма.

— Я в курсе.

Бородач и Богемный переглянулись и разухабисто заржали. Последний патетично заметил:

— Феерично! Только у Нинель можно встретить подобное общество. Ах, как жаль, что мы так редко собираемся.

— У вас, любезный мой, финансов и здоровья на частые встречи хватит?

— Я не стал представляться за столом, — мистер шейный платок вежливо поддерживал Иннокентия за локоток. — Михаил Юрьевич Ярузельский. Мы ведем свой род от шляхты. Но сами понимаете, — подмигнул он заговорщицки, — об этом не принято напоминать.

— Что вы хотели мне показать?

Васечкин не понимал, зачем и куда его тащат. Квартира по факту оказалась больше, чем он предполагал. Или это была сдвоенная с общим коридором жилище. Скорее всего разделили его после выселенных дореволюционных хозяев богачей. Жизнь в советском времени заставила Кешу несколько подучить отечественную историю, и парень из будущего узнал для себя много интересного.

Оказывается, в России было несколько революций, жесточайшая Гражданская война, первая пятилетка и стахановское движение. Отчего от них в будущем так тщательно прятали эти факты или не придавали им значения? Для оправдания нового капитализма?

— И как вам?

«Дяденька у нас по ходу художник. Занятно!»

Честно говоря, Иннокентий ничего не понимал в этих картинах. Но с умным видом обошел небольшую экспозицию, выгодно выставленную под светильники на стене.

— Интересно. Свежо!

— Вот и я о чем. Эти недоумки из худсовета ничего не понимают, — Ярузельский коротко пояснил. — Перед праздниками здесь была самодеятельная выставка. Сами знаете, что об этом не стоит распространяться. Были свои, приближенные к искусству люди. И все равно нашлись негодяи, что настучали в «Общество». Ведь все художники должны быть там

записаны. Вот мы, настоящие ценители прекрасного наверняка лучше пойдем друг друга?

Васечкин непонимающе глянул на хозяина. Художник доверительно положил ему на плечо тонкую кисть:

— Я ведь в курсе, что вы фотограф. Видел ваши снимки с Верой Петровной. И знаете — превосходно. Ощущаются новые веяния. Не то, что эти покрытые нафталином фотографии соцреализма.

Кеша хмыкнул. На самом деле он тупо скопировал позы из гламурных журналов будущего. Так что ничего нового не внес. Ну и прекрасная Цейсовская оптика. Куда без нее?

— Вы так считаете?

— Конечно. Нам, продвинутым художникам необходимо держаться вместе.

Ярузельский так сильно прижался, что Иннокентий разом все понял.

«Обычный пидор. Эфиоптвоюмать!! Они, оказывается, уже и в этом времени в искусство напролезали».

— Ах, вот вы где? Рассматриваете шедевры нашего непризнанного гения?

Вера стояла на пороге, блестя глазами, ехидно взирала на сладкую парочку. Художник обидчиво сжал губы, а Кеша немедленно отодвинулся от него, сделав суровой лицо.

— Было очень интересно. Спасибо.

— Иннокентий, вы подумайте о совместной выставке, — не потерялся Ярузельский. — У меня в том городке есть связи.

— Обязательно, Михаил Юрьевич, всенепременно! Вот разгребу с делами.

Верочка утщила его дальше и нагло впиалась губами в его. Поцелуй вышел такой горячий, что Кеша вспотел и думал только о том, где бы найти укромное местечко для дальнейшего крайне легкомысленного времяпровождения. Еще немного, и он вскипит.

Актриса протянула тонкую ручку вниз живота:

— Эгей! А я уж грешным делом подумала, что ты из этих.

— Сплюнь!

— А вот для этого нужна отдельная процедура, милый.

Верочка ехидно смотрела прямо ему в глаза.

«Точно ведьма!»

Но наглость и вожделение взяли своё:

— Она у нас запланирована на сегодня?

— А это как пожелаешь.

— Едем за шампанским и мандаринами?

— Ну, где ты сейчас их возьмешь?

— Места надо знать, дорогуша.

Эх, хорошо погулять на широкую ногу! Пусть и несколько дней в году. Но все еще впереди. Москва Белокаменная и пляжи Рио-де-Жанейро.

«Мы свое от этой эпохи еще отожмем!»

Глава 29

Пламенный привет строителям коммунизма!

Мчится грузин по дороге на новой «Волге» и врезается в стоящий на обочине каток. Расстроился, машину ведь только взял, вызвал знакомого гаишника. Тот выясняет обстановку, а затем подходит к водителю катка, кладет ему руку на плечи и задушевно говорит:

— Ну, рассказывай, как обгонял, как подрезал...

Реакция на бородатый анекдот, приспособленный под новые реалии, оказалась не совсем та, на которую рассчитывал Васечкин. Из всех сидящих заржали лишь несколько мужичков. Видимо, они давно за рулем и прелесть ситуации оценили сполна.

Так, сам виноват, автомобилизация в эту эпоху находится в зачаточном состоянии. И большая часть народа реалий, связанных с дорогой просто не понимает, как и самих правил дорожного движения. А тут еще и деревня. Они в большинстве своем и трамваев не видели. Так что лучше про Леонида Ильича. Такое тут лучше примут.

— Приехал чукча из Москвы и рассказывает — Говорят, в нашей стране все для человека. И я видел этого человека.

Вот здесь всех проняло.

Накаркал с анекдотом. Серега, их безбашенный водитель никого не подрезал, а ни с того ни с сего решил на относительно пустой дороге и во время затяжного поворота обогнать еле плетущийся «ГАЗон». Навстречу же ему внезапно показался такой же ухарь, летящий на

лесовозе. Иннокентия всегда удивляли водители шаланд, которые мнили себя пилотами спорткаров на «Формуле-1». Сколько жизней эта манера унесла на полупустых дорогах Союза, никто не считал и с явлением не боролся.

Никто ничего не успел понять, как раздался удар и буханку резко повело вправо. Им очень повезло, что лесовозник ушел на обочину, удар пришелся по касательной, а Сергей успел в последний момент вывернуть руль. Стук, их заносит на обочину, все кричат. Кеша успевает крепко схватиться за поручень, упираясь спиной на борт машины. Затем буханка взмывает через наметенный сугроб, валится налево и мягко съезжает вниз в придорожную канаву.

«Ух! А что это было?»

Вроде легко отделался. Буханка завалилась в его сторону, и он ни обо что не ударился. Но пора подумать об остальных. Их всего ехало четверо.

— Народ, вы там живой?

Послышались стоны, ругательства, скрежет салона и гул все еще крутящихся колес. Затем раздался дичайший вопль, который дальше не прекращался.

— Это кто там так орет? Что случилось?

После некоторой заминки раздался голос Гены, их ремонтника бытовой техники.

— Серега впереди орет. Удар туда пришелся.

— Писец!

Васечкин немного приподнялся и вначале ощупал себя, оценивая самочувствие. Так их учили. Повезло ему в армии с инструкторами. Только это примиряло молодого человека с потерей целого года жизни. Перед тем как кидаться на помощь — проверь сначала себя. Это как в самолете при выкидывании кислородных масок. Обычная яжмакка в первую очередь бросится надевать её ребенку. Может даже у кого-нибудь отобрать, потому что дура набитая. В итоге вырубятся и погибнут оба.

Жене цветы, а детям мороженое!

«Все цело и не болит. Хорошо, что шапку с головы не снял!»

Кеша осторожно подвигался, переломов и ушибов нет. Башкой немного приложился при падении, но меховая шапка спасла. Отлично!

— Народ, вылезай к двери. Я сейчас её приоткрою.

Боковая дверь была прямо над головой, но с его ростом и такой-то матери её удалось распахнуть настежь. Затем Иннокентий помог выбраться всем наружу, и утопая в снегу по пояс, двинулся к водительской кабине.

А она, как известно, у Буханки особенная. Маленькая и очень узкая. Наши автопромовцы думали о чем угодно, только не об удобстве водителей. Потому Серегу от удара в ней и защемило. Да еще и машина лежала на левом боку, заблокировав водительскую дверь и увязнув в сугробе. Кеша остановился в раздумье.

— Чего стоите, спасайте ирода! Помогите! Помогите!

Евдокия, немолодая толстая парикмахерша еле вылезла из салона и сейчас голосила на всю Ивановскую. Вид она имела помятый и в городе или большом поселке тут же бы получила приятную порцию сочувствия. Здесь же в глубинке посреди леса мужики лишь скривились от её истошного крика.

— Дунька, твою налево! Ну-ка заткнись, — на лице Василия телемеханика наливался синим огромный синяк. Бедняга приложился о спинку сиденья. Он повернулся к Кеше. — Чего делать-то будем?

— Надо машину перевернуть. Этого придурка зажало. Через ту дверь хрен достанем.

— Ага.

Внезапно сверху показалась кудлатая голова на широченных плечах:

— Где этот чертов водила? Я ему сейчас морду набью.

Узнав, что горе-шоферу Буханки и так сполна досталось, водитель лесовоза сменил гнев на милость. У него самого лишь немного помяло крыло. Дело житейское. Минут через пять он кинул вниз трос и «чья-то мать» совместно с усилием мощного КРАЗовского мотора помогли вытянуть многострадальную Буханку наверх. И весь ужас положения предстал воочию.

— Вынимайте меня, суки, — прохрипел Серега. На его лице видимых повреждений не было, но выглядел он хреново. Кеша заглянул внутрь.

— Ногам писец. Все в крови. Этого придурка надо срочно в больницу.

— Будем ломать дверь, — спокойным тоном заявил лесовозник, доставая из кабины монтажку и лом.

— Японский магнитофон! Открытый перелом!

— Кровищи-то!

— Аааа, больно! Суки, что вы делаете!

Евдокия от вида мяса и костей, что топорщились в сломанных ногах Сергея, побежала на обочину блевать. Вскоре к ней присоединился Гена.

— Эй, ханурики, а кто помогать будет? Аптечка есть?

— Откуда у этого хмыря в машине аптечка?

— Дайте фляжку, гады!

— Чего ему?

— Держите, в кабине лежала, — Василий подал обычную солдатскую флягу. Иннокентий открыл её и принялся, затем разозлился.

— Да этот гондон штопанный по ходу пьяным ехал!

— Вот сука!

— Не бей! Кость в артерию попадет, хана ему будет на раз. Дай выпить вместо обезболивающего.

— Все, Серега, плакали твои права.

Кеша резонно заметил:

— Да ему бы самому на ноги встать. Смотри, как кости выгнуло. Нужна повязка стерильная и шины. Твою за ногу налево! Откуда кровящи натекло? Ремень живо!

Следующие десять минут были посвящены борьбе за жизнь непутевого водителя. Хоть Сергей и гондон, но все ж человек. Стянув с его штанов ремень, Иннокентий туго перевязал его поверх бедра. Кровотечение остановилось. Водила с неудачливого ГАЗ 52 принес аптечку, пусть и почти голую. Но марлевая повязка, вата и стерильные бинты в ней нашлись. Васечкин ловко перевязал пострадавшего, пока мужики нарубили и натесали жердей, что приспособили вместо «шин», заодно с помощью веревок изобразив подобие носилок.

— Вы, мля, что он совсем о себе не думаете, идиоты совковые! Ни перчаток, ни жгутов, да хотя бы дешевого антисептика типа перекиси водорода. Йода и того нет! Ладно сейчас зима, а летом? Заражение и гангрена гарантированы. Затем ампутация. Грусть-печаль.

После его слов или действия алкоголя Сергея вырубил. А Евдокия тихонько спросила:

— Кеша, а ты где всему этому научился?

— В армии, — стало жарко, и Васечкин расстегнул дубленку. Черт, вывозил её всю, теперь в химчистку сдавать придется. Одни минусы от этой поездки.

— Короче, в больницу ему надо, а у меня колесо от удара пошло пи~~л~~одой. План накрылся. И кто за это отвечать будет?

Лесовозник с недовольством стукнул валенком по КРАЗу. И тут внезапно ожил тихий

мужичок, водитель ГАЗона.

— Машина у меня исправна в отличие от меня.

Только сейчас все заметили, что левая рука у него висим как петля.

— Твою етить! Бедолага, чего молчал!

— Так это, у меня что...

— Давай руку, жеваный крот! — зло прикрикнул Иннокентий и потратил остатки бинта на поддерживающую повязку. — Запястье сломано.

— А кто за руль сядет?

— Я. Грузите Серегу в кузов, да все вещи перетаскайте туда с Буханки.

Водить Иннокентий умел. Последней его машиной был неубитый в хлам китаец, купленный за сущие копейки. Автомобилей в Москве стало так много, что марка не имела значения. Лишь бы довезла, и её было не жалко в очередной тупой аварии. Офисный планктон на кредитопомойке, уепки на каршеринге, бараны на самокатах. Столица точно катилась куда-то не туда. За те десять лет, что Иннокентий Петров там проживал, население становилось только хуже.

До этого у Петрова было много разных иномарок. Принцип владения прост — пока подержанная машина не начала жрать у тебя деньги — катайся. Как только пошла сыпаться — продавай. Так и рождался миф о пресловутой надежности иномарок. Те, кто катался на неубитой в хлам машине, хвалили зарубежный автопром, как лучший.

Кому уже по собственной глупости или жадности доставался автохлам, те помалкивали. Чтобы не выглядеть полными лохами. Кеша, поработав в различных автосалонах, знал лишь одно — все ломается. Даже пафосные дорогие немцы. И хорошо, если тебе починят по гарантии или страховке. Иначе жесткое попадалово.

Сейчас же он находился в кабине продукта отечественного автопрома. Жестокого к людям и беспощадного к своим творениям. Хорошо, что еще в юности его учили ездить на «Козле». Вот где была железная автошкола!

— Чего не заводится?

— Стартер под левой ногой. Видишь?

— Твою же ангидрит!

Машина дернулась и завелась.

— Выжимай два раза. Сначала нейтраль, потом передача.

Кеша еле поймал сцепление, ГАЗон дернулся и потихоньку пошел. Руль двигался тяжело, про тормоза говорить не приходилось. Выжимаем, нейтраль, ждем, снова выжимаем, вторая скорость.

— Больше третьей не ставь. Дорога вон какая! Резина лысая.

«Все, как доктор прописал!»

— Вижу. Спроси, как там болезный? Дотянет до больнички?

— Чего ему будет после самогона?

До поворота на трассу долетели минут за двадцать.

«Руки то помнят!»

— Тормози у поста. Надо доложить, да и помогут наверняка.

Иметь дело с ментами Кеше изрядно не хотелось, но остановиться пришлось. Им уже показывали палочкой.

— «Ну, все приплыли. Без прав, за рулем. Попадос!»

Ничего хорошего от гаишников по прошлой памяти Васечкин не ожидал. Он еще отчетливо помнил поездки на море. Начиная с Ростова толстые дядьки в синих рубашках и палками в руках стояли, как когорты Рима перед лицом вандалов. Только отстёгивай!

Водила ловко выскочил из кабины и побежал к патрульному, что-то ему внезапно темпераментно втирая. Гаишник кивнул, потреничал о чем-то с вышедшим из здания офицером и подошел к машине с водительской стороны.

— Вылезайте, гражданин. Дальше я сам поведу.

Ни требований показать документы, ни воплей о вопиющем нарушении. Так буднично. Вылезай и все.

«В подвал и к расстрельной стенке становись! На первый, второй рассчитайсь!»

В кузове было холодно, все примостились за кабиной, накинув на себя какие-то мешки. Но до больницы домчались быстро. Затем гаишник опросил всех и взял данные. Иннокентий подхватил кофр и сумку с аппаратурой и зашагал в сторону автобусной остановки. Ну и денек! А ведь ему еще работать. Проявку пленки никто не отменял. Машина в совхоз поедете завтра, с ней надо отправить фото на документы.

«Какая машина? Она разбита!»

Хотя это не его дело. Он должен вовремя отдать готовые снимки. Спросят именно за это.

На подходе к «Юпитеру» его остановил до яиц знакомый голос:

— Куда торопимся, Иннокентий?

— Анжела, какими судьбами?

Блондинка взирала на него отнюдь не ласково, добавляя холода ледяным взглядом.

— Отойдем, разговор есть.

Васечкин пожал плечами. Есть так есть.

Анжела отвела его в сторону за угол дома и зашипела прямо в лицо:

— Ты с кем повелся, Кеша? Совсем с ума сошел?

— Ты о чем, женщина?

Он знал, что девушка терпеть не могла, когда он её так называл. Но сбить в этот раз наезд не удалось.

— Васечкин, ты вообще дурак? С пидарами под ручку ходишь? Сейчас по городу такие слухи пойдут!

— Можешь внятно и спокойно объяснить, в чем я конкретно виноват. Мне нынче как-то не до чужих разборок.

— Ой, а это у тебя что? — только сейчас заметила пятно на дубленке Анжела.

— Кровь. Да не бойся, не моя. В аварию попали по пути.

Масса эмоций за секунду проскочили в голубых глазках блондинки.

«Хм, а я ей не безразличен!»

Анжела без разговоров потащила его в кафе:

— Угощаю, рассказывай.

Иннокентий никогда в альфонсах не ходил, но знал, что если эта блондинка, что в голову втемяшит, то сопротивляться ей бесполезно. Кафешка открылась к Новому году и претендовала на звание продвинутой. В выходные здесь было не протолкнуться, и Анжела успела завести в кафешке связи. Она это отлично умела делать. Потому вскоре перед ними стояли чашки с ароматным кофе и свежие булочки с корицей.

— Любишь ты попадать в истории, — задумчиво отреагировала на сумбурный рассказ бойфренда девушка. — Ты точно в армии этому научился? Я бы растерялась. Но каков

молодец? И меня спасешь? — с прищуром посмотрела она на него.

— И тебя. Массаж сердца и дыхание рот в рот.

— Согласна.

— На все?

Вот здесь Анжела показала свой норов.

— Разбежался! Сначала на вопросы ответь.

— Задавай! — Васечкин уже оттаял и был готов к неистовому напору девушки.

«Не все блондинки одинаково полезны!»

— Ты какого хрена на выставке с Ярузельским под ручку рассекал.

— У нас общие интересы по искусству.

— Та знаешь, что он...

— Да сразу понял. Или ты во мне до сих пор сомневаешься?

Вообще, Васечкину было любопытно. Оказывается, и в эти годы ЛГБТ тема имела животрепещущий интерес и даже шокировала некоторых сограждан. Хотя какое им дело, кто кого в задницу пердолит? Если к тебе не пристают и по ушам не ездят, то их проблемы. Вот так он и высказал Анжеле в лицо.

— Ты думаешь, в столице среди артистов и дизайнеров этого брата мало? Да через одного. И все обо всем знают.

Видимо, девушка ранее таким вопросом не задавалась. Во всяком случае, лицо у нее было удивленное.

— И как... как они с Этим живут.

— Живут они с женами, а трахают любовников. Мне же всегда нравились женские сиськи и письки, и ты готова за это меня осудить?

Анжела выпучила глаза от подобной постановки вопроса и сделала вид, что сосредоточенно пьет коктейль.

— Нет, я так не считаю. Практика говорит об обратном.

— Ну вот и я о том. С твоими вечными делами и поездками у нас никакой практики.

Глаза Анжелы злобно сузились:

— И поэтому ты рассекал по городу с рыжей профурсеткой?

Вот тут Васечкин удивился. Кто за ним, интересно, следит? Он некоторое время нервировал девушки пронизывающим взглядом, затем начал говорить, цедя слова сквозь зубы.

— Анжелочка, скажи мне, милая моя, где и когда я подписал контракт на тебя и твою плоть? Когда мы давали друг другу обещания жить счастливо и умереть завтра? Ты же сама и заявила, что за свободные отношения, и мы не пара.

Блондинка подняла руки и выдохнула:

— Проехали. Но после нее ко мне не приходи.

Васечкин удивленно огляделся и эмоционально высказался:

— Я никого здесь не вижу. И слушай, мне еще работать пора. И так задержался.

Анжела о чем-то размышляла:

— Ты больше не будешь общаться с этим драным пидором?

— Да ну его! Просто изучал местную богему. Вдруг пригодится. Я же все-таки человек искусства!

Девушка фыркнула:

— Это разве богема?

— Так ты со своим кругом золотых мальчиков меня не знакомишь.

Анжела вздохнула:

— Я же тебе говорила, договорись о собственной выставке. Тебе же наверняка в горкоме помогут. Или та комсомолка, которую ты раньше тискал. Хотя кто её там только не тискал!

Васечкин еле скрыл удивление. А чего удивляться? Городок маленький. Если уж в Москве находились общие знакомые, то тут и подавно.

— Ладно. Поднажму. Надо еще что-то интересное снять.

— Например, меня? Пока у тебя пленки сохнут.

«Вот стерва! Как она со мной играет! Как кошка с мышкой. Что ей от меня на самом деле нужно?»

— Пленка минут двадцать сохнет.

— Как раз успеем. Я уже вся горю.

Иннокентий знал, что секс — это слабое место для любого мужчины, которым женщины пользуются без зазрения совести. Но ничего поделать с собой не мог. В этой жизни его сопровождала бесшабашность старого долбоеба Васечкина. Была, не была!

Глава 30

Все для благо человека, все во имя человека!

— Дверь в комнату тихо приоткрылась и послышались осторожные шаги.

«Кого там еще принесла нелегкая?»

Будильник пока не звонил. Сколько же времени до работы осталось? Иннокентий повернулся и приоткрыл глаза.

— С днем рождения! Тебя Иннокентий!

Соседи и соседки по этажу столпились в дверях и держали небольшой торт с подарками в руках.

Пусть бегут неуклюже

Пешеходы по лужам,

А вода по асфальту рекой.

И не ясно проходим

В этот день непогожий

Почему я весёлый такой.

Ах я играю на гармошке

У прохожих на виду,

К сожаленью, день рожденья

Только раз в году.

Прилетит вдруг волшебник

В голубом вертолёте

И бесплатно покажет кино.

С днём рожденья поздравит

И, наверно, оставит

Мне в подарок пятьсот эскимо.

Ах я играю на гармошке

У прохожих на виду,

К сожаленью, день рожденья

Только раз в году.

К сожаленью, день рожденья

Только раз в году.

«Какой день рождения! Какой голубой вертолет? У меня же в мае!»

Так, по порядку. Это днюха Васечкина. Обычай поздравлять в общежитии весьма архаичный, но действующий и дружелюбный. Люди от всего сердца желают всего хорошего. А вертолет летает в наркоманском мультике про крокодила, что курит трубку. Бред какой в Советском Союзе творился местами!

— Ребята, спасибо!

Натянув под одеялом треники, Кеша встал и подошел принять скромные подарки. Сверху ничего одевать не стал. Там есть на что посмотреть. Он тут же поймал на себе внимательные взгляды соседок. Жаль, что почти все они замужние. Да и парни оценили бицепсы, трицепсы парня. Шикарное тело было у прошлого Васечкина. Даже особо качаться не пришлось. Лишь держать себя в форме.

— Кеша, там чай уже готов. Пошли есть тортик.

— Сейчас, ребята. Водные процедуры и я ваш!

На кухне было тесновато, но не в обиде. Имениннику держали место и тут же вручили кусок торта с горячей кружкой чая. Под веселую болтовню и дружеское подначивание, он умял его моментально и попросил бутербродов. Колбаса и сыр всегда лежали в его холодильнике. Валентина, разбитная шатенка с нижнего этажа, работавшая в парикмахерской, живенько взялась их соорудить. Кеша мельком отметил, что халат у нее накинут прямо на голое тело, но дальше развивать тему фантазий не стал. Все равно низзя.

— Кеш, а ты вечером отмечать будешь?

Резонный и животрепещущий вопрос. Только вот он об этом еще не думал. Но в общаге точно неохота. Потому он сделал хитрое лицо:

— Возможно.

Староста этажа Наталья Соловьева иронично глянула на любопытную соседку:

— Валя, Кеша наверняка уже наметил, где будет отмечать со своей блондиночкой.

Кусок бутерброда так и застыл в горле Васечкина. Ничего не утаишь от досужих глаз! Женская половина этажа с любопытством уставилась на молодого человека. Это всегда так. Как только парень начинает гулять с кем-то, а то и женится, то тут же становится крайне интересен остальным женщинам. «Что она в нем нашла?» Извечный вопрос любого женского коллектива. То ли зарабатывает много, или мастер на все руки. Или в постели вытворяете черте что!

— Не расскажешь, кто такая?

— Не расскажу. Чаю еще можно?

Так и ушел в комнату, не дав ни байта информации для досужих пересудов.

С хорошим настроением Васечкин двинулся навстречу судьбе. Конкретно сейчас к фотосалону. По Московским меркам это необыкновенная удача, что работа находится в двадцати минутах ходьбы от дома. Можно окончательно проснуться, проветрить мозги и немного помечтать. Треть часа, посвященного только себе — это бесценно! Легкий морозец раскрашивал щеки людей, веселая поземка создавала зимнее настроение. Но сама зима уже катилась под конец. Февраль месяц выюжный и задумчивый. То ли продолжить в зиму играть, то ли пора и закругляться.

Иннокентий был добротнo и тепло одет по самой последней моде. меховая шапка, финская дубленка, польские ботинки. Потому то и дело ловил на себе девичьи взгляды. Ну а что? Высокий, с простодушным лицом и прилично прикинутый. Все женщины в разных эпохах одинаковы. Они думают о будущем семьи и продолжении рода. Это в них заложено. Потому Кеша никогда не осуждал тех девиц, что липли к богатым папикам. Это их личное дело и никого больше. А мораль читайте тем, кто поставил людей в такие жизненные условия. И их идеологам.

В предпоследний момент Васечкин вспомнил, что по случаю днюхи стоит проставиться. Хотя бы сладким и вкусным. Деньги в его карман текли плотным потоком, работал он на износ, так что мог и раскошелиться. Алкоголь с некоторых пор отпадал. Вернее, с того вечера в Татьянин день, когда старички-разбойнички, будучи навеселе, послали в пешее эротическое путешествие какую-то хозяйственную шишку из горисполкома.

Скандал вышел в те дни знатным. Но по факту напугать двух пенсионеров оказалось непросто. Увольнением? Так, а кто работать тогда останется? Абрам Савельевич на следующий же день представил в управление бытовым обслуживанием докладную записку. Мол, пришлите срочно свежие кадры или закроемся к чертям собачьим! В итоге скандал замяли, но пить в салоне Корзон категорически запретил. Под страхом лишения премии.

Хотя бы открыто. Ну, так старички не дурачки полные. И потому бутылок сейчас не будет!

Кеша по старой памяти завернул в знакомый гастроном и встретил у прилавка вечно улыбающуюся Тамару.

— Кеша, давно тебя не видела. Отлично выглядишь! Никак женился?

Иннокентий скривился:

— А это обязательно?

— Ну как же! — продавщица, как все советские женщины, была свято уверена, что мужчине без жены никак нельзя. Да и общество ее в этом устремлении поддерживало всецело. И партия, и профсоюзы.

— Тамара, только не сейчас, пожалуйста. У меня днюха, надо народ на работе угостить.

Женщина тут же расцвела в улыбке.

— Так бы сразу и сказал. Сейчас организую. Тебе по богатому или простому?

— В меру.

Тамара организовала оказией кусок голландского сыра, ветчины и коробку зефира в шоколаде. Всего этого отчего-то не было в наличии на прилавках. Оплатив покупку, Кеша бегом поскакал в «Юпитер». Там его еще в вестибюле встретила обворожительной улыбкой Алена и задумчивым взглядом Абрам Савельевич.

— Иннокентий, можно тебя на минутку, — кивнул директор в сторону кабинета.

— Что-то случилось?

— Садись. Ну сначала поздравляю тебя с днем рождения. В коллектив ты влился неплохо. Работаешь много и хорошо. Так что можешь смело рассчитывать на квартальную премию.

— Ой, спасибо!

«Какой замечательный день рождения, пусть и чужой!»

Корзон странно глянул на Васечкина и осторожно продолжил:

— Тут мне сверху звонили. Попеняли, мол молодым талантам дорогу не даем.

— Это вы, о чем? — искренне непонимающе ответил Иннокентий.

Директор внимательно изучал реакцию Васечкина. Видимо, увиденное его удовлетворило, и он спокойно продолжил:

— Звонили из горкома комсомола. Ты там заявку на выставку вроде подавал.

— Ну да. Только мне пока ничего не ответили. И при чём здесь вы?

Корзон кивнул:

— Давай, Кеша, по порядку. Я все-таки тебе не чужой человек. Принял, обогрел, плачу неплохо. На всякие там шалости глаза закрываю. Видишь ли, в чем дело, Иннокентий. Я состою в художественном совете при отделе культуры горисполкома. И по уму подавать заявку следует через меня.

— Я не знал, Абрам Савельевич. Честно, не знал.

Директор понятливо кивнул:

— Верю. Эх, молодость! Давай сделаем так. Ты подпиши вот здесь и здесь, а я подам твою заявку, как положено. Ну и замолвлю за тебя словечко перед кем надо. Ну ты понимаешь.

Васечкин отлично понял. Человек хочет и себе галочку поставить. Но ему не жалко. Особенно если делу полезно. Корзун мужик невредный и на шалости с халтурами глаза закрывает,

так что стоит его уважить. Но текст надо прочесть, особенно сноски мелким шрифтом. Как ни странно, но Абрам Савельевич отнесся к внимательному изучению заявки положительно. Сразу видно грамотного человека! Получив подписанные документы, он благосклонно спросил:

— Ты уже тему придумал для своей персоналки?

Что заставило Васечкина такое брякнуть, истории осталось неизвестно.

— Я хочу посвятить её советским женщинам. Думаю, к празднику 8 Марта отличный повод.

Директор лишь озадаченно хмыкнул:

— Неплохо придумано. Это поспособствует её быстрее протолкнуть. Тащи готовый материал, помогу отобрать.

В уютном закутке его уже ждал чайник и довольные собой старички-разбойнички. Кеша быстро пришел в себя после делового разговора и выставил на стол закуски.

— Я пока приму клиентов, а вы все расставьте.

Брагин и Герман задумчиво оглядели молодого коллегу и отослали его в салон. Там уже собралась небольшая очередь на документы.

— Три и на четыре?

— Да.

— Садитесь, пожалуйста, на стул. Сейчас смотрим сюда. Спину прямо, не двигаемся, — Иннокентий быстро проверил резкость клиента по глазам. Он уже привык к перевернутому изображению. В «Салюте» через призму кадр выглядел так же. Поставить кассету, перевести мультипликатор в нужное положение, чтобы закрыть поле кадра маской три на четыре, вынуть шибер, затвор. — Снято! Заходите за фотографиями после четырнадцати.

— Спасибо. Минуточку, товарищ, сейчас перезаряжу и позову вас.

На одну листовую пленку 18 на 24 с помощью мультипликатора можно было снять несколько снимков на документы. Одну он уже полностью занял и отправил сейчас в закрытой кассете в лабораторию. Мартын Петрович проявит в большом баке, в котором проявитель месяц не менялся. Только доливали немного свежего. Листовая пленка такой подход мужественно терпела. Что ей будет?

— Следующий!

Бессовестно оставив Алену на стреме, все уселись чаевничать. Бутерброды заготовлены, зефир лежит выгодно смотрящейся горкой, чай налит. Иннокентий отверг попытки старичков плеснуть ему в чай янтарного напитка и поведал о происшествии в кабинете директора.

— Какой хитрый жук! — многозначительно воздел палец вверх Брагин. Герман же был не столь категоричен:

— А я бы согласился. У Савельича там связи.

— Я и подписал.

— И молодец!

— Чему посвятишь?

— Советским женщинам!

Оба пенсионера пролили чай, а затем чертыхаясь взирали на Кешу, как на пришельца с другой планеты. Пришлось раскрыть свой хитрый план.

— А ты не дурак, пионер.

— Хитрый ход. Взрослеешь, пацан! Но следует соответствовать.

— Ничего, чего-нибудь придумаю.

— Ну, ты это, маякни, если чё надо. Рамки мы тебе найдем. Почти забесплатно. С оформлением поможем.

— Спасибо.

— Нет, спасибо еще рано. Мы еще подарок тебе не вручили.

По взглядам старичков-разбойников Кеша почувал неладное. Неладное поставили перед ним в виде увесистой коробки с броским названием «Киев-15».

Васечкин заглянул внутрь и офонарел. Это один из немногих профессиональных фотоаппаратов, производящихся в СССР. Тяжелый, металлический, он внушал уважение. Кеша тут же вспомнил его характеристики. Киев-15 был оснащён автоматикой приоритета выдержки, которая управлялась экспонометрическим устройством. Выдержки затвора от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{1000}$ с. Синхронизация с электронными вспышками на $\frac{1}{60}$ с, экспонометр имел два режима работы: нормальный режим и режим работы в условиях недостаточной освещённости. В фотоаппарате «Киев-15» использовался уникальный механический веерный затвор с балансирным устройством — это минимизировало вибрации камеры при срабатывании затвора, камера была выполнена в прочном металлическом корпусе.

«Что еще тебе надобно собака сутулая?»

— Очуметь можно! И вдобавок три объектива!

Широкоугольный Мир-1 Автомат, штатный Гелиос-81 и портретник Юпитер-9 Автомат с фокусным расстоянием 85 и офигенной светосилой в 2.

— Все как положено,- с гордостью объявил Брагин.

Васечкин же положил все обратно и заявил:

— Я не могу принять такой подарок. Спасибо, но это уж слишком.

— Но почему, Кеша?

— Да вы что, очумели оба? Он же столько денег стоит!

Герман налился краской и выдохнул:

— Это подарок от всего сердца. А ты о деньгах!

Фрол Никодимыч посмотрел на товарища и тяжело вздохнул:

— Я же предупреждал, что он гордый. Эх, Васечкин, Васечкин...

Иннокентий понуро смотрел на старших товарищей. Если бы не они, то гнил бы он дальше в ЖЭКе или пошел на завод.

— Чего смотришь? Бери! Пока дают.

— Правда, извините. Но...

— Никаких но, Кеша. Ради нашей дружбы и твоего деда.

В горле неожиданно встал ком, Васечкин смотрел на старых, но так и не согнутых временем мужиков. Какие они все-таки молодцы! Он же их смертельно обидит.

— Давайте! Но право, вы меня в неловкое положение поставили.

— Вот не надо, Кеша. Ты меня вон как выручил. Взял все обязательства и выполнил. Иначе поперли бы старого деда на пенсию и на седины посмотрели.

— Фрол прав. Работы ты не боишься. Товарищ хороший, верный. Имеем мы право сделать тебе пусть и дорогой, но сюрприз.

— Имеете, — вздохнул Иннокентий.

На самом деле подарок был поистине царский. Суть даже не в деньгах. Хотя на первый взгляд тут всего на Пятихатку минимум. Сейчас он нисколько не зависел от оборудования фотосалона. И если получится уехать в Москву, то поедет не с голыми руками. Возможностей Киева с имеющейся оптики хватит на большинство задач. А телевик ему пока и не нужен. Он не спортивный репортер. На самом деле эта камера — его свобода. И еще есть старый коллекционный Контактс, что можно поменять или продать в крайнем случае.

Чаепитие продолжилось в приятном настроении.

— Но где вы его взяли? Такие камеры в свободной продаже не стоят.

Герман скупно усмехнулся:

— Есть связи. Ты лучше проверь аппарат сегодня в деле. Да и к выставке пригодится.

— Хорошо, — но не успел Кеша закончить фразу, как в дверях появилась недовольная Алена.

— Васечкин, там тебя к телефону твоя...шаланда белобрысая спрашивает.

— Вообще-то, её зовут Анжела.

— Да мне все равно.

Старички ехидно переглянулись. Приемщица не оставляла надежды охмурить высокого блондина. Вот и сегодня её самошитое трикотажное платье выгодно облепило все округлости девичьего тела. Но Иннокентий мужественно держался. Его могущественные причиндалы были востребованы элитными девушками.

Поработать в тот день толком не удалось. Иннокентий неожиданно для себя оказался

личностью популярной. Для него такой статус был необычен. И жутко понравился. Позвонили из горкома, передав через референта сердечные поздравления от Семена Семеновича. Затем отзвонилась комсомолка Светлана, сухо поздравив и поинтересовавшись, как там дела с выставкой. Договорились о встрече. О деловой встрече. Хотя... Светочкин голос внезапно разбудил скрытые воспоминания. Да так, что пот потек с разгоряченного лица. Комсомольский задор, он такой.

Был еще звонки с управления, его поздравил Петр Нечаев с дружины, профком и парни с комбината, с которыми он обычно ездил на выезда. Отношение после аварии к Васечкину здорово изменилось. Вместо разухабистого увальня все увидели серьезного человека, с которым можно в разведку. А в эту эпоху — лучшая похвала. Кеша не особо замечая, и сам изменился. Внезапно мнение чужих людей стало для него важным. Да и делишки свои он обстряпывал, стараясь не создавать проблем хорошим людям. А с нехорошими чего разговаривать? Система позволяла идти в гору не только лишь по головам. Так пользуйся возможностями, что она тебе предоставляет! Дерьма в жизни и без тебя хватает!

Глава 31

Экономика должна быть экономной

Они сидели в лучшем ресторане города. Иннокентий решил отметить днюху с Анжелой отдельно в субботу. В свой день рождения все торжество у них закончилось как-то быстро. Бутылка шампанского и постелька. А сейчас хотелось Праздника. Заволжск не был большим городом, но во многом не уступал областному центру. Узловой железнодорожный узел, несколько важных для всей страны производств, плюс огромная стройка на окраине делали его лакомым кусочком для номенклатуры и всяких мутных личностей.

Зато в городе имелся собственный драматический театр, вокзал, парк и несколько ресторанов, не считая привокзального. «Старая Волга» был самым пафосным, хоть и не модным местом для развлечений. Но считалось, что если ты смог забронировать здесь столик, то ты чего-то добился в этой жизни. Анжела выбор Кешы оценила снисходительно, но ей и самой было любопытно. Золоченые мальчики и девочки тусили в других более модных заведениях. «Старая Волга» считалось местом для взрослых.

Но надо же когда-то начинать?

Как ни странно, но внутри было неплохо. Разноуровневый зал. Эстетика шестидесятых. Никакой позолоты и показной минимализм. Эта эпоха Иннокентию нравилась. Бедность того времени он принимал за упрощенность и сдержанность. Их усадили немного в сторонке. Но не потому, что двое молодых людей оказались не того ранга. Просто центр зала занимали столы на большое количество народа. Им же предоставили уютный столик на двоих.

— Ты как сумел здесь забронировать место? — поинтересовалась девушка, изучая меню. — Да еще в субботу. Даже у меня нет таких связей.

— Зато есть у Абрама Савельевича, — усмехнулся Иннокентий. Подготовка к выставке уже приносила зримый гешефт. Непонятно, что с этого имел директор, но перспективы радовали. Во всяком случае Шпакову идея понравилась. Горкому тоже нужны галочки. Отчетность никто не отменял. Тем более что неумолимо надвигался 25 съезд партии. Все только это и обсуждали.

Девушка фыркнула:

— Говорящее имя.

Иннокентий поднял удивленно брови. Неужели сионистский вопрос волновал столь юную даму? Сам Васечкин был далек от предрассудков. Иначе ни одной машины не продашь. А придет кавказец и скажет — Хочу «Пассат». А ты ему вместо продажи Фольксвагена предложишь еще и «Серато».

— Заказывай чего хочешь, дорогуша.

— Кеша у нас сегодня богатенький Буратино?

— ЗряЮ что ли работаю? Деньги надо шинковать, не стоит над ними тухнуть.

— Правильно мыслишь. Не то будешь откладывать и откладывать, а потом и поздно будет.

— Живи, пока живется?

— И давай другим. Официант!

— Уже выбрали?

Никаких молоденьких девочек и мальчиков. Клиентов ресторана обслуживали взрослые достойные люди. Внушающие доверие и знающие свое дело. Васечкин сильно подозревал, что этот усатый сможет и квартиру для «отдыха» организовать, такси, да и девочек легкого поведения посоветовать. Хотя за ними приходили именно сюда. Опытный взгляд любителя поклубиться несколько таких пассий уже отметил.

— Мне салат морской, пожалуйста, и запеченный судак.

— Хороший выбор, барышня. Судака у нас сам шеф готовит. А вы, молодой человек?

— Салат витаминный. Что посоветуете из мясного?

— Жаркое по-деревенски. Фирменное блюдо подается в горшочке. С грибами и овощами.

— Отлично. Еще фруктов и бутылку Хванчкары.

— Принято. Салаты принесут быстро.

Они перекусили, немного выпили. Все было вкусно, даже вино Кеше понравилось. В будущем он к грузинскому пойлу испытывал резкое недоверие. А в советскую эпоху его еще можно было пить.

«Внесем в список».

Лабухи затренькали гитарами, вокалист произнес приветственное слово и по залу поплыли первые ритмы чего-то забойного.

— Музыка. Кеша, пошли танцевать.

Иннокентий танцевать любил. Правда, с телом Васечкина совершать всевозможные па из будущего было сложновато. Но обойдемся и этим! Все равно Кеша выделялся на танцплощадке своей раскованностью, и это здорово нравилось Анжеле. Она не раз говорила, что по тому, как человек танцует, можно было судить, насколько он хорош в постели.

— Музыка, еще танец!

Товарищ с Востока танцевал жестоко и в четвертый раз одаривал ресторанных лабухов красной бумажкой. Ему точно пара нужна!

Вкусив горячего, Кеша заказал еще бутылку вина, а музыканты после разухабистых танцев включили медляки. К Анжеле тут же подкатили какие-то наглые личности, не понимающие русского языка. Пришлось Иннокентию встать в полный рост и объяснить приезжим гражданам правила поведения в городе Заволжске. Обошлось без мордобоя. За этим жестко следит местный вышибала. Иван с Васечкиным был знаком накоротке, в один спортзал ходили. А два дюжих русских мужика могли успокоить кого угодно.

Так что никто не помешал им потанцевать всласть. В целом публика в ресторане собралась приличная. Но помня о ценах, Иннокентий задавался насущным вопросом. А на какие, собственно, шиши гуляют граждане? Одно дело, та большая компания, отмечающая чей-то юбилей. Или семейные пары, выбравшиеся в кои веки на знаковую годовщину. На праздник копят, да и публика там была попроще. Привычный замечать мелочи Васечкин отметил, что многие из сидящих точно были завсегдатаями. Общество равных или ровных возможностей существовало в советской стране?

«Откуда деньги, Зин?»

Как ни странно, но и туалет ресторана обделан не по совковому и не засран от пола до потолка, а выглядит вполне прилично. Вот здесь Васечкина и перехватили. Сначала подошел Ванятка, помялся немного, потом заявил:

— Кеш, тут люди с тобой поговорить хотят. И это не обсуждается.

Иннокентий изумленно оглянулся. Такой подставы от знакомого он не ожидал.

— Бить хотят?

— Ты чего, братан? Деловые они. Но все равно там осторожней.

— Спасибо.

От стены отделились две разношерстные личности. Судя по хорошим костюмам и холеным лицам точно деловые. Но что им от него надо? Незнакомцы тут же перешли к насущному.

— Васечкин? Иннокентий? Отойдем, дело есть.

Пузан с характерным лицом одной национальности отвел Кешу в сторону и тут же представился:

— Меня зовут Лев Абрамович Каскад. Это, — он кивнул в сторону загорелого до черноты представителя азиатской республики. — Сулейман Сулейманович Кадыров.

Кеша ухмыльнулся. Какие говорящие имена!

— Очень приятно! Меня вы уже знаете. Чем обязан?

Каскад воровато оглянулся, но они и так зашли в закуток, огороженный пальмами, растущими в кадучках. Откуда они в Заволжске взялись, истории осталось неизвестно. Но от посторонних взглядов мини-деревья скрывали хорошо.

— Нам было бы интересно узнать, куда пропал гражданин Герасимов.

— Не знаю такого.

— Не ври...те, Иннокентий, — в глазах пузана неожиданно прорезалась смертоносная сталь.

— Мы точно в курсе, что вы были хорошо знакомы.

— Может быть, — пожал плечами Васечкин, внезапно почувявший откровенную угрозу, исходящую от этой пары. — У меня полгорода знакомых. И что?

— А то, что Герасимов ввязался в одно дело, но забыл за него рассчитаться.

— Его проблемы.

— Да нет, молодой человек, — Каскад подошел вплотную, сузив свои глаза навывкате. — Это наши общие проблемы. Как и вашего знакомого Владимира. Это ведь с его девушкой вы сейчас пришли в ресторан? А, Кеша?

«Едрический скандал! Это же Герыч и Вован! Вот я попал! И кто это такие?»

Выдержке Васечкин научился еще в теле Петрова. Иначе сложно впаривать всякую хрень покупателям. И если эта наружность еще поначалу себя выдавал, то сейчас на его лице не дрогнул ни один мускул. А ведь серьезные ребята. Кто они и что за дела мутили с Герычем? Что-то с завода вывозили по поддельным документам? Так завод-то у нас на оборону

работает. Новая стройка его здорово расширяет. Вот ведь лядство! Даже в жутко коррупционном будущем за подобные дела ФСБ за яйца брало. А Кеша и не в курсах, что творил Васечкин прошлый.

— Вована знал, шмот у него брал, не отрицаю. Но с кем он дальше дела крутил, без понятия.

— Тебя видели с Герасимовым. И не раз, — вступил в разговор Сулейман. Говорил он чисто, без акцента и лицом смахивал на Саида из фильма «Белое солнце пустыни». Осталось услышать сакраментальное «Стреляли!»

— Я на газету горкома работаю, с кем меня только не видели.

Васечкин продолжал играть непонимание. Чужаки переглянулись, разговором они явно остались недовольны. Каскад распевно протянул, разглядывая Васечкина, кака некое надоедливое насекомое:

— Дело твое, Кеша. Но мы запомнили, что ты сказал. Увидимся.

Прощальное слово больше напоминало жесткую угрозу.

«Эфиоптвоюмать! Обнадежили».

— Ты где пропадал? Несвежее съел?

«Чисто мамочка Алисы! Эх, как же тебя покрутит, милая, в грядущие годы!»

— Да нет, нормально все. Знакомые просто встретились, языками сцепились.

— А я, значит, должна одна сидеть! Могла бы с кем-нибудь потанцевать.

— Не нагнетай, Анжел, — Кеша сунул в рот дольку мандарина и запил вином. Он лихорадочно соображал. — Ты не знаешь, куда Вован пропал?

По лицу девушки как будто пробежала тень.

— Ты, дурак, все еще ревнуешь?

— Дело не в этом.

Анжела быстро просекла поляну и резко наклонилась вперед.

— Разговор с твоими знакомыми его касается?

— Серьезные люди этого баклана ищут. Узнать бы во что он вляпался.

Девушка взяла бокал вина, задумчиво рассматривая Кешу.

— А ведь это ты с ним какие-то дела в прошлом мутил. Вова как-то обмолвился об этом. И

какого-то Херыча вспомнил.

— Какие не знаешь?

Анжела фыркнула:

— Это я должна знать? Не признаю вас в гриме, Иннокентий!

Кеша набычился, попытавшись разрулить ситуацию мирно. Помощь юной спекулянтки ему была нужна остро:

— Ты не очень врубаешься, девочка моя. Эти деловые знают, что ты подруга Вована. Смекаешь? А я вот честно ни хрена не помню. После отравления как будто часть памяти отшибло, зато забытое старое вспомнилось. Фотография, например. Не хочу к врачам ходить, потом проблем не оберешься.

Анжела соображала быстро и была уже собрана:

— Помню, рассказывал. А ведь такое бывает, амнезия короткой памяти. Слышала, что ты здорово изменился.

— Собираешь обо мне сведения?

— Ну вот еще! Город просто маленький.

«Зашибись я подставился. Валить надо отсюда, да побыстрее!»

— Что с Вованом.

— Да пропал как две недели, скотина. Взял у людей товар и исчез. В городе точно его нет. Давно бы нашли, идиота. Он же себе весь бизнес порушил. У нас так — слово не сдержал, вали из дела на фиг.

— В бега ударился. — мрачно констатировал Васечкин. Этого еще не хватало! Единственная зацепка к прошлому. Надо было ему подробней Герыча расспросить. Но по условиям они и сам должен все знать.

«Попадаलो!»

— Люди серьезные. Не ваши барыги, большим капиталом ворочают. Герыч их кинул, они на нас подумают.

В глазах Анжелы на секунду показался откровенный страх.

— И что делать будем?

— Снимать штаны и бегать! — Иннокентий задумался. — Сиди на попе ровно. Свои

гешефты на некоторое время прикрой. Все.

— Но...

— Без но и без ну, Анжелочка! Сиди и не рыпайся! Я пока буду решать проблему. Я же герой! Маньяков одной левой!

Внутри себя Иннокентий не был так уверен, но наружу выдал победоносную улыбку.

Глава 32

Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!

— Поздравляю. Не каждый в таком юном возрасте удостоивается подобной чести.

— Спасибо за добрые слова.

Эх, ничего не меняется. Улыбка на лице председателя местного отделения Союза Художников не скрывала выражения его глаз. Завидует, сука. И думает, как молодой хлыщ смог попасть в фавориты? Эти деды полжизни положили, рисуя пейзажики и ударниц коммунистического труда. А тут на — и персоналка.

«Не тех трахаете, уважаемые. Сисястые комсомолки — наше все!»

Редкий случай, когда через постель в искусство врывается мужчина. Но моральная сторона дела Иннокентий сейчас не беспокоила. Какая мораль может быть у дитя девяностых? Где вы были, чертовы моралисты, когда его родители жили рвали, чтобы обеспечить существование семьи? Может, мама бы не померла, если бы средства для лечения и врачи были. Так что без обид. Семидесятые для плотоядного Кеши это по сути обеденный стол. Он осознал такое положение дел еще летом и начала действовать. Понемногу, потихоньку, но разгон дан. Главное сейчас — пока не выделяться!

Васечкин оглянулся. В зале городского Дворца Культуры, несмотря на наступающий вечер, бродило немало народу. Его снимки на самом деле оказались интересны публике. Редкая официозная выставка, где не только для галочки. Иннокентий вспомнил, в какое негодование пришел художественный совет и организационная комиссия, когда он в первый раз представил свои снимки.

— Это что такое, молодой человек? Что за авангард и вульгарщина?

Тон задавал очередная «серая мышь», но уже обличенная некоторой властью. Но Кешу было не так просто смутить.

— Это не авангард, Софья Павловна, а возвращение к нашему революционному прошлому. Посмотрите, пожалуйста, сюда. Или вы имеете что-то против пролетарской культуры первых лет советской власти.

Он протянул комиссии заказанный через третьи руки редкий экземпляр альманаха, посвященный советскому искусству двадцатых годов. А там было на что посмотреть. Члены совета и комиссии с интересом разглядывали фотографии и плакаты. Они родились позже, но со многим представленным были знакомы. Тетку же подвела элементарная культурная безграмотность. Которую при должном усердии можно было подвести, как политическую незрелость.

— Я подумал, что в то время, когда в столице нашей Родины проходит эпохальный двадцатый пятый съезд КПСС и на следующий год мы будем праздновать шестидесятилетие Великой Октябрьской революции, стоит обратить внимание на наши революционные истоки. Вспомнить «комиссаров в пыльных шлемах». Вы ведь все обещали не забывать их во время вступления в партию. Вспомните, что сказал Леонид Ильич Брежнев во вступительном слове к 25 съезду — «Каждый коммунист должен выполнять собственные обещания!»

Члены высоко комиссии оторопело взирали на молодого претендента. Чего-чего, а подобного политического эпатажа они не ожидали. А грамотную заготовку ему сваяли старички-разбойники. Даже Семен Семенович, формально присутствовавший от горкома и скромно сидящий в сторонке, раскрыл рот от изумления. Светлана Михайловна, наоборот, намурила брови. Впечатления смазал ехидный старичок от Союза Художников. Эти уроды вечно топили набирающих силу конкурентов. Не хотелось им делиться ништяками, что щедро дарило членам Союза государство. Мастерские, средства на выставку,

— Но позвольте, при чём здесь женщины?

— Так мы экспозицию приурочиваем ко дню 8 Марта, — сухо пояснил член организационного комитета.

Художник ничего не понял, но благоразумно промолчал. Праздник революционный и, значит, идеологически важный. Совместить два, даже три в одном для товарищей из горкома очень радостно. Но «серая мышь» уперлась рогом и не унималась.

— И поэтому вы решили сразить всех эпатажем?

— Простите, а в чем он выражается? Ракурсы, свет, эстетика? Все из двадцатых годов. Это то время, когда закрепощенная женщина царской России благодаря советской власти обретала свободу. Строились детские сады, кухни-кулинарии, в первые у женщин появились социальные права. На отдых, отпуск и пенсию. Они начали активно участвовать в жизни страны. Отсюда и короткие прически, свободная, не мешающая спорту и движению одежда. Завоевания Октября, кстати, никто еще не отменял. Вы же сами отличный этому пример.

— Что? Почему?

Все с любопытством уставились на Васечкина. Такого горячего напора от претендента они явно не ожидали. Даже Светлана сменила гнев на милость.

— Ну, вы же свободно получили отличное образование. Вы смогли заняться общественной

деятельностью наравне с мужчинами. И даже добились на этом поприще некоторых успехов. Скажите, это было бы возможно при прошлой буржуазном режиме?

— Нет, конечно! — тетку внезапно проняло. Может, она и была «серой мышкой», но не душой точно и быстро смекнула, куда клонит Васечкин. Феминизм в этом времени понимался превратно с четким пролетарским эффектом. — Ну, если вы так считаете...

Члены комиссии начали переглядываться между собой. Никому не хотелось залезать глубоко в идеологические бредни, тем более в присутствии представителей партии и комсомола. Ну его на фиг, подумали они и начали обсуждать конкретные фотографии. Этого Иннокентию и было надо. Несколько по-настоящему эпатажных снимков он принес специально, потому с легкостью от них отказался. Еще пару откровенно художественно слабых жестко отрецензировал «Художник». Васечкин немного с ним поспорил для порядку, и в конце концов, признал его правоту, удостоившись от старого пердуна снисходительной усмешки. Но зато тот принял остальные фотографии вполне благосклонно, повлияв тем на мнение высокой комиссии.

После отборочной довольного Васечкина перехватил накоротке Семен Семенович.

— Ты где так научился подковано соловьем заливать, Кеша?

— Учусь, Семен Семеныч. У нас же большие перспективы впереди вырисовываются. Надо соответствовать.

Руководитель отдела горкома партии хмыкнул.

— Ну все лыко в строку. И главное — как политически грамотно. Я тогда, пожалуй, на твою выставку товарищей из обкома приглашу. У тебя и в самом деле есть на что посмотреть. Так держать! Май уже скоро!

Не успел Васечкин проводить взглядом куратора, как услышал бархатный голос комсомолки:

— Кеша, а ты часом не охренел?

— В чем проблема, Светочка?

Серые глаза женщины полыхали скрытым гневом. Или неутоленным сексуальным голодом. Иннокентий внезапно понял, где проведет сегодня вечер и ночь, и начал раздумывать, что следует купить к романтическому ужину. Тут же озвучив свои размышления старой подруге. Рязанова непритворно задохнулась от совершенно искреннего возмущения. Но по глазам было заметно, что согласна на все.

— Красиво, — заметила ухоженная светловолосая дама, кого-то неуловимо напоминающая. — Но ощущается влияние американского пин-апа. Не так ли, молодой человек? Вас, кажется, Иннокентий зовут? Мне дочка о вас рассказывала.

С нутряным ужасом Кеша осознавал, что эта важная дама из отдела культуры, и есть мама

Анжелы. Он же в том будущем мире её никогда не видел. Хоть и блондинка, но дочь на нее несколько не похожа. Её в Швеции принимали за свою. Какая порода!

«Нет, её я трахать не буду!»

— Каюсь, использовал некоторые моменты. Подумал, что стиль двадцатых годов в производственном антураже будет смотреться несколько вычурно. И решил смягчить его.

— И этим придали эротизма своим снимкам?

«Вот это глазища! Смотрят прямо в душу!»

— Ну, каждый понимает в меру...

— А вы нахал, Иннокентий.

— Стараемся.

— Теперь понятно, что дочка в вас нашла. Но будьте осторожны, молодой человек, на тонком льду не поскользнитесь.

— Тамара Алексеевна, какими судьбами?

Семен Семенович, как всегда, появился вовремя. Он сегодня буквально сиял. Выставка прошла на ура и, видимо, очень понравилась гостям из области.

— Да вот столько разговоров о молодом даровании...

— И правильно говорят! Иннокентий стал событием года. Кеша, готовься ехать дальше.

— Куда, Семен Семенович? — растерялся Васечкин.

— Сначала в область, а там и... Еще увидимся! — Шпаков растворился в наступающей вечерней тьме, а Иннокентий перехватил любопытный взгляд мамы Анжелы. От нее не утаилось их с Семен Семеновичем тесное знакомство. Видимо, мамаша уже прикидывала, как бы покладисто уложить свою дочку в постель новому фавориту. В семидесятые это тут же подразумевало брак и последующие преференции.

«Мадам, вы опоздали. Да и дочурка ваша думает уже совершенно иначе. Что поделать, другое поколение!»

Васечкин считал, что золоченая молодёжь уже в эти годы ведет себя, как начнут все остальные лет так через десять-пятнадцать. Они первые поняли, что все вокруг тухнет и впереди большие перемены, к которым стоит подготовиться.

Идея созрела во время просмотров старых советских черно-белых фильмов. В будущем Иннокентий такие терпеть не мог, и ничего кроме цвета не признавал. А здесь телеканалов

всего было ничего и по взятому напрокат телевизору смотреть особо нечего. И внезапно Васечкин открыл для себя кино двадцатых и тридцатых годов. Наверное, все-таки глубоко в душе он был художник. Или им был тот отравившийся насмерть Васечкин. Так или иначе, но «стайл» тех лет ему однозначно зашел.

Осталось придумать концепт и воплотить его в жизнь. И еще прикинуть, как выгодно подать это партийно-профсоюзной публике. Технические решения Кеша взял на себя, а с идеями помогли старички-разбойники. Они пришли в полный восторг и с большим энтузиазмом достали Кеше старые журналы, тот альманах и плакаты. Посмотрев оказией знаменитый «Броненосец Потемкин» и изучив под лупой известные фотографии Александра Родченко и Бориса Игнатовича. Васечкин продумал эскиз будущих снимков, согласовав попутно с Корзоном идею. Проекту был дан «зеленый свет». Выделена техника и материала. Даже с машиной помогли.

Началась горячая пора. При покровительстве высокого идеологического начальства договориться с руководителями предприятий, цехов и учреждений было не так сложно. Партий сказала надо — начальник участка заткнул луженую глотку. Отбор моделей также не занял много времени. Эпоха гламурных красоток с утиными ртами и силиконовыми титьками еще не наступила. Все выглядело предельно натурально и ёмко.

Для мейкапа и создания причесок уже был присмотрен человек с их комбината. Иннокентий часто ездил с ними в район и потому был со многими работниками знаком накоротке. Тем более что каждый выезд оплачивался. Плюс используемая польская косметика должна была отойти после съемок Наташке, что помогала ему создавать образ каждого снимка. С освещением в цехах было так себе и потому зашевелилась техническая мысль Васечкина. Паяльник, провода и старые вспышки, дождевые зонтики и растерзанные экраны для кинофильмов превратились в итоге в подобие софтбоксов и отражательных зонтиков. Что здорово помогло выстраивать нужный свет и не использовать пленку высокой чувствительности. Кеша отнюдь не был поклонника зерна или искусственного шума.

Изображение должно быть четким и контрастным!

Съемка проходила на салонный фотоаппарат «Салют». Директор «Юпитера», не скупясь, выделил кучу Ролфильмов, как и бумагу. Фонды у него имелись. Это же престижно, когда фотограф салона участвует в знаковой выставке. Народ в Союзе был в меру простой, но временами здорово настырный. Предложений о помощи во время фотосессий было больше, чем требовалось. Каждая съемка в итоге превращалась в целое шоу с шутками, прибаутками, с попутной съемкой бэкстейджа. Народу такой подход нравился. Никакой элитарности, а настоящий выход искусства в массы!

Вдобавок ко всему Васечкин приобрел на предприятиях массу клиентуры. Особенно клиенток. Да и руководство сполна оценивало мастерство молодого фотографа. Многие решил поменять снимки на Доске Почета. То-то Оксана «Ротару» будет недовольна! Затем пришел через «художественной» печати. Подбор нужного контраста, печать через маски, ловкое жонглирование рук перед объективом во время засвета кадра. Жесткая ругань со стариками-разбойниками. У всех был собственный взгляд на печать и на итоге. Но все-таки

совершили, построили. На пятнадцати фотографиях оказались созданы образы «пролетарских женщин» на своих рабочих местах. Разных возрастов и разной толщины, они запечатлели трудовой подвиг обычной советской женщины. У станка, у кухонной печи, за баранкой машины, у бухгалтерского стола

Хотя многие зрители отмечали излишнюю вольность в позах и одежде. Это уже было влияние тлетворного капиталистического будущего. Ну что поделать, Петров не мог обойтись без этого. Но все равно смотрелось шикарно. Яркая косметика на лице, контрастные тени под глазами, резко направленный свет, авангардные ракурсы, все это делало снимки какими-то «ненашенскими», вызвав интерес у совершенно разных людей.

Васечкина поздравляли, им восхищались. Он и сам собой гордился. Даже та неприятная встреча в ресторане отошла пока на второй план.

— Тут пришла твоя... спекулянтка, — прошипела Светлана. Она с пристрастием рассматривала соперницу, которая пришла на выставку уже к вечеру и со стильно одетой компанией. — И что ты в ней нашел? Ни кожи, ни рожи.

Васечкин покосился на высокую грудь Светы и благоразумно промолчал, но отметил для себя, что комсомолочка слишком много знает. О второй жизни Анжелы мало кто ведал. Откуда течет, интересно?

Он, будучи в эти дни плотно занят, редко общался со стройной блондинкой и потому был откровенно рад её увидеть. Судя по взгляду Анжелы, она так же.

— Ребята, это и есть тот самый фотограф Иннокентий!

Девушки оценили атлетичную фигуру Васечкина в приталенном пиджаке, под которой тело плотно облегла фирменная водолазка. Выглядел он сегодня богемно. Худощавый паренек в очках и джинсовом пиджачке глубокомысленно заметил:

— Я честно говоря, думал, что будет тоска. Но ты меня смог удивить. Смело! И как такое пропустили?

— Просто для высокой комиссии нужно подобрать правильные слова.

Мажоры рассмеялись. Все они были циниками. Потому что это их родители придумывали для пипла правильные слова и делали все наоборот. Кеша же откровенно рассматривал яркую шатенку. Вернее, её блузку, под которой рвалась наружу объемистая грудь не меньше четвертого размера. В это момент почувствовал под пиджаком на спине острые коготки Анжелы.

Крепкий паренек, явно спортсмен, представившийся как Николай, оценил рукопожатие и спросил:

— Чем занимаешься?

— Да всяким.

— Смотри. У нас тут секции карате открылась. Не для всех. Такие могучие парни там нужны.

— Спасибо, я подумаю.

— Анжела, было интересно. Спасибо, что пригласила. Хоть кто-то в этом городке мыслит современно. Кеша, не теряйся, мы любим интересных молодых людей.

Шатенка заливисто засмеялась. Остальные также вполне искренне поздравили новоявленного фотохудожника. Похоже, что его приняли в стаю. Такие баловни судьбы обычно любят людей успешных, примеряя их удачу на себя. Только вот нужны ли они уже Иннокентию? Нет, если бы он планировал остаться в городе, то подобные знакомства обязательногодились. Но сейчас?

— Тебе они не понравились?

— Да нет. Нормальные ребята. Особенно та... Эй, больно!

— Не смей глядеть в сторону Изольды! Она та еще шлюха!

— Ты уже ревнуешь?

— Конечно! Сначала с комсомолкой терся, думая, что я не вижу. У тебя с ней было?

— Мудро не отрицаю. Ох, Анжела, больно же! И это было до тебя. Ты же меня всего расцарапаешь.

— Обязательно. Сегодня ночью всю спину.

От милого шепота на ухо у Кеша буквально подкосились ноги. Умеет Анжелочка плести из мужиков сети! Но они давно не виделись и надо было стравить пар.

— Тогда я за шампанским?

На улице за вышедшей из Дворца Культуры парочкой наблюдали из старого неприметного «Москвича».

— Это он?

— Точно. Ошибки быть не может.

— Она?

— Эта самая сучка. Вова к ней ходил.

— Интересно. Гера пропал, Вова несколько месяцев гасился, затем, как в воду канул. А этот... Кеша милуется с его подругой. Ничего странного не находишь?

— Может...

— Только без резких движений. У шлюшки родаки из начальства. Да и пацан больно крученный.

— Тогда работаем, не спеша. Поехали к капитану? Надо его зарядить заранее.

— Ох, жадный он.

— Как и все твои земляки.

Глава 33

Если где-то человек попал в беду, мы поможем — мы все время на посту

— Не понял, а кто свистнул мою колбасу? И сыра нет с сосисками.

Анжела после праздников свалила на дачу, чтобы зря не отсвечивать в городе. Кеша сейчас питался или в столовых, или в общаге. Поэтому девственно пустой холодильник стал для него большой неожиданностью.

— И у меня кто-то пошарился.

— Ребята, что за на фиг?

— И водки нет.

Сапожник Юра в своем репертуаре. Он пил часто, но по маленьку. Поэтому здорово расстроился, заметив, что бутылка пропала. Кеша почесал затылок.

— Надо разобраться.

И в самом деле непонятно. Воровство в общежитии было делом неожиданным. Люди, если и брали что-то, то сначала спрашивали или оставляли записку. Бывало такое, что забыли с вечера купить масло или яиц. Обычно все это на следующий день возвращалось или докладывалось. А тут как Мамай по кухне прошел. Нагло и беспринципно. Так оставлять это дело было нельзя. Гниду следовало найти и наказать.

Коллективные поиски привели народ на четвертый этаж, где временно проживали работяги с ударной стройки. С ними бытовики пересекались редко, жили те наособицу. Дверь в указанную соседями комнату после настойчивого стука открылась и в проеме показался самый настоящий амбал. Ростом не меньше Васечкина, но заметно шире его в плечах. А разъевшаяся рыха даже в форточку не влезет.

В руках он держал початый круг копченой колбасы.

— Осб зараза, даже не ховається! Це ж мени родичи с села прислали! — от волнения Петро перешел на ридный суржик.

— Товарищ, — попробовал по-хорошему договориться Иннокентий, — у нас так не принято по чужим кухням крысить.

— Чего сказал?

Видимо, злой взгляд и сжатые пудовые кулаки должны были напугать Кешу, но он даже глазом не моргнул и рассматривал чужака как насекомое.

— Вас как зовут, товарищ? — влезла в разговор Валентина.

— Бас. Тебе то чего, кошелка крашенная?

— Вы что такое себе позволяете? — удивилась девушка. — И вовсе я не крашенная!

Иннокентий острым взглядом фотографа уже заметил синие кольца на пальцах крысы и партаки на открытом плече. Бас стоял в майке алкоголичке, чтобы подавить всех своей природной мощью. Но если у Кешы под кожей четко просматривались мускулы, то тут все заплыло жирком. Гражданин криминальный авторитет целиком надеялся на свою людской страх и нежелание ввязываться в неприятности.

— Короче, баста! Я никому ничего не должен. Так что валите отсюда.

— Но это была моя колбаса, — было пискнул Петро.

— Уже нет. Предъявить мне что-то хочешь, фрайер? А угу не ого!

Народ попятился назад. Не привык с такими наглецами иметь место.

— Мы в милицию заявим!

— Давайте! Палите хату.

Иннокентий остался стоять в блоке, и когда Бас ожидаемо вышел на кухню, стукнул ему по плечу сзади.

«Долго ты, гражданин, поворачиваешься. Нет у тебя должной реакции!»

Амбал быстро пришел в себя и зло выкинул:

— Тебе чего, популярно объяснить, бычок недоделанный?

Иннокентий спокойно смотрел в злобные буркала неизвестного ему нахала. Что-то ему во

всем этом действе не нравилось.

— Ты кто и зачем здесь?

— Не твое собачье дело! За собой следи!

— За еду придется ответить.

— Заяву намалюешь? — ощерился Бас. — И не западло? Настоящие пацаны та дела не решают.

— Да мне по барабану. Не хочешь по-хорошему, можно и плохому.

Уголовник отступил на шаг и показал пудовые кулаки:

— Попробуй, щенок.

— Да не проблема.

Отход в сторону и Кеши ловко перехватил руку блатного и провели болевое. Тот утробно взревел, но вырваться не смог. Наконец, Васечкин отпустил амбала, толкнув его в угол.

— Приемчики, значит. Ничего, я побои сниму и сам на тебя заяву накатаю. Это дорога с двусторонним движением.

— Это мы еще посмотрим!

В всклоченном состоянии и голодный Васечкин поспешил на работу. Ему еще сегодня по заданию редакции на край города ехать. Как плохо, что нет собственной машины! Ездить он умеет, осталось выучить местные правила и сдать на права. Кстати, неплохая идея. Время еще есть. Где здесь учат? Мысли ненароком вернулись к Басу. Но каков наглец! Или решил проверить обитателей общаги на вшивость? Внезапно Кеша остановился прямо посреди протоптанного после недавних сильных снегопадов путика.

«Это жы-жы неспроста! Зачем явного уголовника селить среди обычных работяг?»

Повеяло холодом. И уголовничек какой-то странный. Не блатной явно. Тем с ментами связываться западло. Семь классов образования на лице. Силушкой не обижен, видать, начинал с отбора игрушек во дворе у малышни, затем дальше-больше. Пошел по наклонной и оказался в тюрьме по легкой статье. А там его деловые взяли в оборот. Шестерил на них скорее, вот и сейчас отрабатывает на кого-то.

«Вот и опорный пункт по пути, зайдем, заявление напишем, Мне это не в падлу, чужие дурацкие понятия соблюдать».

Самого участкового на месте не было, в кабинете сидела какая-то пигалица по делам несовершеннолетних, но бумагу от Кеши приняла.

Затем Васечкин замотался и совсем забыл про утреннее происшествие. Праздники и прошедший снегопад или что-то иное повлияло, но на документы в фотосалоне собралась нехилая очередь. Так что пришлось изрядно потрудиться. Затем обед и поездка на мукомольный комбинат. Их дирекция заказала новые портреты передовиков, стоявших трудовую вахту, посвященную 25 съезду КПСС. И за такой заказ неплохо оплачивали. Заодно он там сделал снимки для газеты,

И опять помогла хорошая аппаратура и выносная вспышка с самодельным складным зонтиком на просвет, сооруженным из парашютной ткани. Со старыми крепкими штативами проблем не было, шнур для синхронизации со вспышкой Кеша сам удлинил, схемы для светосинхронизации двух пых перепаял. И потому его освещение было не хуже, чем обычное дневное. Зато работать мог в любом месте. Поначалу в газете удивлялись, где их внештатник находит столько окон в самых неожиданных местах. Затем его «картинка» стала фирменной, радуя глаз читателей и зля штатного фотокорреспондента, до сих пор работающего с «Киев-4» и минимумом оптики.

Вечером отдав фотографии в редакцию, Кеша поспешил домой. На входе его тормознула вахтерша, нахмурено доложив ему:

— Тебя тут милиция искала. У коменданта сидят.

— Спасибо Евдокия Ниловна.

«Вот и первый ход» — мелькнуло в голове. — «Шустро ни ответили!»

Подождав, когда комендант выйдет, восточного вида милиционер в новенькой синей форме представился.

— Капитан Рашидов, ваш участковый.

— Доброго вечера.

— Садитесь.

Кеша удобно расположился у стола, покрытого клеенкой и без спроса налил себе чая. С комендантом отношения были дружеские, так что он особо не чинился. Капитан же неспешно достал серую папку и начал деловито раскладывать бумаги, явно затягивая разговор или таким образом действуя на нервы. Неужели милиционер считал, что так лучше работать с людьми? Или в его местности любой человек в погонах ощущал себя божеством? Кеша, наблюдая за его телодвижениями, лишь открыто усмехнулся, но по спине пробежал предательский холодок. Что-то здесь не так!

Рашидов глянул на пьющего чай Иннокентия, поджал губы и начал:

— Что же вы, уважаемый тень на плетень наводите? Заявление на хороших людей пишите.

— Это кто, Бас что ли у нас хороший?

— Человек встал на путь исправления. Завербовался на ударную комсомольскую стройку! А вы его обвиняете в краже колбасы. Некрасиво, гражданин.

«Ого, уже не товарищ!»

— Так он не только у меня взял. Это же самое настоящее воровство, товарищ капитан! Ну если голоден, то попросил бы, и так дали. Но не брать же без проса? У нас пока не коммунизм.

— Гражданин Васечкин, а доказательства у вас имеются? — узковатые глаза Рашидова сузились еще больше. — Остальные жители общежития не подтвердили ваши слова.

«Вот оно что, Михалыч!»

Иннокентий с интересом уставился на участкового. Он его раньше никогда не видел. Новенький? И еще прислан из далья. Поэтому кто такой Васечкин для местных ментов, не в курсе. Так бы действовал по-иному. Ведь его бумажку еще на уровне райотдела завернут. Кто же его зарядить поспешил? Да и Бас успел или договориться, или запугать всех, подставив тем Кешу. Это звенья одной цепи. Капитан между тем продолжил:

— И у меня имеется заявление от гражданина Басова, что вы пытались нанести ему увечья.

— И естественно без свидетелей и доказательств? — Васечкину надоело идущая клоунада.

Капитану не понравилась его показная наглость. Он гневно стукнул по столу:

— Не паясничайте! Это серьезное происшествие, и мы должны на это отреагировать!

— Реагируй, а я пошел.

— Стоять, я вас не отпускал.

— Иди в жопу, капитан. Нужны показания, вызывай к себе. Или к следователю. Там и поговорим, что да как.

Захотелось немного пройтись и подумать. Что-то тут не так. А приход участкового лишь предупреждение. На него явно давят. Те деловые? Черт, что же тут натворил Васечкин, что... Кешу от неожиданного подозрения буквально прошибло потом. Едрический скандал! А ведь этого Васечкина отравили неспроста. Видать, много знал. Подмешали что-то в пойло, вот он копыта и откинул, дав вселиться в тело Петрову из будущего. Но кто и зачем? Нужно срочно найти Вована! Только он что-то знает. Если еще жив.

Иннокентий повернул обратно к общежитию, проходя сквозь строения частной застройки. Идти пришлось по узким тропкам. Кругом огромные сугробы. За три дня намело так, как не насыпало за всю зиму. Спасла его отличная реакция. Парня сначала как будто обдало резким порывом ветра и тренированное тело в один момент кинулось вперед, совершив ловкий кульбит. Чья-то темная фигура, должна столкнуть его сугроб, здорово промахнулась, и сама

свалилась за тропу, буквально утонув в снегу. Но Кеша все равно не успел до конца уйти от неприятностей. Получив ускорение от повторного удара по голове, Кеша крепко приложился о стенку сарая, но успел в ответ ударить второго нападавшего кулаком. Хрустнуло, раздался визг и крик:

— Валим!

Васечкин хотел встать, но в глазах потемнело. Когда Иннокентий поднялся, то заметил в дальнем проеме между домами только черную тень. Но тусклый свет фонаря все равно проявил характерную походку вразвалочку.

«Бас, Сука!»

Это он ударил его чем-то. Вот оно лежит в снегу рядом. Размотав ткань, Васечкин обнаружил обычную кочергу. Зимняя шапка в очередной раз спасла. Но его явно не хотели убивать. Побить и припугнуть. Чтобы стал сговорчивей.

«Вот попал! Это просто так, как беременность не пройдет. Нужно закрыть гештальт окончательно!»

Отлежавшись, Васечкин осторожно двинулся к общежитию и спрятался за аляповатым архитектурным элементом, изображавшим соседнее крыльцо. Стало прохладно, начали подмерзать ноги и руки. Но Кеша мужественно стоял в засаде, совершая разминку и подпрыгивая. Этот хмырь должен обязательно вернуться для алиби!

Бас шел открыто и нагло, неспешно двигаясь вразвалочку. Потому он и проморгал внезапное нападение Васечкина. Нет, он не бил амбала кочергой, хватило подсечки и левого, затем вырубавший удар под шею. Не зря же он ходил в спортзал. Кое-какие приемы самбо у ребят дружинников подсмотрел. А силушки богатырской хватило, чтобы оттащить вяло брыкающегося амбала за сарай. Был там один закуточек, где страждущие могли бахнуть портвешку или других чернил, чтобы в общаге не светиться.

Прикрыв створки, Васечкин поднял уголовника, решая, что с тем делать. Не мудрствуя лукаво просто примотал кочергой к столбу. Взял и согнул железный прут вокруг могучей шеи Баса, пока тот приходил в себя. Не зря он гири все эти месяцы тягал. Быстренько обшмонав карманы амбала, Кеша нашел лишь кошелек с мелочью и удостоверение работника бетонно-растворного узла.

«Вот гад, шел на дело, сбросив все лишнее».

Загадок и узелков стало еще больше, и пора из них начать выпутываться. Май все ближе, осталось продержаться немного, и он свалит из родного городка строить свою жизнь в Советском Союзе дальше. Петров не выбирал ни это время, ни эту страну, так что не имел ни к чему почтения. Разве что к хорошим людям, что его окружали. Ради них он еще постарается. Но все равно он никому ничего не должен. Поэтому, глянув на ходячее недоразумение, Васечкин взялся за концы кочерги и начал её скручивать еще больше. Руки

уголовника были благоразумно стянуты за спиной его же ремнем.

— Еще придавить или поговорим?

— Ннее не надо, — захрипел Бас. Вся спесь и наглость с него сошла. Глаза обманчиво блестели.

— Вот и ладненько, — Кеша отжал концы немного обратно и жестко смотрел в побагровевшее лицо засланца. — Давай договоримся так. Ты отвечаешь на мои вопросы безо всяких условий. Потом посмотрим. Будешь ерепениться, я тебе трахею поломаю. До конца жизни останешься инвалидом. А меня менты отмажут. Был бы ты поумнее, то знал об этом. Если согласен, кивни. Вот и чудненько. Вопросы у меня простые. Ко тебя послал? Кто покрывает Рашидова? И какого хера им от меня надо?

— Ааа... подожди, все скажу. Мне такой расклад к хренам не сдался. Дай выпить, горло пересохло, — Кеша удивленно глянул на заговорившего амбала, — в валенке фляжка.

«Какой прошаренный чувак, а я дурак».

Но ножа в валенках не нашлось, а стеклянный фляжка с водкой вскоре стукнула по зубам Бас. Тот сделал пару глотков и ожил.

— Говори. Нам спешить некуда, вся ночь впереди.

— Я им должен. Проигрался в пух и прах по дороге. Вот и подговорили тебя шугануть. За это обещали должок простить и мазу дать. Кто ж знал, что ты такой здоровый. Я еще никого в жизни сильнее себя не встречал.

— Все бывает в первый раз, — флегматично заметил Иннокентий. — Кто они?

— Не блатные точно. Деловые какие-то. Но деньгами большими ворочают. Так что им дорожку лучше не переходить. Барыги без понятий и правил. Это все. Зуб даю. Отпускай.

Васечкин внимательно посмотрел в глаза Баса. Через рваную крышу пробивался свет одинокого фонаря, висевшего на кривом столбе. Ветер его немного покачивал, создавая причудливые тени. Шумела поземка, холодало.

— Бас, вот зачем ты так со мной?

— Чего опять?

— Не договариваешь, а это нехорошо, — Кеша поднялся и взялся за концы кочерги.

— Не надо! Ты же сам сядешь! — прохрипел отчаянно амбал.

— Да пофиг! У меня справка из дурки есть.

— Не убивай, Христом богом прошу.

— Я не зверь, Бас, но давай договоримся по-хорошему. Чтобы и тебе не было обидно. Ты ведь тем деловым ничем не обязан?

— Да пошли они, потрохи сучьи. Подставили. Не по понятия так.

— Правильно мыслишь, — Кеша достал из внутреннего свой кошелек и, подумав, вынул оттуда сиреневую бумажку. — Они тебе не корефаны, чтобы вписываться. А вот это может стать твоим, если ты мне расскажешь все, что слышал даже краем уха. И ты сразу валишь в закат.

Бас осторожно облизал пересохшие губы:

— Заметано. Лично к тебе претензий нет. Разойдемся бортами?

— Договорились.

Все оказалось банально и мутно одновременно. Кто-то из тех двух деловых поставлял некий товар с «закрытого» предприятия под видом выбраковки. Часть его по пути еще больше «утрясалась», но по документам все выходило в ажуре. Рулил процессом вывоза и утруски Герыч, получая за это немалую мзду. Непростой оказался на поверку гражданин. Он и свел продавца с покупателем. На кону стояли большие деньги. Миллионы. А миллион незаконной прибыли в СССР это расстрельная статья. Теперь понятно, почему пошла такая движуха и делеги так занервничали. Концов не могли найти.

— Твой кореш Герыч деловых конкретно кинул. Взял хорошие бабки и исчез. За такое наши бы просто перо в бок прислали.

— Но эти же не уголовники?

— Барыги. Но со связями. Они еще хуже. Говорю же, ни понятий, ни уважения.

— Мент от них?

— Имеет что-то или должен, без базара. Тут не скажу. Но наверху у них точняк крыша имеется. Борзые больно.

— То есть они думают, что я в сговоре с Герычем?

— Так такая схема поломалась и убыток бешеный. Злые они. Но осторожные.

Наконец, все встало на свои места. Но понимание сделало сложившуюся ситуацию еще хуже. Завод-то этот работал на оборону. Что там те суки, интересно, воровали? И прошлый Васечкин в мутной схеме деловых был точно замешан. Иннокентию стало муторно, и он сам приложился к фляжке.

— Так, у нас договор?

— Вали! Деньги в карман кладу. Кочергу сейчас сниму, дальше сам. Но чтобы я тебя больше в городе не видел.

— Да мне самому ваши разборки даром не сдались. Я ведь вообще не при делах.

— Начни все сначала, Басов. Оно тебе надо в этом дерьме барахтаться? Пока еще есть шанс.

Бас осторожно снял с шеи кочергу, размял руки и бросил напоследок:

— Нормальный ты, пацан по жизни. Удачи.

В общагу идти не получалось. Вход после одиннадцати был закрыт. Да и не хотелось там светиться. Ноги сами выбрали направление. Допив фляжку, Кеша выкинул ее подальше в сугроб и пошел быстрее, пробираясь сквозь чересполосицу частного сектора. Принять посреди ночи его нынче мог лишь один человек. Мартын Петрович Герман. У него был выстроен неподалеку свой дом.

Глава 34

Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет

— Бери телефон и звони.

Старички-разбойники поставили салонный телефонный аппарат перед Васечкиным.

— Ты пойми, Кеша, только органы в таком могут помочь. И главное, что тебе есть кому звонить.

Мартын Петрович еще с утра все выпытал у молодого коллеги и пошел с Кешей на работу посоветоваться со старым приятелем. И уже полчаса, как они оба его обрабатывали. Пришлось тем рассказать все. Альтернатив Иннокентий так и не придумал. Идти в местную милицию? Обращаться к властям вроде Шпакова? Валить на поклон к Каскаду и Кадырову? Везде его ждут лишь вилы. И закончится, скорее всего, для него крайне плохо.

— Хорошо, но вам надо выйти.

Полковник ответил на удивление быстро.

— Привет, Иннокентий. Как жизнь молодая?

— Дело у меня к вам Глеб Иванович. Но не по телефону.

Видимо, начальник угрозыска области что-то уловил в голосе молодого человека, потому что ответил сухо по-деловому:

— Все так плохо?

— Даже хуже, чем думаете. Нужна помощь настоящих профессионалов.

На том конце провода глубокомысленно помолчали, затем раздалось:

— К обеду жди от меня человека.

— Спасибо.

Положив трубку, Кеша еще некоторое время смотрел на красный телефон. Все, первый ход белый сделали. Но нужно подумать и об отходе. Есть время сбегать в общагу и подготовиться.

— Проходите.

— Мне три на четыре, пожалуйста.

— Товарищ старший лейтенант?

Темноволосый крепыш с усмешкой наблюдал за Васечкиным.

— Уже капитан. Но фотографии мне все равно нужны для пропуска в бассейн.

— Сейчас сделаем!

Со старлеем они были хорошо знакомы. Тот плотно занимался делом маньяка, да и парень был неплохой и веселый. И это правильно, что полковник прислал опытного оперативника, а не целую комиссию во главе с важными чинами.

— Готово.

— Пойдем, пообедаем, заодно поговорим.

На проходной автотранспортного предприятия Кешу знали, а Пронин мельком показал свою красную книжицу и уверенно прошел дальше, привычно не дожидаясь ответной реакции. Милицию в семидесятые уважали и препятствий обычно не чинили.

— Рассказывай.

Чем дальше, тем медленней капитан хлебал рассольник.

— Твою же дивизию, Кеша! Как ты умудряешься попадать в такие ситуации. Я думал тут ерунда какая-то, а вместо нее такое тяжкое дело вырисовывается.

— Товарищ капитан, вы мне должны. Не забыли?

Пронин буркнул:

— Тебя забудешь.

Кеша глянул на именные часы, нарочито повернутые к оперативнику, и вздохнул.

— И что делать будем?

— Значит, так. Мне сначала надо позвонить начальству. Но как я понял, идти в местный РОВД нам не стоит?

— Так точно. Из салона позвонишь, заодно фотографии заберешь.

— Добре.

Полковник дал добро на оперативные мероприятия, и колесо закрутилось. По уму делом должна заниматься прокуратура, открыть его хотя бы для начала. Да и с хищениями обычно работает ОБХСС. Но учитывая то обстоятельство, что возможно вмешаны государственные интересы, стоило обратиться к смежникам. Потому полковник посчитал для начала оперативно собрать некоторую информацию, чтобы решить, что дальше делать. Одних слов Васечкина для грамотного расследования было мало.

— Говоришь, отравили тебя.

— Потому и память отшибло.

— И стал ты как будто другим человеком?

— Это вы откуда знаете?

— Ты за кого нас принимаешь? Мы тебя, Кеша, под лупой изучили. Твои слова, кстати, подтверждаются, больно уж с датами совпадают.

— И что теперь?

— Да не парься, Кеша, все будет нормально. Отмажем. Полковник у нас человек. А ты нам тогда крайне помог. Представляешь, сколько эта мразь еще девчонок могла убить. У него же целая схема была придумана. Извращенная донельзя! За такое тебе многое простить можно. Ну, вляпался по глупости. Так, сам сейчас и огребаешь. И ты ведь не к этим деловым договариваться побежал, а к нам. Это о тебе много говорит. Давай съездим для начала кое-куда.

Капитан катался на неприметном бежевом Москвиче 412. Насколько успел заметить Иннокентий, машина была не новая, но ухоженная. По пути молодой человек задавал всякие наводящие вопросы, удивив капитана знанием автомобильного устройства. Подкатили же они к воротам «Прибормаша». Васечкину бывать здесь еще не приходилось и понятно по какой причине. Предприятие и в самом деле работало на оборону. Не все, но часть продукции шла в Вооруженные силы.

— Нам должны были оставить пропуска. Кеша, давай паспорт.

На сидящего здесь еще со времен НКВД пожилого усача корочки капитана впечатления не произвели. Он, не спеша, сверил документы и выдал им два картонных обрезка.

— Идти прямо по коридору. Никуда не сворачивать. И пусть вам там подпись поставят. Иначе не выпущу.

— Спасибо.

В кабинете отдела кадров их уже ждали. Сухопарый, но серьезный старик в очках встал из-за стола и протянул руку гостям.

«Тут только нафталиновых, что ли на работу берут?»

— Николай Александрович Замяйлов. Прошу садиться. По какому вопросу, товарищи?

— Дело к вам есть, Николай Александрович. Вам же звонили?

— Да. Но прошу не забывать о специфике нашего предприятия.

— Это так, но обстоятельства требуют срочного оперативного вмешательства.

Через десять минут подробной беседы серьезное лицо старика стало еще серьезней, и он потянулся за телефоном.

— А вот тут торопиться не надо, — моментально пресек его попытку Пронин. — Мы вспугнем шайку, а потом и концов не найдем. Эти граждане готовы на все, вплоть до убийства.

Замяйлов задумался.

— Оперативное расследование? Но вы понимаете, что я должен доложить своему куратору. То есть вашим смежникам. Так положено.

Капитан сухо кивнул:

— Они это дело скорее всего и заберут. Но что мы им предоставим?

Начальник первого отдела, отвечающий за кадры и много за что прочего, понимающе кивнул:

— Как будем тогда действовать, капитан. Да ты не менжуйся, я сам служил в органах. Правда, еще в НКВД.

— И не сидится вам на пенсии?

— Кому-то надо страну охранять?

— Тогда вызовите к себе под каким-нибудь предлогом начальника искомого склада.

— Вот там ниша, можно спрятаться, — скупно кивнул Николай Александрович в сторону и взялся за трубку телефона.

Это был Сулейман Сулейманович Кадыров. Даже не скрывал своего имени, гад. Вот и первая ниточка. Пронин кинул внимательный взгляд на Васечкина, тот кивнул, капитан посерьезнел. После опознания объекта Замяйлов все-таки позвонил своему куратору из органов, поставив того в известность. После разрешения сверху он начал доставать личные дела сотрудников. В итоге стала вырисовываться довольно интересная картина. Осознав, что под его боком работает целая шайка, бывший НКВДист заработал с утроенной силой.

— А такого Льва Абрамовича вы не знаете часом? — осторожно спросил Васечкин.

— Ну почему же, — начальник первого отдела как будто помолодел и блестел глазами, почуяв азарт сыщика. — Он из нашего главка, курирует у нас производственный процесс. Часто бывает с командировками.

Пронин и Васечкин переглянулись. Первый осторожно спросил:

— Интересно, а что может связывать Каскада и Кадырова?

— Так они до этого работали вместе в Ташкенте на подобном предприятии.

Вот узелочки и начали понемногу развязываться.

В разгар работы с бумагами настойчиво зазвонил телефон. Замяйлов взял трубку и озадаченно посмотрел на гостей:

— Вас ждут на проходной.

Кто ждал и зачем, было понятно без лишних слов. Как и то, что документы им вынести не дадут. Даже копии снять. Молодой человек с жестким ежиком серых волос показал в сторону черной «Волги». Пронин сел туда один и о чем-то минут десять оживленно переговаривался с сидевшим там человеком. Васечкин же неожиданно успокоился. Тут такая мощная машина закрутилась, что без последствий не оставят. Затем его пригласили внутрь автомобиля.

— Майор Абакумов, Комитет Госбезопасность, — первым заговорил гэбэшник. — Не представляйтесь, вас я знаю. Дело беру в свои руки, все уже согласовано. Вы оба пока будете под моим оперативным подчинением. С вашим начальством я договарюсь. Так, Пронин?

— Так точно.

— Только вот кем он у нас будет проходить? — кивнул в сторону Васечкина майор.

— Представитель ДНД.

Абакумов ехидно улыбнулся в ответ, но согласился:

— Хорошо, пусть будет так. Договаривайтесь о встрече с деловыми, Иннокентий.

«Без меня все решили, только спросить забыли».

Но деваться некуда. Прикрытие в виде честного дружинника очень даже неплохое. Возможно, его в суд в виде свидетеля не потянут. Если этим занимается КГБ, то они решат все проблемы по своим каналам. Таково было условие полковника из области.

— А можно задать вопрос?

Служивые переглянулись:

— Давай.

— Что эти хмыри вывозили и зачем?

— Грамотный дружинник пошел, — улыбнулся майор, затем серьезно ответил. — На заводе производят самые современные электронные схемы. Брак имеется, куда без него. Но часть его вполне годна для производства радиотехники, пользующейся спросом у населения. Просто у военных запросы выше. Эти деятели по своим каналам перегоняют схемы в одну южную республику, где на государственном радиотехническом предприятии в закрытом цеху собирают неучтенную аппаратуру.

— И скорее всего под видом импорта. Платы идут отличного качества. А шильдик на пластик наклеить левое дело!

Гэбист с уважением покосился на коллегу из милиции.

— Очень возможно. Затем товар поступает на черный рынок. Навар в сотни процентов.

Васечкин присвистнул. В капиталистическом будущем такие проценты даже не снились. Но до чего ловкие граждане. Это же схема из девяностых. Привезти китайскую дрянь под название Паносоник и продать как фирму.

— Мне говорили, что они ворочают миллионами.

Пронин покачал головой:

— У тебя дар, Васечкин, влезать в неприятности.

Иннокентию нечего было ответить. Считай, еще легко отделался и заодно подарил такое важное дело товарищам из органов. Оба офицера наверняка уже примеряли на себе новые погоны. И они будут помнить, благодаря кому это удалось проверить. Так что отмажут.

Сейчас главное — на рожон не лезть.

— Как мне им дать знать?

Пронин был опытным оперативником и долго не раздумывал.

— Для этого мы и поедем вечером в искомый ресторан. Да, товарищ майор? У вас же есть наличные на расходы?

Гэбист осуждающе посмотрел на смежника:

— Вот вы, опера, всегда такие наглые?

Ответил за капитана Васечкин сакраментальной для его времени фразой:

— Не мы такие, жизнь такая.

Оба офицера глубокомысленно хмыкнули и с любопытством уставились на Иннокентия. Он был уже уверен, что фраза точно уйдет в народ.